

На главную

Р. Г. СКРЫННИКОВ

ТРЕТИЙ РИМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

МОСКОВСКАЯ МЕЖДОУСОБИЦА

Глава 2

У ИСТОКОВ САМОДЕРЖАВИЯ

Глава 3

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ
ВАСИЛИИ III

Глава 4

ОБРАЗОВАНИЕ МОСКОВСКОГО
ЦАРСТВА

Глава 5

СМУТА В РОССИИ

Библиография

Монографии Р. Г. Скрынникова

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусское государство — Киевская Русь — пережило расцвет в XI-XII вв., а затем распалось на множество княжеств. В XIII в. Русь была завоевана кочевниками-монголами и надолго утратила национальную независимость. Самым крупным княжеством Северо-восточной Руси (будущей Великороссии) было Владимирское великое княжество. Владимирский князь Александр Невский успешно воевал со шведами и ливонскими рыцарями в Прибалтике, но покорился власти монгольской империи — Золотой Орды. Древнейший город Руси — Новгород избежал татарского нашествия. Однако князь Александр помог Орде подчинить Новгородскую землю. После смерти Александра Владимирское княжество подверглось дроблению и пришло в упадок. Отныне на владимирскую корону могли претендовать те из князей, кто обладал военной мощью и пользовался покровительством Орды.

В начале XIV в. владимирской короной завладели тверские князья. Но вскоре они принуждены были уступить первенство московским князьям. Александр Невский наделил княжествами всех своих сыновей. Москва досталась самому младшему из них Даниилу, а от него перешла к его детям Юрию и Ивану I Даниловичам. Своей преданностью Орде Даниловичи заслужили милость ее властителей. С помощью ордынских войск они подавили антитатарское восстание в Твери и дотла разорили Тверскую землю. В народе Иван I получил прозвище Калита (денежный мешок). Доверяя московскому князю, хан предоставил ему право собирать дань со всей Руси и доставлять ее в Орду. Дань стала средством обогащения московской казны. Московские государи не щадили сил и, не стесняясь, использовали подкуп, обман, насилие, чтобы расширить свои владения. Эти князья, лишённые таланта и отличавшиеся устойчивой посредственностью, вели себя, как мелкие хищники и скопидомы (В. О. Ключевский).

Лишь случай помог Московскому княжеству избежать дробления и упадка после смерти Ивана Калиты. Его старший сын Семен Гордый с семьей умерли от чумы. Та же участь постигла второго сына Калиты Ивана II Красного. Будущее династии сосредоточилось на девятилетнем княжиче Дмитрие Ивановиче. После его коронации правителем государства, как полагают, стал митрополит Алексей, который при помощи игумена Сергия Радонежского воздвиг на Руси здание православной теократии (Л. Н. Гумилев). Приведенная оценка легендарна. Византийские источники сообщают, что Иван Красный перед смертью назначил опекуном сына и правителем страны митрополита Алексея. Но византийцы получили информацию от посланцев самого Алексея, придерживавшихся тенденциозной версии. Алексей был митрополитом Киевским и всея Руси. Но древняя церковная столица Руси попала под власть Литвы. Когда Алексей отправился в Киев для управления церковными делами, его там арестовали и длительное время держали в темнице. Как раз в это время в Москве умер Иван II. В его завещании не упомянуто даже имя Алексея.

Правителями Московского княжества были не “теократы” Алексей или Сергей, а московские “великие бояре”. Без них Дмитрий Иванович не мог вести войну и решать государственные дела. Северо-Восточная Русь делилась на множество независимых княжеств, постоянно враждовавших между собой. Если князь затевал войну без совета с боярами, те могли покинуть его и поступить на службу к другому князю. Их право на отъезд подтверждали все без исключения междукняжеские договоры. Время великого князя Дмитрия Ивановича с полным правом называют золотым веком боярства. По словам летописи, Дмитрий советовал своим сыновьям править государством в согласии с боярами: “И бояры своя любите, честь им достойную воздавайте противу служению их, без совета их ничто же не творите”. В прощальной речи к боярам великий князь сказал: “Великое княжение свое вельми укрепих... отчину свою с

вами соблюдах... И вам честь и любовь даровах... И веселихся с вами, с вами и поскорбех. Вы не нарекоетесь у мене бояре, но князи земли моей...”. Сочиненные много позже речи, при всех их риторических красотах и преувеличениях, достаточно верно отражали характер взаимоотношений великого князя и его бояр.

По временам великим князьям не удавалось избежать раздора с “правителями земли”, что приводило к кровавым драмам. При жизни Семена Гордого боярин Алексей Хвост затеял интригу в пользу удельного князя Ивана. Семен наказал боярина и запретил братьям принимать его в уделы. Когда Иван II занял великокняжеский престол, он тотчас поставил боярина Хвоста на пост тысяцкого — главы столичной “тысячи” воинов. Московские бояре, вершившие дела при Семене Гордом, не пожелали уступить первенство Хвосту. Они убили его и бросили труп посреди Кремля. Инициатор заговора Василий Васильевич Вельяминов принужден был после убийства бежать в Орду.

Татарское нашествие привело к тому, что старая знать, происходившая от варяжских предводителей и дружинников, исчезла с лица земли. Бояре Вельяминовы принадлежали к числу немногих уцелевших варяжских родов. Предок Василия Протасий Вельяминов обосновался в Москве при Данииле Александровиче. У Ивана Даниловича Калиты он служил тысяцким. В том же чине служили его сын Василий и внук Василий Васильевич Вельяминов, тысяцкий Семена Гордого. Вельяминовы были первыми боярами при Иване Калите и Семене Гордом и не хотели уступать власть Алексею Хвосту.

Московский митрополит Алексей, происходивший из знатного боярского рода Бяконтов, позаботился о том, чтобы потушить конфликт при дворе. В. В. Вельяминов вернулся в Москву и вновь занял высокое положение в думе. Вскоре он породнился с великокняжеской семьей, женив князя Дмитрия и сына Микулу Вельяминова на родных сестрах. Когда

тысяцкий В. В. Вельяминов умер, Дмитрий Иванович, тяготившийся опекой старых бояр, упразднил должность тысяцкого, после чего сын умершего И. Вельяминов бежал в Тверь, а оттуда в Орду.

В начале правления Дмитрий и его бояре проводили политику подчинения Орде, традиционную со времен Александра Невского и Ивана I Калиты. Однако как только в Орде начались междоусобицы и смута, Русь попыталась избавиться от чужеземного ига. В 1374 г. в Нижнем Новгороде народ перебил татарских послов с отрядом в 1000 человек. Москва немедленно встала на защиту нижегородских князей и послала на границу свои войска. При посредничестве митрополита Алексея и посланца константинопольского патриарха Киприана русские князья составили коалицию и стали готовиться к войне с Мамаем, правителем Орды. Основу коалиции составил союз между Москвой, Тверью и Рязанью. Крушение коалиции началось после того, как в Твери появился беглый московский боярин И. Вельяминов. Он поведал тверскому князю Михаилу о раздорах в Москве и склонил к войне с князем Дмитрием. Литва и татары обещали Михаилу военную помощь. Вельяминов отправился в Орду, после чего хан передал ярлык на владимирский престол тверскому князю. Получив ярлык, Михаил тотчас послал войска на московскую границу. Он явно переоценил свои силы. В 1375 г. войска десятка русских княжеств, собранные, по-видимому, для войны с Ордой, обрушились на Тверь. После месячной осады Твери Михаил признал свое поражение и объявил о возвращении в состав антиордынской коалиции. Боярин И. Вельяминов, будучи в Орде, именовал себя московским тысяцким. Князь Дмитрий нашел случай отомстить ему за интриги. Боярина хитростью заманили на Русь, схватили и обезглавили.

В 1378 г. полки Московского и Рязанского княжеств нанесли поражение татарам на реке Воже в пределах Рязанского княжества. Правителю Орды надо было либо отказаться от богатого русского улуса, либо обрушиться на Русь

сокрушительный удар, чтобы восстановить грозу татарской власти.

В Орде эмир Мамай имел серьезного противника в лице хана Тохтамыша, подчинившего себе среднеазиатские владения империи. Тем не менее, под властью Мамаю оставались обширные территории от Нижней Волги до Крыма и Северного Кавказа.

Золотая Орда представляла собой сложный конгломерат кочевых племен и народностей. Монгольские племена, приведенные на Волгу Батыем, по-прежнему составляли ядро ее военных сил. Но основным населением ордынских степей были половцы. Завоеватели сохранили власть над половцами, но приняли их культуру. В качестве государственного языка в Орде в конце XIV в. стал использоваться половецкий.

Русь вступила в войну с Ордой в "неблагоприятных условиях. Против нее объединились два наиболее сильных противника — татары и литовцы. Орда Мамаю придвинулась к русской границе. На помощь ему шел литовский князь Ягайло с литовско-русскими полками. Дмитрий Иванович решил отправиться в ордынскую степь, чтобы сразиться с татарами до их соединения с Ягайло. Ему удалось осуществить свой план.

Когда началась война, антиордынская коалиция окончательно распалась. Главные союзники Тверь и Нижний Новгород бросили Москву на произвол судьбы, а Рязань переметнулась на сторону татар. Лишь два великих княжества Ростовское и Ярославское прислали на помощь князю Дмитрию свои дружины. Эти княжества, пережившие дробление, находились в сфере московского влияния. Представление об участии в войне до полумиллиона ратников с двух сторон сильно преувеличено. Москва едва ли могла выставить против Мамаю более двадцати-тридцати тысяч человек. Численное превосходство было на стороне

татар.

В конце лета 1380 г. князь Дмитрий Иванович отправился в поход на татар. Прodelав путь в 200 км от Коломны до Дона, русская рать на рассвете 8 сентября 1380 г. переправилась за Дон и выстроилась в боевом порядке на обширном поле между Доном и Непрядвой.

Подойдя с юга, Мамай разбил ставку на вершине Красного холма, господствовавшего над местностью. Поле заметно понижалось к северу, что благоприятствовало атакующим. Около полудня Мамай бросил свою конницу в атаку на русские полки. Но Дмитрий Иванович и воевода Боброк умело использовали особенности местности, располагая войска. Татары не смогли применить свою излюбленную тактику и охватить фланги русской армии.

Русские воеводы понимали, что сеча будет кровавой и победит тот, кто сохранит силы. Великий князь пошел на риск. Подчинив Боброку значительные силы, он велел ему укрыться в зеленой дубраве в засаде на левом фланге. Соотношение сил в первой линии стало еще более неблагоприятным для русских.

Считается, что битва началась с традиционного богатырского поединка. Из русских рядов выехал инок Пересвет, из татарских — пятисаженный “злой печенег”. Богатыри ударили друг друга копьями, и оба пали замертво. Пересвет — историческая личность. В старину любая битва после сближения армий распадалась на множество поединков. В одном из таких поединков и сложил голову Пересвет, обороняя родную землю.

В Древней Руси случалось, что бою небольших сил предшествовал поединок. Когда храбрый князь Мстислав победил князя Редедю Касожского, касоги очистили поле боя, не вступая в сражение. Поединок терял смысл в битвах с участием больших масс войск. Состязание между

богатырями уступало место столкновению сторожевых отрядов.

Героем первой схватки с татарами был не Пересвет, а великий князь Дмитрий Иванович, выехавший навстречу татарам во главе сторожевого войска. Что могло побудить главнокомандующего русским войском к такому безрассудному риску? Известно, что при виде надвигающихся ордынских полчищ бояре настойчиво советовали Дмитрию поскорее покинуть передовую линию, 29-летний князь отверг их совет.

Замечание, мимоходом обороненное новгородским летописцем, вполне объясняет его поведение. Когда Мамаевы полчища облегли поле и стали надвигаться на русские полки подобно грозовой туче, многих новобранцев охватили неуверенность и страх, а некоторые из них стали пятиться и “на беги обратишася”. Тогда-то Дмитрий Иванович и возглавил атаку. Чутье полководца подсказало ему, что исход битвы будет зависеть от того, удастся ли ему воодушевить дрогнувших “небывальцев” (новобранцев) и одновременно сбить наступательный порыв врага.

В “Сказании о Мамаевом побоище”, составленном в стенах Троице-Сергиева монастыря, можно прочесть, что великий князь Дмитрий при первой схватке с татарами был ранен и пролежал в беспмятстве под срубленной березой до самого конца битвы. Лишившись предводителя, армия обрела нового вождя в лице Владимира Андреевича. Он возглавил атаку засадного полка, разгромил татар, после чего отыскал едва живого Дмитрия Донского в перелеске. Приведенный рассказ недостоверен. Ранние источники сообщают, что князь Дмитрий уцелел после первой схватки и до конца битвы оставался в большом полку под великокняжеским стягом.

Легкая половецкая конница в течение трех часов упорно, раз за разом устремлялась в атаку на русские полки. Потери

были огромные с обеих сторон. Наконец, Мамай ввел в сражение свой последний резерв — тяжеловооруженную монгольскую конницу. Монголы смяли русских, но тут воевода Боброк неожиданно атаковал их из засады. В ордынском войске вспыхнула паника. Уставшие полки воспряли духом и перешли в наступление по всему фронту.

Сражение на поле Куликовом было едва ли не самой кровавой битвой в русской истории. Потери московского ополчения были ужасающими. После сражения, повествуют русские летописцы, “оскуде бо отнюдь вся земля Русская воеводами, и слугами, и всеми воинствы, и о сем великий страх быть на всей земле Русской”.

Битва на поле Куликовом не привела к немедленному возрождению независимости Русского государства. Долговременные факторы, которые позволили монголо-татарам разгромить Русь и установить свое господство над ней в XIII в., как видно, не исчерпали себя и в следующем столетии. В XIV в. соотношение сил оставалось неблагоприятным для Руси. Разгромленный русскими Мамай не мог противостоять хану Восточной орды Тохтамышу. Он бежал в Крым, где был убит итальянцами. Тохтамыш объединил обе половины Орды.

Кочевники понесли тяжелые потери в войне с Москвой. У многих монгольских мурз битва унесла родственников. В Орде царило враждебное возбуждение против Москвы. Почти два года Тохтамыш в глубокой тайне готовился нанести Руси сокрушительный удар, чтобы поставить ее на колени.

Используя рознь между русскими, хан привлек на свою сторону рязанского и нижегородского великих князей. Нашествие татар 1382 г. было подобно потопу. Конница хлынула в русские пределы, все сметая на своем пути. Пограничные князья пытались спасти свои земли от погрома и перекинулись в стан врага.

Князь Дмитрий Иванович не успел собрать полки и бежал в Кострому. 23 августа 1382 г. татары появились у стен московского Кремля. Хан Тохтамыш осаждал крепость три дня, после чего вступил в переговоры с ее гарнизоном. Он обещал не причинять вреда городу в случае добровольной сдачи. Обманутые москвичи открыли крепостные ворота. Татары ворвались в Кремль и учинили резню. Напоследок Тохтамыш сжег Москву и ушел в степи.

В годы татарской войны на Руси произошла церковная смута. Дмитрий Иванович своей властью поставил во главе церкви некоего Митяя, преданного ему хранителя княжеской печати. Но высшие иерархи церкви воспротивились его выбору. Посланный в Константинополь на поставление Митяй был, по-видимому, отравлен, а у Руси оказалось сразу два митрополита грек — Киприан и Пимен. Киприан пытался пробраться в Москву из Литвы, но был с позором выслан обратно, за что предал князя Дмитрия анафеме. На поле Куликово Дмитрий явился “проклятым князем”. Духовным отцом Куликовской битвы считают знаменитого московского подвижника инокa Сергия Радонежского.

Сохранилось “Житие Сергия”, основанное на воспоминаниях современников. Будущий отец Сергий — в миру Варфоломей, родился в семье ростовского боярина Кирилла. Семья владела имением под Ростовом. Но ее благополучие оказалось подорвано татарскими набегами и московским владычеством. Иван Калита подчинил себе половину Ростовского княжества. Присланные им воеводы повесили на дереве вниз головой боярина Аверкия, местного тысяцкого. Вскоре же семья Кирилла по своей воле или по принуждению переселилась из родных мест в Радонеж под Москвой. Разоренная семья не обрела благополучия на новом месте. На Руси существовала традиция: те, кто терпел неудачу в мирской жизни, искали последнее прибежище в монастыре. Не прижившись на московской службе, Кирилл ушел в монастырь. Его примеру последовали жена и двое

сыновей. По настоянию Варфоломея братья решили жить отшельниками. Они выстроили себе сначала деревянную будку-келью, а затем небольшую церковку посреди дремучего леса за Радонежем. Старшему брату тяготы и лишения жизни в лесу скоро надоели, и он ушел в столицу. Младший брат, принявший в монашестве имя Сергия, около двух лет провел в одиночестве. Со временем келья Сергия стала центром небольшого монастырька, посвященного Святой Троице. Жизнь монахов была заполнена каждодневным изнурительным трудом. Сергий был одушевлен идеей любви к ближнему и служил братии “аки раб”: носил воду, рубил дрова, пек для всех хлеб. В отличие от старых монастырей Троицкий не блистал богатством. Сергий с братией вели нищенскую жизнь. Но среди иноков появились и состоятельные люди. Однажды Сергий из-за отсутствия хлеба голодал четыре дня. На четвертый он пошел наниматься в плотники к одному из состоятельных старцев своей обители. Целый день он трудился в поте лица, после чего старец расплатился с ним “решетом хлебов гнилых”.

К XIV в. языческая Русь превратилась в Святую Русь. Но, как и в языческие времена, Византия, переживавшая последний расцвет, оставалась для нее источником духовного просвещения. Русское духовенство следило за религиозными исканиями Византии. В XIV в. у греков было три формы монашества. В одних монастырях братья вели “особую” жизнь: каждый держал деньги и личное имущество в своей келье, питался и одевался в зависимости от своего достатка. “Особожительские” обители владели селами, вели торговлю, иногда занимались ростовщичеством. В других монастырях существовала монашеская община (по-гречески — киновий, по латыни — коммуна). Такой строй отвечал вековой мечте христиан о справедливом устройстве земной жизни в соответствии с идеальными представлениями о царстве Божьем. В обителях-коммунах имущество было общим, члены общины проводили жизнь в непрестанном труде, питаясь плодами рук своих, исповедуя

принципы братства и любви к ближнему. Покидая общину, избранные монахи удалялись в пустынь, чтобы вести жизнь отшельника. То была высшая форма аскетизма.

В середине XIV в. патриаршая кафедра в Константинополе утратила контроль за многими православными епархиями. Патриарх Филофей старался отыскать авторитетных церковных деятелей в балканских и восточноевропейских странах, способных поддержать рушившееся единство вселенской православной церкви. На Руси его выбор пал на Сергия Радонежского. Филофей направил Сергию послание и крест. Его грамота определила дальнейшую судьбу Троицкого монастыря. Хваля Сергия за добродетельную жизнь, Филофей наказывал ему принять новый устав: “Совет добрый даю вам, чтобы вы устроили общежительство”. Реформа грозила разрушить привычный уклад жизни монахов. Братия заволновалась, и Сергию пришлось бежать из обители. Он готов был основать новый монастырь. Но митрополит вернул его в Троицу, пообещав изгнать оттуда всех его недругов. В Троицком монастыре, а затем и во многих других обителях, основанных учениками Сергия, был введен устав, запрещавший братии иметь личное имущество. Новый порядок предполагал общее ведение хозяйства, общую трапезу, общее владение имуществом.

В своей обители Сергей построил храм в честь Святой Троицы, “чтобы постоянным взиранием на него побеждать страх перед ненавистной раздельностью мира”. Догмат о Святой Троице занимал одно из центральных мест в системе православного богословия. В глазах верующих Троица стала олицетворять исток и родник жизни, идею единения мира и всеобщей любви, все то, что противостояло смертоносным раздорами “разделенности”.

Татарское иго разорило Русь материально и нравственно. Народу надо было вернуть веру, а через веру — нравственность. Сергей был одним из тех, кто способствовал этому. Накануне Куликовской битвы он обратился к Дмитрию

Ивановичу с грамотой. Его обращение укрепило дух армии. Еще более глубокое влияние на своих современников Сергей оказал примером своей жизни.

Основанный Сергием Радонежским Троицкий монастырь стал одним из значительных центров средневековой русской культуры. Труды книжных мастеров Троицы сохранили на века многие памятники отечественной письменности. В монастыре уже в XV в. возникла собственная литературная традиция. Составленное в его стенах “Сказание о Мамаевом побоище” привлекало внимание многих поколений читателей. В Троицком монастыре сформировался талант Андрея Рублева, живопись которого составила эпоху в развитии древнерусского искусства.

Глава 1

МОСКОВСКАЯ МЕЖДОУСОБИЦА

Историки высказывали удивление по поводу “таинственных исторических сил, работавших над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования”. Быстрое возвышение Москвы задерживало процесс дробления Севере-Восточной Руси, позволяло собирать “дробившиеся части в нечто целое”. Приведенные слова В. О. Ключевского оказали глубокое влияние на русскую историческую мысль. В блестящем исследовании о Московском государстве А. Е. Пресняков сосредоточил внимание на формировании основ новой государственности при ближайших преемниках Ивана Калиты, на собирании власти московскими великими князьями.

Понятие “собрание власти” не вполне точно отражает факт завоевания Москвой различных не принадлежавших ей земель. На первых порах эти завоевания не имели важных исторических последствий, поскольку процесс дробления

Северо-Восточной Руси продолжался весь XIV век. Начальные успехи Москвы не заключали в себе ничего загадочного. Московское княжество избежало дробления, сокрушившего мощь старых и вновь образовавшихся великих княжеств Руси. Помимо объективных причин успеху Москвы благоприятствовали чисто случайные моменты: слабая рождаемость в семье Ивана Калиты и смертоносное действие чумных эпидемий, унесших жизнь почти всех его ближайших потомков.

Победитель татар Дмитрий Донской в своей внутренней политике следовал принципам, которые воспроизводили и углубляли порядки раздробленности. Он был первым из Даниловичей, оставившим после себя многочисленное потомство. Разделив “отчину” между пятью сыновьями, Дмитрий подготовил почву для усобиц, грозивших навсегда подорвать могущество Москвы.

Князь Дмитрий благословил сына-наследника Василия “своею отчиной великим княжением” Владимирским. Что касается Москвы, она становилась совместным владением четырех старших сыновей государя. Старший сын, кроме того, получил Коломну, Юрий — Звенигород, Андрей — Можайск, Петр — Дмитров. Младшему сыну Константину княжество было выделено позже.

Пока Владимирское княжество оставалось ядром государства и главной опорой великокняжеской власти, передача короны наследнику обеспечивала ему “старейшинство” среди братии и всех прочих русских князей. Однако в XV в. ситуация существенно изменилась. Владимир пришел в полный упадок, а средоточием могущества великого князя стала собственно Московская земля. Продолжая делить московскую “отчину”, государь собственными руками разрушал фундамент сильной великокняжеской власти.

Примитивный строй организации московской

государственной власти лишал ее необходимой устойчивости. Владетелем государства — “отчины” выступала вся княжеская семья, которую после смерти князя формально возглавляла его вдова. Она улаживала конфликты между сыновьями, делила между ними выморочные удельные княжества и пр.

Василий I (1389 — 1425) не выделялся способностями среди братьев. В юности он четыре года провел в ордынском плену. Когда княжич достиг совершеннолетия, доброхоты помогли ему бежать из Орды в Литву. По-видимому, там он был помолвлен с дочерью правителя Литвы князя Витовта. Взойдя на трон, Василий I проводил политику подчинения Орде и старался использовать ее мощь для расширения московских владений. От Тохтамыша московский государь получил ярлык на великое княжество Нижегородское. Местные князья пытались вернуть себе наследственные владения, что привело к многолетней междоусобице. Вмешательство татар упрочило их господство над Русью.

Разгром Золотой Орды среднеазиатским завоевателем Тимуром создал благоприятные возможности для освобождения Руси от иноземного ига. Но Василий I не решился продолжить дело отца. Подчиняя себе русские земли, Литва брала на себя функции защиты их от татар. Литва никогда не признавала власти Орды. Дань, которую платили ханам южнорусские города, не равнозначна была татарскому игу. В 1399 г. литовский великий князь Витовт, собрав многочисленные силы, попытался нанести Орде решающий удар и отбросить ее от своих границ. Сражение развернулось на берегах р. Ворскла и закончилось бегством Витовта. Победителем Витовта был воинственный нагайский правитель Едигей, подкрепивший войско золотоордынского хана.

В 1408 г. Едигей совершил опустошительный набег на Москву. Тверь выступила в качестве его союзника. Татарам не удалось захватить столицу, но они подвергли страшному

разгрому окрестности Москвы, Ростов и Нижний Новгород.

В дни набега Едимей направил грамоту Василию I, упрекая его в неверности. Грамота давала наглядное представление о роли бояр в управлении Московским государством. Едимей хвалил Федора Кошку, отстаивавшего в думе традиционную политику подчинения татарам, и ругал сына Кошки казначея Ивана Кошкина, не желавшего посылать дань в Орду.

Василий I, по утверждению Едигея, покорно следовал всем советам — “слову и думе” своего боярина-любимца.

(Кошкины были прямыми предками бояр Романовых)

Церковная смута, происходившая при Дмитрии Донском, завершилась поражением великокняжеской власти. Василий I не помышлял о том, чтобы поставить на митрополию доверенного чиновника. Русскую церковь возглавил Киприан, византиец славянского происхождения. В отличие от своего предшественника Алексея он не собирался подчинять церковную политику целям Москвы. Восстановив единую церковную организацию на всей территории Руси и Литвы, Киприан старался потушить религиозную рознь и ради этой цели первым предложил объединить православную и католическую церковь в пределах Литвы. Гибнущая Византийская империя давно искала пути к военному союзу с католическим Западом. Покровитель Киприана император Иоанн V принял католичество, рассчитывая на поддержку Рима. Патриарху пришлось смириться с таким неслыханным отступничеством монарха. Идея унии давно обсуждалась в европейских столицах, и Киприан надеялся осуществить первый опыт унии на территории своей митрополии.

Поскольку в Москве никаких католиков не было, унию предполагалось ввести, по-видимому, только на территории Литвы и Польши. Польский король Ягайло, сменив православную веру на католическую, с полным основанием рассчитывал на то, что уния поможет ему насадить католицизм в пределах Литвы. Ягайло выступил как инициатор унии вместе с Киприаном. Однако патриарх отклонил их предложение. В Москве идея унии вызывала

осторожное отношение. Василий I на всякий случай воспретил помянуть имя императора на богослужениях в Успенском соборе. Патриарх был встревожен этим и отправил в Москву обширное увещательное послание. При Василии I Москва все больше втягивалась в орбиту литовского влияния. Киприан использовал весь авторитет церкви, чтобы не допустить войны между Литвой и Русью. Население Смоленского княжества тщательно просило Москву о помощи в войне с литовцами. Василий I отклонил призывы Смоленска. В 1404 г. Литва завоевала Смоленскую землю. Литовское нашествие грозило Пскову. Москва отказала в помощи также и псковичам.

Киприан оставил заметный след в истории русского летописания. Составленный при его дворе “свод 1408 г.” явился по существу первым московским летописным сводом общерусского значения. Характерной чертой свода, законченного уже после смерти Киприана, было критическое отношение к Дмитрию Донскому. Назначив своего любимца Митяя митрополитом, князь положил начало долгой церковной смуте. “Повесть о Митяе”, включенная в свод, изображала деятельность претендента в сатирическом свете. Составитель свода резко осудил князя Дмитрия и владыку Алексея за вероломство в отношении тверского князя, которого пригласили в Москву и, нарушив клятву, арестовали.

Киприан предал анафеме князя Дмитрия накануне его похода против Мамаея. О Мамаевом побоище грек узнал в Киеве по слухам. Знаменитая битва была в глазах митрополита-изгнанника маловажным событием. В своде 1408 г. ход битвы описан кратко и с помощью тусклых штампов (“бысть... брань крепка зело и сеча зла”). Летописец не упоминает имени героя битвы Владимира Андреевича. Лишь рассказ о погибших в битве воеводах носит конкретный характер: сводчик включил в текст источник церковного происхождения — синодик побиенных на поле Куликове.

Значительно подробнее, чем Куликовскую битву, летописец описал злополучное нападение на Москву Тохтамыша в 1382 г. На Дону Дмитрий победил Мамай, который отнюдь не был “царем” Орды. Его мужество подверглось испытанию, когда на Русь нагрянул хан. Князь Дмитрий, “слышав, что сам царь (Тохтамыш. — *Р.С.*) идет на него со всею силою своею, не ста на бой, ни противу его поднял руки... но поеха в свой град на Кострому”. Летописец не счел нужным сослаться на необходимость собрать полки. Его слова ставили под сомнение доблесть Дмитрия Донского. Сводчик упоминает имя князя Остея, внука Ольгерда, взявшего на себя оборону Москвы и погибшего от рук татар. Он указывает на активные действия князя Владимира Андреевича, разбившего татарские разьезды под Волоколамском. Но о Дмитрие замечает, что тот оставался в Костроме, ничего не предпринимая. В момент татарского нашествия Москву покинул не только Дмитрий Иванович, но и Киприан. Сведения об этом в летописи не фигурировали. Киприан укрылся в Твери, что и дало Дмитрию Донскому повод ко вторичному изгнанию Киприана за рубеж.

По традиции летописцы сопровождали известие о “преставлении” государя панегириком в его честь. В московском своде 1408 г. кончине Дмитрия Ивановича уделено немного строк, нет указания на его воинские заслуги, победу на поле Куликовом, отсутствует перечень его добродетелей.

Киприан взошел на киевскую митрополию как ставленник язычника Ольгерда. Это обстоятельство, без сомнения, отразилось в своде 1408 г. Называя Ольгерда “безбожным и нечестивым”, книжник из митрополичьего дома отдавал должное исключительным личным качествам князя. Ольгерд, подчеркивал летописец, всех литовских князей “превзыде властью и саном, но не пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великомуство и воздержание приобрете себе, крепку думу от себе”. На войне Ольгерд побеждал, потому что “не токма силою, елико уменьем воеваше”. Киприан

поддерживал дружеские отношения с Ольгердовичами до конца жизни. Но позицию митрополита определяли не только его личные привязанности. Действия католика Ягайло Киприану не мешали управлять русской епархией и расширять ее пределы. Напротив того, действия Дмитрия Донского, старавшегося превратить общерусскую церковь в московскую, грозили полным расколом единой церковной организации Руси. Именно этот момент, а не только личная вражда к Дмитрию Донскому определили тенденцию свода 1408 г. Эту тенденцию не следует рассматривать как антимосковскую.

Благодаря Киприану связи русской церкви с Византией расширились. Митрополит позаботился о проведении на Руси литургической реформы патриарха Филофея. Киприан исповедовал идеи нестяжания и исихазма, плодотворно воздействовавшие на развитие русской духовности. Усиление византийского влияния в XIV в. ощущалось в разных областях культуры. Живопись Феофана Грека и его учеников явилась самым ярким примером тому.

После смерти Киприана в 1406 г. митрополичий стол занял грек Фотий, прибывший в Москву из Константинополя в 1410 г. За время церковного безначалия имущество митрополичьего дома понесло немалый ущерб, и Фотию пришлось употребить массу усилий, чтобы вернуть церкви утраченные земли и богатства. Аналогичные попытки, предпринятые в пределах Литвы, не привели к успеху. Вскоре же Витовт изгнал Фотия из Киева. Новое сближение Руси и Литвы позволило Фотию десятилетие спустя восстановить единство русской митрополии.

Василий I избежал необходимости вновь делить московскую вотчину и прочие великокняжеские земли. Его первенец княжич Иван скончался в двадцатилетнем возрасте. Три других сына умерли в младенчестве. В живых остался пятый сын Василий. Великий князь “приказал” сына Василия своей жене Софье Витовтовне. Вдовствующая княгиня-мать Софья

Витовтовна не могла исполнять роль главы княжеской семьи, так как не пользовалась авторитетом у деверей — старших удельных князей. Необходим был человек, который родительским авторитетом мог бы снова объединить гнездо потомков Дмитрия Донского. Выбор Василия I пал на великого князя литовского Витовта. Витовт находился в зените своего могущества. С точки зрения иерархической Витовт стоял на одном уровне с московскими государями, а потому удельные князья могли признать его “братом старейшим” без ущерба для своей чести. По завещанию Василий I “приказал” сына и жену “тестю великому князю Витовту” и нескольким братьям, которым доверял.

Смерть Василия I 22 февраля 1425 г. повлекла за собой рознь в княжеской семье. При переходе власти к Василию I против него немедленно выступил дядя Владимир Андреевич, не желавший признать “старейшинство” молодого племянника. Передача трона десятилетнему Василию II вызвала протест его дяди Юрия Дмитриевича. Сразу после смерти Василия I митрополит Фотий по распоряжению великой княгини и бояр передал приглашение князю Юрию прибыть в Москву и присягнуть на верность племяннику. Однако Юрий, направлявшийся в столицу, свернул с дороги и уехал в Галич. Вскоре же он предложил московским властям заключить краткое перемирие. Предложение князя было равнозначно объявлению войны.

Московское ополчение составляло ядро русской армии на поле Куликовом. Раздел московской вотчины раздробил московскую рать. Василий I, не обладая военными талантами, ставил во главе полков братьев. Участие во всех походах обеспечило высокую боеспособность удельных войск. Князь Юрий снискал славу доблестного воеводы. Он отличился в походе на Нижегородское княжество, когда нижегородские князья при поддержке татар вернули себе свою столицу, заняли Булгары за Волгой. Как заметил летописец, “никто же не помнит, /чтобы/ толь далече воевала Русь татарскую землю”. В дальнейшем Юрий княжил в

Новгороде Великом. Если бы Юрию удалось в 1425 г. привлечь на свою сторону удельные полки, он имел бы шансы одолеть племянника. Однако московские бояре опередили его. Они выслали к Галичу рать, к которой присоединились полки Андрея, Петра и Константина Дмитриевичей. Оставшись в одиночестве, Юрий Дмитриевич бежал в Нижний Новгород. Князь Андрей двинулся следом за Юрием, но постарался не доводить дело до битвы. С миротворческой миссией к Юрию в Галич многократно выезжал митрополит Фотий. Удельный князь собрал не только воинских людей, но и “чернь всю”, желая произвести впечатление на Фотия, но последний не испугался, а промолвил: “Сыну, не видах столико народа в овчих шерстьех, вси бо бяху в сермягах. Народ в сермягах не мог участвовать в войне и в расчет не принимался. Легенда гласит, что митрополиту не удалось смирить Юрия, и он покинул Галич. Тут в уделе начался “мор на людей”. Князь убоился “гнева Божия”, вернул Фотия и согласился на мир. Юрий не отказался от своих честолюбивых планов, но обязался “не искать княжения великого собою, но царем (на суде в Орде. — *Р.С.*), которого царь (хан. — *Р.С.*) пожалует, тот будет князь великий Владимырьский...”. Юрий уповал на Орду. Софья с сыном надеялись на литовскую подмогу. В письме к ливонскому магистру Витовт писал: “Великая княгиня московская сама недавно были у нас и вместе со своим сыном, землями и людьми отдались под нашу защиту”.

Начавшаяся эпидемия черной оспы отодвинула на задний план прочие заботы. Мор не стихал два года, заставляя правителей и знать покидать города и искать убежище в сельской глуши.

А. Е. Пресняков называл правителем государства при малолетнем Василии II митрополита грека Фотия. В действительности государством правили бояре, среди которых первое место занимал И. Д. Всеволожский. Его влияние при дворе было исключительным. Боярин обеспечил себе карьеру браком с дочерью М. Вельяминова.

Одну из своих дочерей И. Д. Всеволожский выдал за князя Юрия Тверского, другую — за удельного князя Андрея Радонежского, третью сватал Василию II. И. Д, Всеволожский провел судебную реформу, ограничивающую права великокняжеского наместника Москвы в пользу владельцев удельных жеребьев столицы.

Утратив надежду на успех, князь Юрий в 1428 г. признал Василия II “братом старейшим” и отказался от претензий на корону. Но смирить себя перед малолетним племянником он все же не мог. По условиям dokonчания, Юрий выговорил право не участвовать в походе, если Василий II брал на себя общее командование полками. В этом случае он ограничивался посылкой в поход сыновей.

Князья издавна пользовались правом призывать к себе “вольных слуг”, которые при этом сохраняли свои вотчины. Докonчание 1428 г. ограничило эту важнейшую привилегию князя. Юрий обязался “князей служебных” (из великого княжества) “с вотчиною себе в службу не приимати”.

В эпоху средневековья достоинства князя измерялись прежде всего его воинской доблестью, подвигами в защите отечества. Сын Донского не унаследовал от отца его воинского таланта и славы. При нем Московское княжество вступило в полосу кризиса и военных неудач. Оставаясь татарским улусом, Русь оказалась втянутой в орбиту литовского влияния.

Осенью 1430 г. московский, тверской и рязанский князья были вызваны в Вильну. Витовт готовился одеть на себя королевскую корону. Однако коронация не состоялась, а вскоре после отъезда гостей Витовт умер. Год спустя в Москве скончался митрополит Фотий. В Литве к власти пришел свояк князя Юрия Свидригайло. Василий II не мог более противопоставить врагам союз с Литвой.

После смерти Витовта, повествует летопись, Юрий

“разверже” мир с Василием II и отослал в Москву текст договора 1428 г. В подлиннике была тогда же сделана помета: “А ею грамоту князю великому прислал /со/ складною (грамотой. — *Р.С.*) вместе князь Юрьи, к Орде ида”. Складную грамоту посылали при объявлении войны. Но не это вызвало переполох в Москве. Бояре были смущены тем, что удельный князь в соответствии с первым докончанием 1425 г. решил отправиться в Орду, чтобы судиться с племянником из-за ярлыка на великое княжество. Исход суда зависел от того, кто первый прибудет к ханскому двору и успеет доказать свою преданность Орде. В таких условиях правитель И. Д. Всеволожский убедил Василия II ехать в Орду и лично возглавил его скиту. Ко времени путешествия государю исполнилось пятнадцать лет, и он достиг совершеннолетия.

Отчет о переговорах в Орде был составлен московской канцелярией при участии правителя И. Д. Всеволожского. Отчет почти целиком состоял из пересказа речей Всеволожского, похвал по поводу его удивительных дипломатических успехов. Однако при ближайшем рассмотрении эти успехи выглядели как полнейшее поражение.

Отправившись в Орду для решения спора о владимирской короне, русские князья поставили себя в унижительное и трудное положение. Улу-Мухаммед проявил пренебрежение к князьям из русского улуса, продержав их у себя почти год. Василий II попал в юрту к московскому даруге Минбулату. Князя Юрия забрал на зиму в Крым мурза Тегин. Летом 1432 г. князья были приглашены в ставку. Василий II попросил себе ярлык на великое княжение, но Юрий опроверг его доводы “летописцы старыми списки и духовную отца своего великого князя Дмитрия”. В духовной значилось, что по смерти Василия I трон переходит к следующему по старшинству брату, т.е. Юрию. В диспут вмешался И. Д. Всеволожский. Он заявил, что Юрий желает получить великое княжение “по мертвой грамоте отца своего, а не по

твоему жалованию водного царя”. Летописец старался преподнести эти слова как триумф московской дипломатии. Но в действительности речь правителя свидетельствовала о полной капитуляции.

Правитель постарался убедить властителя Орды, что его московский государь ищет великого княжения из ханской руки — “твоего улуса, по твоему цареву жалованию и твоим девтерем и ярлыком”. Согласно московской версии, демарш Всеволожского привел к немедленному успеху. Летописи независимого происхождения свидетельствуют об обратном. Миссия правителя закончилась провалом. Орда по традиции делала ставку на сильнейшего из русских князей. Но Улу-Мухаммед не был уверен, что малолетний племянник одолеет дядю. По Новгородской летописи, “выидоша князи рустии из Орды без великаго княжения”. О том же говорит и псковский летописец: Василий II с дядей и все бояре с ними выехали из Орды “добры и здравы, а княжения не взят не един”. Лишившись на год государя, московский правящий круг должен был признать, что решение о поездке в Орду явилось серьезной ошибкой. Итоги миссии Всеволожского вызвали глубокое разочарование. Орда направила на Русь вслед за князьями посла Мансыр-Улана. Он посадил Василия II на владимирский трон, но одновременно стал добиваться от него выполнения финансовых обязательств.

Правитель навлек на свою голову общее негодование, и ему пришлось прибегнуть к помощи книжников, чтобы восстановить добрую славу семьи.

После смерти зятя князя Андрея Радонежского Всеволожский стал опекуном его удельного княжества. По-видимому, не позднее 1432 г. книжники Троице-Сергиева монастыря, располагавшегося в уделе, составили “Сказание о Мамаевом побоище”. Сказание прославляло как князя Владимира Андреевича, так и отца правителя. Дмитрий Донской якобы вверил передовой полк “князьям” Дмитрию и Владимиру Всеволожским. “Князья” храбро атаквали татар

в самом начале битвы. Дмитрий был отцом правителя. Он никогда не носил княжеского титула. Что касается сведений о его выдающейся роли в битве, они не подтверждаются другими источниками. Сказание имело широкий круг читателей и призвано было доказать, что сын “князя” — героя Мамаева побоища не может быть “предателем” христианства и пособником Орды.

По обыкновению летописи давали подробные сведения о размерах экстренных сборов в пользу “царя”, их взыскании с населения и пр. Правитель позаботился о том, чтобы сведения такого рода вовсе не попали в отчет о его посольстве. Василий II, заявил боярин хану, не один год сидит на своем престоле, “а на твоём жалованье, тебе, своему государю, водному царю правяся”. Этими словами исчерпывались все указания на “службу” Москвы Орде, даннические отношения и пр. Между тем, вопрос о дани занимал центральное место в переговорах. Хан недаром поместил Василия II в дом московского даруги — сборщика дани с Московского государства. О размерах дани свидетельствовали слова князя Юрия, включенные в княжеский договор 1433 г. Великий князь, признавался удельный князь, “платил в Орде за мою вотчину за Звенигород и за Галич два выхода и с распарами”. Как видно, татары получили двойную дань с надбавками как с удела, так и с великого княжества. Орда требовала наличных денег, и Всеволожскому пришлось занять деньги под огромные проценты.

Улу-Мухаммед не желал жертвовать князем Юрием, так как московские распри позволили ему без каких бы то ни было усилий и пролития крови возродить свою власть над Русью. Ордынский посол привез ярлык не одному Василию II, но и Юрию, получившему выморочное княжество Дмитровское, удел брата Петра. Но Василий II не посчитался с волей хана, изгнал наместников Юрия из Дмитрова и присоединил город к своей московской вотчине.

Миссия в Орду фактически положила конец карьере И. Д. Всеволожского как правителя. Он стал слишком непопулярной фигурой в столице и при дворе. Имеются сведения, что правитель намеревался сосватать дочь Василию II. Но брак в великокняжеской семье стал предметом соперничества в придворных кругах. Василию II сосватали его родственницу — внучку Владимира Андреевича Храброго. Заключению брака способствовали бояре Кошкины. Невеста великого князя была родной племянницей боярина И. Ф. Кошкина, известного противника Орды.

Борьба за власть внесла раскол в московскую думу, что имело самые серьезные последствия. Стремясь сохранить пост правителя, Всеволожский пытался найти опору в уделе князя Юрия. Задумав породниться с семьей удельного князя, он объявил о помолвке своей дочери со старшим сыном Юрия Василием Косым. Затея правителя была рискованным шагом. Князь Юрий готовился к войне с племянником из-за Дмитрова. Противники Всеволожского в думе использовали промах, чтобы покончить с его влиянием при дворе. Юрий не попал на свадьбу Василия II. Но его сыновья пировали за свадебным столом. Свадебное пиршество было омрачено родственной ссорой. Сын казначея И. Ф. Кошкина (по другой версии — П. К. Добрынский) донес вдовствующей княгини-матери Софье, что Василий Косой явился на свадьбу в золотом поясе, “на чепех с камением”. Пояс якобы был украден из великокняжеской казны, перешел в руки И. Д. Всеволожского, а от него с приданым Косому. Донос Кошкина заключал в себе много неувязок, но властная Софья не постеснялась бросить оскорбление в лицо гостю, после чего сорвала пояс со свояка. Василии с братом Дмитрием Шемякой, “розлобившись”, покинули Москву и укрылись в княжестве отца в Галиче. И. Д. Всеволожский, запятнанный подозрением, не захотел оставаться на службе у великого князя. Предполагал ли бывший правитель начать борьбу с государем, неизвестно. Во всяком случае он уехал из столицы не в Галич, а в удел Константина, лояльного по

отношению к Василию II. Существенное значение имело еще одно обстоятельство. В случае отъезда к Юрию бывший правитель, в соответствии с докончанием, разом бы лишился своих обширных вотчин.

Константин боялся навлечь на себя гнев великого князя и не принял Всеволожского. Боярин бежал в Тверь, рассчитывая на помощь дочери ~ великой княгини Тверской. Однако зять Всеволожского умер от оспы, а брат умершего отказал боярину в убежище. Тогда правитель, оказавшись в безвыходном положении, уехал к Юрию в Галич.

Получив от Всеволожского исчерпывающую информацию о положении дел в Москве, удельный князь решил захватить столицу внезапным набегом. Узнав о появлении Юрия под Москвой, Василий II собрал всех, кто оказался под рукой. Битва произошла на Клязьме в 20 верстах от столицы и закончилась разгромом великокняжеского войска. В 1433 г. Юрий вступил в столицу и занял великокняжеский престол. Новый государь стремился показать всем, что будет управлять страной, следуя традиции и закону. Отец Василия II получил от Дмитрия Донского в удел Коломну. Победив Василия II, Юрий свел его из Москвы в Коломенский удел.

Современники склонны были объяснять поражения Василия II случайными причинами, вроде пьянства москвичей на Клязьме, внезапностью нападения удельных войск и пр. Однако цепь неудач объяснить такими причинами невозможно.

Поражению Василия II способствовала его политика в отношении татар. Во время поездки в Орду монарх сделал огромные долги. Прибывшие с ним на Русь мусульманские ростовщики окончательно опустошили московскую казну. Выплаты процентов по кабалам по крайней мере удвоили сумму ордынского “выхода”. У Василия II попросту не было денег, чтобы воевать с дядей. Собрать с москвичей серебро оказалось делом нелегким. Из-за страшной эпидемии черной

оспы население страны сократилось. Поборы и правежи сделали Василия II крайне непопулярной в народе фигурой. При таких условиях правитель и опекун государя И. Д. Всеволожский перешел на сторону его соперника, а Москва без сопротивления сдалась Юрию.

Городское ополчение — “тысяча” долгое время служила прочной опорой для московского князя. Дмитрий Донской упразднил должность боярина-тысяцкого — московского главнокомандующего. Крушение “тысячи” довершил раздел Москвы на “жеребья” и передача города под управление сыновей Донского. В 1433 г. Василий II наспех собрал “москвич, гостей и прочих” для борьбы с Юрием. Но городское ополчение обнаружило полную непригодность как орудие борьбы между князьями, совладельцами Москвы. Закаленные в боях удельные войска уравнивали московскую воинскую силу. Поддержка братьев Андрея, Петра и Константина обеспечивала Василию II решающий перевес сил. После кончины Петра (1428 г.) и Андрея (1432 г.) удельный князь Юрий занял Москву.

Юрий Галицкий имел возможность удержать корону. Замена старшей ветви династии младшей мало что значила сама по себе. Оказавшись на троне, Юрий должен был продолжать “собрание” или, вернее, укрепление великокняжеской власти. Нельзя согласиться с тем, что носителем принципов “политической централизации” мог быть Василий II, и никто другой. Своим характером и опытностью Юрий превосходил племянника, а следовательно, у него было больше шансов на успех. Однако личные качества князя имели второстепенное значение. Судьба Юрия свидетельствует о том, что в московском обществе сложились институты, оказавшие решающее влияние на исход политической борьбы. Такими институтами были дума и двор. Раздел московской вотчины на уделы привел к разделу двора и расколу боярства. Самые знатные из бояр остались в думе у великого князя. В уделах служили менее знатные фамилии и младшие члены боярских семей. Бояре и двор князя Юрия

помогли ему овладеть Москвой и доставили ему корону. Они захватили в свои руки всю власть и не желали делиться ею ни с кем. Старшие бояре из думы Василия II увидели себя обделенными.

При великом князе Юрии на пост правителя претендовал его любимец С. Ф. Морозов. Морозовы не могли тягаться с князьями Патрикеевыми, Оболенскими, боярами Челядниными и пр. Но и в роду Морозовых Семен далеко уступал честью боярам из старшей ветви рода. Великокняжеские бояре не желали признавать “старейшество” удельных бояр, своей младшей братии. Члены двора занимали такую же позицию, как и члены думы. Не мирясь с утратой власти, бояре покидали Москву, и один за другим отъезжали на службу к князю Василию. Даже И. Д. Всеволожский был увлечен общим потоком и вместе с детьми перебрался в Коломну к старому государю.

Новая власть не могла найти опоры в правящем московском боярстве, а С. Ф. Морозов успел навлечь на свою голову общее негодование. Его обвиняли во всех промахах и ошибках, даже в том, что он настоял на передаче Василию II Коломны. Василий Косой и Дмитрий Шемяка не признавали авторитета С. Ф. Морозова, как и московские бояре. Но их отец следовал советам фаворита. В конце концов княжичи убили Морозова в “набережных сенях” дворца. Боясь гнева великого князя, Косой с братом тотчас покинули Москву. Раздор в удельной семье окончательно подорвал власть Юрия. По-видимому, после убийства Морозова началось повальное бегство служилых людей из Москвы. Фактически Юрий остался в кремлевском дворце в полном одиночестве. Как писали епископы, Юрий “сам с великого княжения в пяти челоуцех съехал”. Покинув Москву, Юрий заключил с Василием II новый договор. Он вновь признал племянника “братом старейшим”, обязался не помогать своим сыновьям и их “не приимати (в свой удел. — *Р.С.*) и до своего живота”. Последнее условие оказалось невыполнимым. Московский боярин Ю. Патрикеев получил приказ занять Галич, но

действовал столь неумело, что был разбит сыновьями Юрия и взят в плен. Галичане пришли на помощь Василию Косому, спасая свой уезд от московского разорения. Одержав победу, Косой и Шемяка послали гонца к Юрию с предложением: “Отче, пойди на княжение”. Однако князь не простил сыновьям их предательства и отказался “взять княжение под Василием Васильевичем”. Тем временем Василий 11 собрал войско и вновь напал на Галич. Князь Юрий ушел на Белоозеро, избегая войны с племянником. Но сохранить мир на условиях dokonчания ему так и не удалось. Московское войско дважды жестоко разорило галичский удел Юрия.

20 марта 1434 г. Юрий, соединившись с сыновьями, нанес поражение полкам Василия II. Битва произошла под Ростовом. Василий II бежал в Новгород, но новгородцы не приняли его. Москва оборонялась от войск Юрия в течение недели. 31 марта 1434 г. бояре открыли крепостные ворота, и Юрий занял великокняжеский трон.

Овладев Москвой во второй раз, князь Юрий не повторил ошибку и отказался предоставить удел низложенному Василию II. Ввиду этого свергнутый монарх бежал в Нижний Новгород, “а оттоле восхоте пойти в Орду”. Свое второе правление Юрий начал с того, что стал чеканить монету с изображением патрона Георгия Победоносца, поражающего копьём змея. Фигура Георгия со временем стала гербом Москвы. Как старший по возрасту Юрий именовал рязанского князя и многих удельных не “братьями младшими”, а всего лишь “братаничами” (племянниками). Юрий имел намерения укрепить великокняжескую власть. Но 5 июня 1434 г. он умер, процарствовав два месяца.

Князь Юрий пережил всех своих братьев. Его кончина освободила сцену для внуков Дмитрия Донского. Нимало не считаясь с традицией, Василий Косой объявил себя великим князем, но смог усидеть на троне всего месяц. Смерть Юрия упростила взаимоотношения внутри княжеского рода.

Старшинство Василия II над двоюродными братьями, детьми удельных князей не вызывало сомнений.

В момент смерти Юрия Дмитрий Шемяка с братом Дмитрием Красным находились в походе. По приказу отца они должны были пленить Василия II в Нижнем Новгороде, не допустив его бегства в Орду. Узнав о вокняжении Василия Косого, они немедленно обратились к Василию II с предложением о союзе. Василий Косой мог вступить в войну с внезапно образовавшейся княжеской коалицией, если бы обладал поддержкой московских бояр и населения. Но этой поддержкой он как раз и не располагал. Судьба великокняжеского стола находилась в руках Дмитрия Шемяки и его младшего брата Дмитрия Красного. В их распоряжении была военная сила. Шемяка признал “братом старейшим” законного главу княжеского рода Василия II и посадил его на московский трон. Как и прежде, Василий II вернул трон не потому, что действовал успешно, а потому, что среди его соперников не было единоплемянника. Смерть Юрия повлекла перераспределение земель в государстве. Перейдя на сторону Василия II, Шемяка с братом добились наибольших выгод. Помимо отцовской Рузы Шемяка получил Углич и Ржеву. Дмитрий Красный в дополнение к Галичу стал владельцем процветающих земель — Бежецкого Верха.

Вместе с Василием Косым Москву покинули немногие лица, среди них какие-то столичные гости. Как видно, они ссудили князю большие деньги и боялись упустить должника. Отвоевав Углич, Косой дважды возобновлял наступление на Москву. В последнем сражении он был разгромлен и взят в плен. Многократно битый, познавший измену ближних бояр, Василий II не стал на путь казней и кровопролития, но нашел не менее страшное средство наказать изменников. Перед походом на Галич в 1433 г. он приказал арестовать бывшего фаворита и правителя государства И. Д. Всеволожского с детьми, “да и очи ему вымали”. Три года спустя он велел ослепить князя Василия Юрьевича, за что несчастный князь получил прозвище Косой. Василий II думал запугать своих

недрузгов, но результат получился совсем иной.

Смерть митрополита Фотия и церковное безначалие благоприятствовали княжеским усобицам.

Международный авторитет Руси упал. С ней перестали считаться. После кончины Фотия московский князь и епископы нарекли “в святейшую митрополию русскую” рязанского епископа Иону. Однако в Константинополе не посчитались с решением Москвы и отдали предпочтение кандидату, выдвинутому литовским великим князем Свидригайло, братом Ягайло. В династической борьбе, разгоревшейся после смерти Витовта, католик Свидригайло выступил как вождь западно-русских православных князей и шляхты, что и обеспечило ему симпатии Константинополя. Смоленский епископ Герасим был поставлен патриархом на общерусскую митрополию и был признан епископами. К нему ездил ставиться на архиепископство новгородский владыка Ефимий. Герасим оказался втянутым в княжеские усобицы, терзавшие Литовско-Русское государство, что помешало его поездке в Москву. Правление Герасима было недолгим. Он был сожжен по приказу Свидригайло за некую “измену”.

Узнав о гибели киевского митрополита, Василий II направил в Византию владыку Иону. Но патриарх не стал ждать прибытия московского претендента.

Угроза турецкого завоевания побудила константинопольские власти ускорить заключение церковной унии с Римом. Чтобы обеспечить присоединение к унии богатой и многолюдной русской епархии, патриарх назначил ее главой грека Исидора, игумена одного из константинопольских монастырей. Исидор деятельно участвовал в предварительных переговорах с Римом. Он слыл человеком образованным и к тому же обладал дипломатическими способностями. Весной 1437 г. Исидор прибыл в Москву, а уже через полгода поспешил на объединительный собор в Италию. Собор открылся в Ферраре, а закончился во

Флоренции. На нем встретились авторитетные иерархи и богословы Востока и Запада. Прения о вере и главенстве папы над патриархами были жаркими, и им не видно было конца. Однако император Иоанн Палеолог не мог ждать, и греческим иерархам пришлось принять условия, поставленные папой. Исидор взял на себя почин в выработке текста соглашения об унии. Акт о соединении христианской церкви под главенством Рима был подписан в июле 1439 г.

Рассчитывая на поддержку католических властей Польши, Исидор по пути в Москву задержался на год в Литве. Однако его нетерпеливая попытка соединить церкви в пределах Литвы не удалась.

В марте 1441 г. Исидор вернулся в Москву. Во время литургии в Успенском соборе имя патриарха было заменено именем папы. Вслед за тем была зачитана грамота о соединении церквей. Три дня московские власти старались склонить Исидора к отказу от унии, а на четвертый день его взяли под стражу и заточили в Чудов монастырь. Полгода спустя Исидор бежал в Тверь, а оттуда в Рим.

Русские власти заготовили грамоту к патриарху с уведомлением о намерении собрать в Москве собор епископов для избрания нового митрополита. Два года спустя эту грамоту обновили и переадресовали императору. Но в конце концов грамота так и не была отослана в Византию.

В свое время Дмитрий Донской пытался превратить русскую митрополию в послушное орудие своей политики. Византия не допустила этого. В свою очередь Москва отвергла попытки греков подчинить московскую митрополию политическим интересам империи. Односторонние уступки в пользу “латинства” были сочтены московским духовенством и светскими властями недопустимыми. Столкновение противоположных тенденций подорвало церковное влияние

Византии на Русь еще до того, как Византийская империя пала.

Московская церковь лишилась митрополита в момент, когда Русь стояла на пороге новой междоусобицы. На этот раз смута возникла из-за военных неудач.

В 1437 г. хан Улу-Мухаммед был изгнан из Орды сыновьями Тохтамыша и нашел прибежище в литовских пределах. Татары наспех устроили городок на Белеве, чтобы зазимовать в нем. Будучи данником Улу-Мухаммеда, Василий II опасался, что Орда надолго закрепится в непосредственной близости от русских границ. Посланные им Дмитрий Шемяка и московские воеводы обратили татар в бегство. Оказавшись в трудном положении, хан готов был перейти на службу к московскому князю. Недооценив силы татар, воеводы отвергли предложение хана прислать заложников. Убедившись в неизбежности битвы, татары под покровом утренней мглы сами атаковали московские полки и победили.

Не вполне ясно, где кочевал Улу-Мухаммед в эти годы. Известно лишь, что в 1439 г. он в течение десяти дней осаждал Москву, требуя покорности от “подручника” Василия II. Обширные посады столицы были сожжены, множество людей посечено. Великий князь вернулся в столицу после отступления татар, но не смог там оставаться из-за трупного смрада.

Не имея возможности вернуть себе наследственный улус, Улу-Мухаммед решил обосноваться на землях волжских болгар и в отвоеванных у русских городах. В 1444 г. он занял нижегородский Кремль. Московские воеводы засели в осаде в “меньшем” городе, но из-за голода предали укрепления огню и ушли прочь. В 1445 г. сыновья хана царевичи Мамутяк и Якуб напали на Русь. Василий II не позаботился о том, чтобы подготовить силы к отражению набега. Собрав едва тысячу воинов, он двинулся к Суздалю, рассчитывая,

что в пути к нему присоединятся силы удельных князей. Особые надежды он возлагал на полки Шемяки. С большой настойчивостью государь звал брата на помощь. Когда позднее епископы выступили с обвинениями против Шемяки, они напомнили удельному князю, как государь “посылал послов своих до čtyредесяти, зовучи тебя к себе за христианство помогати”. Шемяка посадил Василия II на трон, и последний считал его надежным союзником. Однако он допустил просчет.

Накануне боя Василий II дал пир явившимся к нему младшим удельным князьям и боярам. Рано утром нагрянули татары, грубо разбудившие спавший лагерь. Бой произошел 7 июля 1445 г. у стен Суздаля на поле против Спасо-Ефимьевского монастыря. Закованные в броню дружинники дрались с упорством и обратили неприятеля в бегство. Возможно, бегство татар было притворным. Преследование расстроило боевые порядки русских. Одни поспешили вслед за врагами, другие “начаша избитых татар грабити”. Имея три с половиной тысячи воинов, Мамутяк сумел остановить натиск русских и предпринять повторную атаку. Застигнутые врасплох князья обратились в бегство. Московский летописец, желая обелить Василия II, хвалил его мужество. Князь будто бы получил множество ран “по голове и по рукам, и тело все бито вельми”. Татарское войско потеряло 500 воинов, русские — несравненно больше. Много дружинников было иссечено в битве. Василий II, князь Михаил Верейский, многие московские бояре и дети боярские попали в плен. После битвы царевичи двинулись к Владимиру, а затем вернулись в Нижний, где передали пленных отцу. Хан продержал Василия II менее трех месяцев, после чего за выкуп отпустил на Русь.

После суздальской битвы управление Москвой взял на себя Дмитрий Шемяка как старший в роду Калиты. Известие о пленении государя вызвало в народе растерянность и ужас. Жители Москвы и окрестных уездов спешили укрыться со всеми пожитками в Кремле, ожидая, что татары явятся с

минуты на минуту. Скорее всего, от костров, разложенных беженцами в крепости, вспыхнул пожар. Сгорели все деревянные постройки, а “белокаменные” стены “падоша во многих местех”. В огне погибло множество людей, сгорели княжеская казна и товары, свезенные в Кремль. Население начало в панике покидать Москву. Пример показала княгиня-вдова Софья. Шемяка вернул ее с дороги и предпринял другие меры, чтобы положить конец панике. Население стало готовиться к осаде.

В Москву прибыл татарский посол Бегич. Дмитрий Шемяка оказал ему “многу честь”. Русские не могли изгнать татар из Нижнего Новгорода без войны с Ордой. Но Шемяка нашел средство избежать конфликта, казавшегося неизбежным. Он принял решение восстановить великое княжество Нижегородское и с этой целью подписал договор с наследниками изгнанных из своих владений нижегородско-суздальских князей. Чтобы склонить Улу-Мухаммеда на свою сторону и получить от него ярлык (это намерение приписывали князю московские летописи), Шемяка должен был отпустить Бегича как можно скорее. Вместо этого князь задержал посла до глубокой осени, чтобы сведения о бедственном положении Москвы не подтолкнули татар к новому набегу. Василий II едва не разминулся с Бегичем на границе, но все же успел арестовать его, после чего посол был утоплен.

26 октября 1445 г. Василий II вернулся в Москву. “И бысть радость велика всем градом русским”, — записал летописец. Но радость вскоре сменилась унынием. Ситуация 1445 г., как две капли воды, походила на ситуацию 1432 г. Но были существенные различия. В Первом случае князь ездил в Орду как верноподданный и должен был заплатить обычную дань. Во втором случае он поднял оружие против “царя”, был разгромлен и взят в плен. На этот раз речь шла о дани и выкупе. После каждого набега татары продавали полон на невольничьем рынке Орды. Богатых пленяников выкупали за большой выкуп родственники. Василий II и князь Михаил

должны были заплатить выкуп за себя, за своих бояр и членов двора, попавших с ними в плен. Как записал псковский летописец, Василий II добился освобождения, “посулив на себе окуп от золота и серебра и от портища всякого и от коней и от доспехов пол 30 тысяч”. По новгородским данным, хан взял на Василии II “окупа двести тысяч рублей”. Новгородская версия кажется менее достоверной. Наличность в московской казне исчислялась тысячами, самое большое десятком тысяч рублей. Государь не мог заплатить сумму в 25000 рублей и обязался передать хану в счет окупа драгоценные ткани и другие предметы из казны, а также табуны коней из княжеских конюшен. В ставке хана-изгнанника не было купцов, у которых князь-пленник мог бы занять крупные суммы. Поэтому Улу-Мухаммед отправил с Василием II своих мурз, поручив им надзор за сбором платежей на Руси. С ними был отряд из 500 татар.

Едва пленники перешли границу, один из слуг предложил выкрасть государя у татар и таким путем не допустить татарскую стражу в Москву. Однако Василий II не решился нарушить слово, данное хану. Он надеялся употребить для расчета с татарами родительскую казну, но в Москве узнал, что вся княжеская казна сгорела при пожаре Кремля. Властям срочно пришлось обложить народ тяжелыми поборами. Вновь, как и в старину, сбор денег осуществлялся под надзором татар. Народ мог убедиться в том, что Русь опять попала в ярмо татарского ига. После Куликовской битвы само иго воспринималось совсем иначе, чем прежде.

Дмитрий Шемяка пришел к власти на законном основании и, по-видимому, успел привлечь на свою сторону немало московских бояр, детей боярских и жителей. Теперь он решил использовать их недовольство для свержения князя-неудачника, принесшего одни беды своему государству. Исход заговора зависел от многих обстоятельств, в частности от позиции влиятельных духовных лиц.

Церковь по-прежнему оставалась без митрополита.

Епископы из провинциальных городов не пользовались авторитетом у москвичей. Зато возросло влияние Троице-Сергиева монастыря. В 1438-1439 гг. Василий II дважды посещал обитель, а в 1440 г. пригласил его игумена Зиновия крестить сына Ивана, будущего государя. По свидетельству современника, удельный князь Василий Ярославич, на земле которого располагался монастырь, стал держать братию “не столь честно”, как прежние удельные государи Владимир Андреевич и Андрей Радонежский, и тогда Василий II по челобитию братии взял Троицу “в свое государство”. Но это произошло позже. Ко времени возвращения Василия II из плена его доброхота Зиновия в обители уже не было. Отправляясь на богомолье в Троицу в начале 1446 г., монарх не подозревал, что попадет в ловушку.

Татары неизменно сопровождали Василия II во всех его выездах. На богомолье он отправился, “отпустив татар”. Заговорщики использовали момент для выступления. В ночь на 12 февраля Шемяка и его сообщники без боя заняли Москву. В заговоре участвовали московские бояре, отворившие Шемяке ворота Кремля. Занятие столицы сопровождалось грабежами. Пострадали дома и имущество великого князя и его сторонников. Отдельный отряд воинов был направлен в Троице-Сергиев монастырь для ареста Василия II. Руководили арестом московский боярин Н. К. Добрынский и удельный князь Иван Можайский. Князь Иван обещал Василию II полную личную безопасность: “аще ти восхощем лиха, буди то над нами лихо”. Свержение законного монарха он оправдывал заботой о “христианстве” (народе) и необходимостью сократить сумму окупа: “видевши бо се татарове, пришедши с тобою, облегчат окуп, то ти царе давати”.

У Василия II была возможность спастись в том случае, если бы за него заступилась троицкая братия. В 1442 г. у стен Троицы игумен Зиновий примирил государя с Шемякой, двигавшимся с войском на Москву. Однако монастырские власти не заступились за монарха. Если верить тверской

летописи, мятежники объявили монарху его вины, “положиша доску на персех его среди монастыря, и ослепиша его, и вину возложиша на него”. Большого доверия заслуживает, по-видимому, московская версия, согласно которой Василия II бросили “в голый сани, а противу его черньца” (троицкого старца. — *Р.С.*) и увезли в Москву, где передали в руки Шемяки. Мстя за брата, тот приказал ослепить пленника.

Никто из московских бояр не был взят под стражу вместе с монархом. Пользуясь общей суматохой, боярин В. М. Шея-Морозов скрылся из Троицы с малолетними сыновьями Василия II. Князья Ряполовские дали им приют в своей вотчине, а затем увезли в Муром. Василий II думал искать спасения в Орде, потерпев поражение в борьбе с дядей. Верные ему бояре шли по его стопам. Ради спасения детей они готовы были увезти их ко двору Улу-Мухаммеда. Ордынские усобицы помешали выполнению их планов. Победитель Василия II Мамутяк после битвы занял Казань и убил сначала местного владельца Алим-Бека, а затем отца, что позволило ему стать “первым царем на Казани”.

Подготавливая переворот, Шемяка “почя... всеми людьми мясти, глаголюще, яко князь велики всю землю свою царю процеловал”. Арестовав государя, удельный князь намеревался в Орду “царю не дати денег, на чем князь велики (крест. — *Р.С.*) целовал”. Замятия в Орде позволила выполнить обещание. Низложенному Василию II предъявили обвинение: “Чему еси татар привел на Русскую землю и города дал оси им, и волости подавал еси в кормление?”. Неизвестно, кого имел в виду обвинитель государя — царевичей, принятых им на службу или, что вероятнее, мурз, которых Василий II действительно привел на Русь для сбора “окупа”. Не имея казны, монарх, как видно, должен был расплачиваться с татарами кормлениями. Передача городов в кормление воспринималась населением резко отрицательно. Обвинение заканчивалось словами о том, что великий князь “паче меры” слушал татар, давал им “злато и

сребро и имение”, а христиан томил “паче меры без милости”. Заговорщики утверждали, что Василий II выдал “христианство” басурманам. Их заявления нашли отклик у жителей. Шемяка беспрепятственно привел население к присяге.

Опасаясь подтолкнуть детей Василия II к бегству в Орду, князь Дмитрий прибегнул к посредничеству церковных иерархов. Рязанский епископ Иона, которого давно прочили в митрополиты, ездил в Муром, где передал Ряполовским обещание Шемяки освободить Василия II и пожаловать ему удельное княжество. Владыка поклялся на аналое, что детям не будет учинено никакого зла. Когда детей доставили к Шемяке, тот нарушил слово и отправил их к отцу, заточенному в Угличе.

Убедившись в вероломстве Шемяки, князья Ряполовские составили вместе с князем Оболенским и московскими боярами Морозовыми заговор, с тем чтобы силой освободить Василия II из тюрьмы. План не удался, и заговорщикам пришлось бежать в Литву. Но мятеж побудил власти принять меры к тому, чтобы успокоить общество. Собрав епископов и архимандритов “со всея земли”, Шемяка стал “прощения просити и каятися”. Мнение духовенства взялся выразить основатель Желтоводского монастыря под Нижним Новгородом Макарий. Он заявил, что великому князю надо прежде всего получить прощение у брата Василия II. Совещание, в котором участвовали вместе с иерархами великокняжеские бояре, стало крупнейшей вехой в истории русской смуты. На сцене звучали слова о христианском смирении и взаимном прощении. За кулисами обсуждали более важные вопросы. Дмитрий Юрьевич обещал наделить Василия Васильевича удельным княжеством. Епископ Иона положился на слово Шемяки и выдал ему головой детей свергнутого монарха. Теперь Иона пенял князю на то, что тот “неправду еси учинил, а меня еси ввел в грех и в сором”. Московские бояре не остались безмолвными свидетелями конфликта. В конце концов

великий князь должен был объявить о своем решении предоставить Василию II удел. Решение не было продиктовано великодушием. Дмитрий близко наблюдал трагедию брата Василия Косого. Косой далеко превосходил Василия II характером и темпераментом. Ослепление разом покончило со всеми его политическими претензиями. Шемяка не сомневался в том, что Василий Темный станет таким же политическим трупом. Не тратя времени, бояре и иерархи выехали в Углич к бывшему монарху. Последний предстал перед собором как человек, сломленный несчастьем раз и навсегда. Он каялся во всех смертных грехах, говорил, что достоин смерти, но брат Дмитрий из милосердия даровал ему жизнь. Слова Василия оправдали ожидания Шемяки, и он объявил о пожаловании брату удела со столицей в Вологде. Ошибка Шемяки стоила ему короны и головы.

Получив удел, Василий II заехал в Кирилло-Белозерский монастырь. Тамошний игумен без промедления освободил его от присяги Шемяке. Из Кириллова Василий II уехал в Тверь, где заручился союзом с тверским князем. Союз был скреплен помолвкой шестилетнего сына Ивана с тверской княжной Марьей. Дмитрий Шемяка собрал войска и укрепился в Волоколамске, простояв там более месяца. За это время полки его растаяли. Московские бояре и служилые люди почти все отъехали на службу к старому государю. В конце декабря 1446 г. отряды Василия II обошли Волоколамск и при поддержке тверичей заняли Москву.

Русские власти давно пытались упорядочить церковные дела. Князь Дмитрий Шемяка первым отверг традицию, согласно которой русского митрополита избирали не в Москве, а в Константинополе. В 1446 г. епископ Иона привез из Мурома детей свергнутого Василия II, после чего Шемяка “повеле ему идти к Москве и сести на дворе митрополиче”. Однако завершил дело лишь Василий II в конце 1448 г. Собор епископов избрал Иону на митрополичий стол, после чего в Успенском соборе “возлагается на плещо его честный амфор и посох великой митрополич дается в руке его”.

Законность поставления митрополита была сомнительной, и даже в Москве нашлись люди, открыто заявившие об этом. Игумен Пафнутий Боровский запретил братии своего монастыря звать Иону митрополитом. Один из самых преданных Василию II московских бояр В. И. Куруз, по преданию, не желал принимать благословение от Ионы. Однако его протест не имел последствий. По настоянию Василия II новый митрополит лично участвовал в последних походах московских войск против мятежников.

В 1450 г. Шемяка бежал в Новгород. Кровавая война продолжалась еще несколько лет. Князь пытался укрепиться в отдаленных северных городах Руси, но потерпел неудачу и вернулся в Новгород. Там его настигла “напрасная смерть”.

Невзирая на крайнее ожесточение и вражду, потомки Дмитрия Донского ни разу не обагрили руки кровью братии. Они твердо помнили притчу о Каине и историю князя Святополка Окаянного, убившего братьев. Святополку судьба уготовила вечные муки в аду, его жертвы князя Борис и Глеб стали святыми мучениками русской церкви. Василий II первым из наследников Дмитрия нарушил заповедь. По его приказу дьяк, прибывший в Новгород с посольством, нанял убийц и отравил Дмитрия Шемяку. Произошло это в 1453 г.

Смута продолжалась на Руси четверть века и принесла неисчислимы бедствия народу. Традиционная оценка сводится к тому, что феодальная война закончилась победой “прогрессивных” сил, отстаивавших политическую централизацию, и поражением сил децентрализованных. Олицетворением первых был Василий II, вторых — его удельные противники. В новейших исследованиях старая схема подверглась пересмотру. В удельных князьях А. А. Зимин увидел “людей будущего”, “романтиков”, свободолюбивых противников московского деспотизма и татарского ига. В их лице Север, развивавшийся по “предбуржуазному пути”, вступил в конфликт с Центром,

которому уготован был путь крепостничества. В приведенных концепциях бросается в глаза несоответствие между теоретическими построениями и наличным фактическим материалом. По всей видимости, феодальная война второй четверти XV в. была обычной княжеской междоусобицей, ничем не отличавшейся от междоусобиц в любой другой земле.

В XV в. рядом с боярской знатью появилась многочисленная прослойка детей боярских, служивших в великокняжеском и удельных дворах. Вместе с тем начала складываться новая иерархическая структура правящего московского боярства. Происшедшие перемены наложили печать на состав и функции соответствующих учреждений — думы и двора в пределах великих и удельных княжеств. Удельные князья не раз занимали московский великокняжеский трон. Но их победа неизменно оборачивалась поражением, едва удельная дума и двор пытались оспорить первенство “великого” московского боярства и тем самым поколебать традиционную боярскую иерархию. Наметились признаки крушения старого порядка наследования трона, при котором государство считалось “отчиной” всей княжеской семьи, и монарх передавал трон не наследнику сыну, а братьям, и лишь после них право на корону предъявляли сыновья монарха.

Архаический порядок престолонаследия служил источником постоянных межкняжеских распрей и неурядиц, подобных войне второй четверти XV в.

Московская смута, полагал А. Е. Пресняков, подорвала и разрушила удельно-вотчинный строй, привела к крушению обычного уклада отношений и воззрений. Смута действительно уничтожила почти все удельные княжества в Московском великом княжестве. Удельные государи потерпели поражение. Но порядки раздробленности вовсе не были искоренены. Духовное завещание Василия 11 Темного возродило к жизни систему уделов. Следуя примеру деда,

князь передал младшим сыновьям 12 городов. Дмитров, Углич, Руза, Вологда вновь превратились в столицы восставших из пепла удельных княжеств. Почва для новых раздоров была готова.

Глава 2

У ИСТОКОВ САМОДЕРЖАВИЯ

Иван III (1462 — 1505) еще при жизни слепого отца стал его соправителем. Бедствия, постигшие князя в юности, закалили его волю. Взойдя на трон, Иван III все силы употребил на то, чтобы расширить свои владения и подчинить себе все русские земли. Для достижения этой цели он использовал любые средства — насилие, деньги, династические браки. Москва поглотила Ярославское и Ростовское княжества, Новгород Великий и, наконец, Тверь.

Ярославль давно попал в орбиту московского влияния. Дьяк Алексей Полуектов настоятельно советовал Василию II отобрать “отчину” у ярославских князей. Но Василий II не решился нарушить традицию. И только Иван III последовал совету дьяка и послал его в Ярославль, чтобы довершить дело. Известно, что Полуектов находился в опале в 1467 — 1473 гг., а значит, его появление в Ярославле следует отнести к более позднему времени, к исходу XV в. Описывая нововведения Полуектова, местный летописец отметил, что все князья ярославские “простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий против их отчины подавал им волости и села...”. Термин “отчина” имел в устах летописца более широкое и неопределенное значение, чем термин “вотчина” (“села”). Передача “отчины” московскому князю означала ликвидацию суверенитета Ярославского княжества

(В. Б. Кобрин). Ярославские князья утрачивали традиционные права и статьи дохода в Ярославле, а свои “волости и села” они как бы заново получали из рук нового суверена. Своего рода комментарием к летописному известию может служить письмо Ивана IV к одному из членов Ярославского княжеского дома А. М. Курбскому. Царь сетовал, что князья-бояре нарушили закон, “еже деда нашего великого государя уложение: которые вотчины (князей ярославских и других. — *Р.С.*) у вас (вотчинников. — *Р.С.*) взимати (конфисковать в казну. — *Р.С.*) и которым вотчинам еже несть потреба от нас даятися, и те вотчины ветру подобно раздаяли неподобно...”. Иван IV описал земельную политику Ивана III достаточно точно. Ликвидация суверенитета Ярославского княжества повлекла за собой передел земель между казной и бывшими местными суверенами. Закрепление обширных вотчин за князьями было нежелательно (“непотребно”) с точки зрения интересов казны. Оправдывая собственную политику, Иван IV концентрировал внимание на вопросе о конфискации наследственных родовых земель. Но в XV в. казна должна была оставить во владении местных вотчинников значительные вотчинные богатства.

С давних пор ярославские князья имели “жеребья” в Ярославле, получали доходы с “черных” земель, торгов и пр. Ликвидация суверенитета означала ликвидацию “жеребьев” в Ярославле и соответствующих статей дохода.

Превращение наследников великокняжеского и удельных престолов в “служебных” князей, а затем — московских бояр носило достаточно длительный и сложный характер. Но результат этого процесса хорошо известен. К XVI в. в ярославской земле сохранилось гнездо богатых вотчинников из местного княжеского дома, тогда как их обедневшие братья рассеялись по лицу земли — от Москвы до Новгорода и Пскова.

Присоединение к Москве сопровождалось общим описанием ярославских земель. Руководил московской переписью некто

Иван Агафонов: “у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да описал на великого князя, а кто будет сам добр, боярин или сын боярский, ин его самого записал”. Целью описи было упорядочение службы бояр и детей боярских в пределах Ярославля. “Добрых” бояр и детей боярских записывали в службу, у неслужилых села и деревеньки отписывались в казну. Летописец назвал писца Агафонова “сущим созирателем (соглядатаем, лазутчиком. — *Р.С.*) ярославской земли”.

Ростовское княжество лишилось остатков независимости во второй половине XV в. По свидетельству летописи, московские власти употребляли не только насильственные средства в отношении кровной родни. Под 1474 г. летописец записал, что ростовские князья продали Ивану III свою “половину Ростова”. Иначе говоря, казна предоставила ростовским князьям денежный выкуп в виде компенсации за “половину” Ростова.

Суздальские, ярославские и даже ростовские князья сохранили в своих руках немалую часть своих наследственных вотчинных богатств. Но ликвидация суверенитета некогда независимых великих княжеств помогла московским властям разрешить труднейшую задачу: создать фонд государственных земель в центральных уездах государства, что было необходимой предпосылкой для распространения поместной системы по всей территории Российского государства.

Взаимоотношения Москвы с Новгородом развивались по иному типу. Новгородская земля была крупнейшей из русских земель, превосходившей по территории Московское княжество. В Новгороде знать сломила княжескую власть и основала боярско-вечевую “республику”. Княжеский домен подвергся экспроприации. Князьям, приглашенным в Новгород по “ряду” (договору), запрещалось владеть землями в новгородских пределах. Утверждение новых порядков позволило новгородской земле избежать

дробления. К середине XV в. новгородская земля оставалась крупнейшей из русских земель, не уступавшей по территории Московскому великому княжеству. Высшим должностным лицом вечевой “республики” был архиепископ. Всеми делами Новгорода управляли выборные посадники и бояре, составлявшие Совет господ. Однако важнейшие решения Совета утверждало вече (собрание новгородцев). Новгород был древнейшим городом Руси с высоким уровнем экономики и культуры. Он вел оживленную торговлю со странами Западной Европы при посредничестве Ганзейских городов. На севере владения Новгорода включали Кольский полуостров, на востоке простирались до Урала. “Республика” не могла тратить значительных средств на содержание войска, и ее военные силы далеко уступали московским.

В середине XV в. Москва усилила давление на Новгород, добиваясь его подчинения великокняжеской власти. Не имея достаточных сил для обороны, новгородцы пытались опереться на помощь извне. Многие полагали, что только помощь Литвы может уберечь Новгород от судьбы других русских земель, завоеванных Москвой. Пролитовскую партию возглавляла влиятельная семья бояр Борецких. Обращение к католическому королю могло быть истолковано как отступничество от православной веры, вследствие чего вече отказало в поддержке Борецким. Для организации обороны в Новгород был приглашен сын киевского князя Михаил Олелькович. Он доводился двоюродным братом Ивану III, а его отношения с королем Казимиром были далеко не дружественными. Князья Олельковичи исповедовали православную веру и не признавали унии с католической церковью.

Князь Михаил прибыл в Новгород 8 ноября 1470 г. Но ситуация развивалась в неблагоприятном для него направлении. За три дня до приезда князя умер архиепископ Иона, пригласивший его. Партия Борецких хлопотала о том, чтобы посадить на архиепископский престол своего ставленника Пимена, ключника умершего владыки.

Московский митрополит Исидор, подписавший Флорентийскую унию, был низложен. Но его ученик Григорий занял митрополичью кафедру в Киеве. Будучи сторонником перехода под власть короля Казимира, Пимен готов был порвать с московской митрополией и подчиниться киевскому митрополиту-униату. “Хотя на Киев мя пошлите, — говорил он, — и там на свое поставление еду”.

Помимо Пимена вече избрало еще двух кандидатов. Жребий пал на протодьякона Феофила, решительного противника унии. Приняв сан, Феофил стал собираться “на поставление” в Москву. Партия Борецких потерпела поражение. Их противники поспешили расправиться с Пименом. Его арестовали, а дом разграбили.

Военные приготовления в Москве не прекращались, и в этих условиях Совет господ решил не отпускать Феофила к Ивану III. Архиепископ пригрозил, что сложит сан и вернется в монастырскую келью. Но Новгород не принял его отставки.

Ссылаясь на “старину”, Иван III требовал полного подчинения вольного города. В поход на Новгород государь взял с собой дьяка Степана Бородатого, умевшего “говорить по летописям”. Летописи оправдывали завоевательные планы Москвы, указывая, что Новгород “из старины” был “отчиной” владимирских князей, и изображали претензии вольного города на независимость как крамолу. В глазах московских книжников только монархические порядки были естественными и законными, тогда как вечевая демократия представлялась дьявольской прелестью. Решение Новгорода отстаивать свою независимость любой ценой они постарались изобразить как заговор бояр Борецких, нанявших “шильников” и привлечших на свою сторону чернь. Само вече, под пером московского писателя, превратилось в незаконное скопище “злых смердов” и “безыменитых мужиков”. Они били во все колокола и “кричаху и лаяху, яко пси, глаголаху: „За короля хотим””.

Вече приняло решение обратиться за военной помощью к королю Казимиру, но архиепископ и сторонники Москвы позаботились о том, чтобы это решение не было выполнено. При князе Михаиле Олельковиче послами к королю были отправлены двое житых людей. Такое посольство неправомочно было заключать какие бы то ни было союзы.

Недрузи Борецких обвиняли вдову Марфу в намерении выйти замуж за князя Михаила, чтобы с ним “владети от короля всею Новгородскою землею”. То была клевета. 15 марта 1471 г. князь принужден был покинуть город. Очевидно, новгородцы показали ему путь. В отместку Михаил подверг грабежу Старую Руссу. Таким образом, он покинул Новгород не с пустыми руками. Борецкие взяли верх и спешно снарядили новое посольство в Литву. В его состав вошли трое бояр, включая посадника Д. Борецкого, и пять житых людей. После возвращения посольства из Вильны новгородцы составили проект договора с королем Казимиром.

Главный пункт договора гласил, что король выступит со всем литовским войском, чтобы оборонить Новгород от Москвы. Казимиру вменялось в обязанность сохранить в неприкосновенности вечевые порядки Новгорода, православную веру, права и привилегии бояр. Новгородцы признавали власть короля и соглашались отвести его наместнику резиденцию на Городище в окрестностях Новгорода. В итоге переговоров с новгородцами король направил в Орду гонца с богатыми дарами, чтобы подтолкнуть татар к набегу на Русь.

Дипломатические усилия Новгорода не привели к успеху. Быстрое наступление московских войск помешало новгородцам завершить переговоры в Вильне. Договор, по видимому, не был утвержден королем, и Литва уклонилась от войны с Москвой. Что касается Орды, она вторглась в пределы Руси с запозданием на год.

Не ожидая серьезного сопротивления, Иван III послал войска к Новгороду разными путями. Воевода князь Холмский с десятитысячным войском "отправился вдоль Ловати к Руссе, откуда было рукой подать до литовского рубежа. Отряд воеводы Стриги Оболенского двигался вдоль Меты. Сам Иван III с двором и тверской силой шел следом за воеводами, значительно отставая от них. По пути московские ратники безжалостно разоряли землю, "пленующе и жгуще, и люди в плен ведуще". Жестокими расправами с пленниками воеводы желали навести ужас на новгородцев. Пленным резали "носы, уши и губы".

С некоторой задержкой Новгороду удалось сформировать ополчение численностью до 40 тысяч ратников. Большая часть ополченцев — рядовые горожане — никогда прежде не участвовала в боевых действиях и была вооружена кое-как. Во главе ополчения стояли посадники Василий Казимир и Дмитрий Борецкий.

В июле новгородская рать продвинулась к Шелони, с тем чтобы не допустить соединения псковских войск с московскими и, дождавшись помощи из Литвы, обрушиться на полки Ивана III. На реке Шелонь новгородцы неожиданно для себя столкнулись с ратью Холмского. Некоторое время оба войска шли по разным сторонам реки, ища брода. Воевода медлил с переправой, ожидая подкрепления. Новгородцы рассчитывали использовать свой численный перевес, но в их войске возник раздор. Меньшие люди требовали немедленной атаки. "Ударимся ныне" на москвичей, кричали они. Воеводы конного архиепископского полка отказывались биться с москвичами, говоря, что они посланы против псковичей.

Согласно московским источникам, 15 июля ратники Холмского перешли "великую реку", бросились на новгородцев, "яко львы рыкающе", и обратили их в бегство. На самом деле сражение началось неудачно для москвичей.

Как следует из новгородских источников, новгородцам поначалу удалось использовать перевес в силах. Они “бишася много и побиша москвич много”, а под конец погнали “москвичи за Шелону”. Но тут на новгородскую пехоту обрушились татары. Отряд касимовских татар, приданных воеводе Стриге Оболенскому, видимо, подоспел на Шелонь в разгар боя. Ни псковичи, ни двор Ивана III в битве не участвовали. Отборный отряд конницы — архиепископский полк — еще имел возможность вступить в дело и отогнать татар. Но он не двинулся с места. Новгородская рать потерпела сокрушительное поражение. Новгородцы стали жертвой кровавой резни. Иван III желал, чтобы Новгород почувствовал мощь княжеской власти и никогда больше не осмелился поднять оружие против Москвы. Москвичи перебили 12 тысяч новгородцев, а в плен увели всего 2 тысячи человек. Взятые в плен посадник Дмитрий Борецкий и трое других бояр были обезглавлены. Прочих посадников “Василья Казимера и его товарищов 50 лутчих отобрав повеле (Иван III. — *Р.С.*) вести к Москве и оттоле к Коломне и в тюрьму всадити”.

Новгородцы сожгли свои посады и стали готовиться к длительной осаде. Но архиепископ Феофил настоял на мирных переговорах с Москвой. Перспектива длительной осады города и угроза войны с Литвой побудили Ивана III не медлить с заключением мира. На Новгород была наложена контрибуция в 16 тысяч рублей. В тексте договора новгородцы еще именовались “Великим Новгородом, мужами вольными”, но “отчина” великого князя Новгород обязался на отставать от Москвы и “не отдаться” за короля. Бояре привели новгородцев к присяге на верность Ивану III. Московские власти не решились упразднить в Новгороде вечевой строй. Последующие события обнаружили несовместимость республиканских и монархических порядков.

Осенью 1475 г; Иван III явился в Новгород “миром”, но его

сопровождала внушительная военная сила. По традиции новгородских должностных лиц могли судить лишь Совет господ и вече Новгорода. Великий князь пренебрег традицией. Поводов для вмешательства во внутренние дела Новгорода было более чем достаточно.

В обычных условиях вечевой строй “республики” обеспечивал участие населения в управлении государством при сохранении правопорядка. В обстановке острого кризиса вече, унаследовавшее от древнего народоправства архаические черты, неизменно обнаруживало теневую сторону. Когда жители разных “концов” города не могли прийти к согласованному решению, они пускали в ход силу. Одержавшие верх на вече подвергали прямому грабежу своих противников. Население Новгорода не могло простить сторонникам Москвы Шелонского побоища. Бояре Неревского “конца”, ориентировавшиеся на союз с королем, использовали народные настроения для расправы с жителями Славенского “конца”, тяготевшего к Москве. Они напали на Славкову улицу и подвергли ее жителей грабежу. В жалобе на имя Ивана III пострадавшие перечислили имена 25 лиц, повинных в грабеже. По прибытии в Новгород государь велел арестовать четырех бояр. Наказания избежали некоторые из главных инициаторов разбоя, зато под стражу угодил известный противник Москвы, имя которого не фигурировало ни в каких жалобах.

Добиваясь полного подчинения Новгорода, Иван III задался целью упразднить особый новгородский суд, заменив его великокняжеским. Вопрос о ликвидации вечевого строя был отложен на будущее.

Появление второй власти в Новгороде имело важные последствия. Жители, потерпевшие неудачу в суде “республики”, немедленно обращались со своими исками к Ивану III. К весне 1477 г. в Москве собралась целая толпа новгородских жалобщиков, принадлежавших к различным слоям общества. Среди других во дворец явились двое

мелких чиновником — подвойский Назар и дьяк новгородского веча Захарий. Кто снарядил их в Москву, невозможно установить. Домогаясь милости, эти лица употребили в своем обращении к Ивану III титул “государь”. Официальные послы Новгорода неизменно именовали великого князя “господином”. “Господин Великий Новгород” вел переговоры с “господином Великим князем”. Такое обращение символизировало равенство сторон. Московские власти поспешили использовать обмолвку, чтобы предъявить “республике” новые требования. Бояре Ф. Д. Хромой-Челяднин и И. Б. Тучко-Морозов прибыли в Новгород и потребовали признания за Иваном III титула государя и упразднения новгородского суда.

Новгородское вече выслушало послов и категорически отвергло их домогательства. Лица, давшие Москве повод для враждебных действий, были объявлены вне закона. Распри между сторонниками и противниками Москвы фактически привели к падению боярского правительства. Боярин В. Никифоров, который втайне от Новгорода поступил на службу к Ивану III и принес ему присягу, был убит на вече. В страхе перед разбушевавшейся толпой прочие бояре разбежались.

9 октября 1477 г. Иван III с войском выступил в поход на Новгород. В пути к нему присоединилась тверская рать. В ноябре московские, тверские и псковские отряды окружили Новгород со всех сторон. Новгородцы деятельно готовились к обороне. Городские укрепления включали Детинец (Кремль) и “город” с мощным поясом укреплений. Чтобы не допустить штурма со стороны реки, воевода В. Гребенка-Шуйский и жители спешно соорудили деревянную стену на судах, перегородив Волхов. Новгородцы рассчитывали на то, что многочисленная неприятельская армия, собранная в одном месте, не сможет обеспечить себя продовольствием и рано или поздно отступит, спасаясь от голода и сильных морозов. Расчеты новгородцев оправдались лишь отчасти. Ивану III пришлось распустить половину войска, чтобы воины

могли добыть продовольствие грабежом. Исключительную услугу Москве оказал Псков, доставивший в лагерь великого князя обозы со съестными припасами.

Новгород имел возможность выдержать осаду. Но его мощь подтачивали распри. Боярское правительство разделилось. Сторонники Москвы, помня о недавних казнях на вече, спешили покинуть город, чтобы предупредить государя, что “новгородцы не хотят здати Новгород”.

Самые решительные защитники новгородских вольностей были давно казнены или сидели в московских тюрьмах. Оставшиеся на свободе бояре и вече не сумели организовать оборону города. “Людам, — записал псковский летописец, — мятущимся в осаде в городе, иные хотящи битися с великим князем, а иные за великого князя хотяще задати, а тех болши, котори задатися хотять за князя великого”. Большое значение имела позиция архиепископа, настаивавшего на мирных переговорах с Москвой. 23 ноября 1477 г. новгородское посольство во главе с Феофилом явилось в походный шатер Ивана III на берегу Ильмень-озера. Новгородцы надеялись, что им удастся заключить мир на тех же условиях, что и прежде. Государь дал пир в честь послов, но отклонил все их просьбы. Надежды на почетный мир разлетелись в прах. Тем временем воинские заставы Ивана III заняли предместья Новгорода. Отбросив дипломатические ухищрения, Иван III объявил: “Мы, великий князь, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быть на отчине своей Великом Новгороде”. Вслед за тем московские бояре продиктовали послам волю государя: “Вечю колоколу в отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати”. Когда послы сообщили об этом на вече, в городе поднялось смятение и “многие брани”. “Всташа чернь на бояр и бояри на чернь”. Народ утратил доверие к боярам и окончательно отказался повиноваться им: “мнози бо вельможи и бояре перевет имеаху князю великому”.

Оказавшись между молотом и наковальней, посадники пытались достичь соглашения с московскими боярами. Последние заверили послов, что Иван III не будет высылать новгородцев “на Низ”, не будет “вступаться” (конфисковать) в их земли. Заверения положили конец колебаниям правителей республиканского Новгорода. Стремясь получить гарантии неприкосновенности своих имуществ, бояре просили, чтобы монарх лично подтвердил соглашение и принес клятву на кресте. Но им грубо отказали в этом.

Видя “неустройство” и “великий мятеж” в городе, князь В. Гребенка-Шуйский сложил крестное целование Новгороду и перешел на службу к Ивану III. Лишившись военного предводителя, новгородцы окончательно уступили всем требованиям московских властей.

15 января 1478 г. Патрикеев с другими боярами въехал в Новгород и привел -к присяге жителей. Вече в городе более не созывалось. Наиболее важные документы из архива Новгорода, а также вечевой колокол были увезены в Москву, выборные должности, вечевые порядки, древний суд упразднены. Новгородская “республика”, просуществовавшая несколько веков, пала. Автор московского свода 1497 г. не скрыл своего удивления по поводу неслыханного нарушения “правды” и старины в Новгороде. “А как и стал Новгород — Русская земля, — записал он, — таково позволение на них не бывало ни от которого великого князя, да ни от иного ни от кого”. Иван III обязался “не вступаться” в вотчины новгородцев, но очень скоро нарушил свои обязательства. Уже в феврале 1478 г. он приказал арестовать вдову Марфу Борецкую с внуком Василием и нескольких других лиц, возглавлявших пролитовскую партию. Под стражу был взят также архиепископский наместник. Всех арестованных Иван III приказал отправить в Москву, а “животы их (вотчины и прочее имущество. — *Р.С.*) велел отписать на себя”.

Арест архиепископа Феофила в 1480 г. развязал руки

московским властям. Посадник Василий Александрович Казимир, его брат Яков Александрович Короб, Лука Федоров и Михаил Берденев принесли присягу государю и были приняты на московскую службу. Однако в 1481 г. они подверглись аресту и в опале лишились всех своих земель. Зимой 1483 — 1484 гг. гонения на бояр приобрели еще более широкий размах. В Москву поступил донос “на новгородцы от самих же новгородцев” по поводу нового заговора бояр и их “ссылки” с Литвой. Иван III был встревожен и направил в Новгород воинскую “заставу ратную”, которая стояла там четыре месяца. Главной фигурой открывшегося “заговора” был посадник Иван Кузьмич Савелков, тридцать других бояр и житейных людей. Неизвестно, кто из них тайно сносился с Литвой. Одно несомненно. По делу о заговоре аресту подверглись крупнейшие землевладельцы Новгорода.

В конце 1480-х годов наместником в Новгород был назначен боярин Яков Захарьин-Кошкин. Он обвинил в измене разом весь Новгород. Грандиозный процесс, организованный им, был последним, так как судить больше было некого. Древнее новгородское боярство было искоренено. Одних изменников наместник Яков Захарьин “пересече и перевешал”, остальных отправил под стражей в Москву. По словам современников, конфликт возник на почве злоупотреблений и лихоимства властей. Наместник Захарьин не церемонился с опальным городом, облагал жителей штрафами, ставил на правеж. Обиженные и ограбленные новгородцы искали защиты у Ивана III. В свою очередь Захарьин обвинил своих обличителей в государственной измене — покушении на жизнь наместника. Иван III и его дума приняли версию Захарьина. Подлинной причиной экстраординарных мер Москвы было то, что “республиканские” порядки Новгорода были живучими. Даже после московского завоевания народ повиновался прежним правителям-боярам и не проявлял уважения к московским наместникам. Чтобы покончить со старыми порядками, Москва экспроприировала всех новгородских землевладельцев. Летописи Москвы и Кирилло-

Белозерского монастыря сохранили записи о том, что в 1488 — 1489 гг. Иван III свел из Новгорода Великого “тысячу голов” бояр и гостей. Писцовые книги Новгорода конца XV в. подтверждают достоверность этой цифры. В книгах упоминаются имена по крайней мере 1045 старых новгородских землевладельцев, лишившихся вотчин в основном в 1488 — 1489 гг. Противники Москвы были уничтожены в первые годы после завоевания Новгорода. Немногие из них уцелели до 1488 г. Всей тяжестью новые репрессии обрушились на людей, лояльных по отношению к Москве. Иван III не пощадил промосковскую партию Новгорода, вожди которой помогли ему подчинить Новгород. Сторонников Москвы отправили в ссылку заодно с противниками. По авторитетному свидетельству ростовской летописи, всего из Новгорода на Москву привели “боле седми тысячи житых людей”. Очевидно, бояр и житых людей изгнали из города вместе с чадами и домочадцами. Помимо бояр, житых людей и купцов, принадлежавших к слою землевладельцев, в московский плен отправились многие богатые и зажиточные горожане и ремесленники, не владевшие никакими землями. Лишь считанные единицы из ссыльных новгородцев получили землю в московских уездах и превратились в московских служилых людей.

Сословие новгородских землевладельцев сложилось исторически. На протяжении веков это сословие обеспечивало политическое руководство “республикой” и ее экономическое процветание в неблагоприятных условиях русского севера. Экспроприация всех новгородских землевладельцев доказывала, что речь шла не об объединении Новгорода с Москвой, а о жестоком завоевании, сопровождавшемся разрушением всего традиционного строя общества. Конфискованные земли перешли в собственность государства, что необычайно усилило власть и могущество московской династии. Насилие над Новгородом заложило фундамент будущей империи России и стало поворотным пунктом в развитии ее политической культуры.

Иван III был женат первым браком на дочери великого князя Тверского. Рано овдовев, он женился на греческой царевне Софье (Зое) Палеолог. Софья была племянницей последнего византийского императора, убитого турками на стенах Константинополя в 1453 г. Ее отец Фома Палеолог, правитель Морей, бежал с семьей в Италию, где вскоре умер. Папа римский взял детей морейского деспота под свое покровительство. Опекуны сватали Софью различным владетельным лицам, но неудачно. Современники злословили по поводу того, что царевна отличалась чрезмерной тучностью. Однако главным препятствием для ее брака была не ее полнота. По тогдашним представлениям, пышные формы и румянец были первыми признаками красоты. Софье отказывали, потому что она была бесприданницей. Наконец решено было попытаться счастья при дворе московского князя. Поручение взялся выполнить некий “грек Юрий”, в котором можно узнать Юрия Траханийота, доверенное лицо семьи Палеолог. Явившись в Москву, грек расхвалил Ивану III знатность невесты, ее приверженность православию и нежелание перейти “в латынство”. Итальянец Вольпе, подвизавшийся при московском дворе в роли финансиста, поведал государю, что Софья уже отказала французскому королю и другим знатым женихам. Переговоры о московском браке длились три года. Осенью 1471 г. Софья в сопровождении папского посла епископа Антонио прибыла в Москву. Москвичи приветствовали невесту, но их немало смутило то, что перед царевной шел епископ с большим латинским “крыжом” (крестом) в руках. В думе бояре не скрывали своего негодования по поводу того, что православная столица оказывает такую почесть “латинской вере”. Митрополит заявил, что покинет Москву, если у папского посла не будет отобран “крыж”. Антонио пришлось смириться с тем, что у него отняли крест и положили в его же сани.

Антонио получил от папы наказ сделать все для объединения вселенской христианской церкви. Прения о

вере должны были состояться в Кремле. Митрополит пригласил себе в помощь книжника Никиту Поповича. Антонио был готов отстаивать идею церковной унии, но история с крестом научила его осторожности. Посла более всего заботила мысль, как беспрепятственно выбраться из России. Когда Антонио привели в Кремль, митрополит московский изложил свои доводы в защиту православия и обратился с вопросом к легату. Но тот “ни единому слову ответа не дает, но рече: „нет книг со мной””. Собравшиеся восприняли его смирение как победу правой веры над латинством.

В Италии надеялись, что брак Софьи Палеолог обеспечит заключение союза с Россией для войны с турками, грозившими Европе новыми завоеваниями. Стремясь склонить Ивана III к участию в антитурецкой лиге, итальянские дипломаты сформулировали идею о том, что Москва должна стать преемницей Константинополя. В 1473 г. сенат Венеции обратился к великому князю Московскому со словами: “Восточная империя, захваченная оттоманом (турками), должна, за прекращением императорского рода в мужском колене, принадлежать вашей сиятельной власти в силу вашего благополучного брака”. Идея, выраженная в послании сенаторов, пала на подготовленную почву. Но Московии трудно было играть роль преемницы могущественной Восточно-Римской империи, пока она находилась под пятой Золотой Орды.

Татарское иго доживало последние годы. В то время как Русь шаг за шагом преодолевала раздробленность, Орда переживала распад и хаос. На ее территории возникли Ногайская, Крымская, Казанская, Астраханская и Сибирская орды. Древний трон находился в руках Ахмат-хана из Большой орды. Его владение простиралось от Волги до Днепра. Лишь после кровавой борьбы со своей знатью Ахмату удалось возродить сильную ханскую власть. На короткое время Большая орда подчинила себе Крым. В 1472 г. хан сжег Алексин. Москва перестала платить дань татарам,

и в 1480 г. Ахмат стал готовить новое наступление, чтобы сокрушить Русь. Обстановка, казалось бы, благоприятствовала осуществлению его планов. Против России ополчились все ее соседи. Король Казимир грозил нанести удар с запада. Войска Ливонского ордена напали на Псков. В довершение бед в стране началась смута. Удельные князья Андрей Большой и Борис подняли мятеж против брата Ивана III и через Новгород ушли к литовской границе. Король Казимир обещал им покровительство, и мятежники отослали свои семьи в королевский замок Витебск.

Летом 1480 г. Ахмат-хан придвинулся к русским границам. При нем была “вся Орда, и братанич его царь Касым, да шесть сынов царевых”. Для отражения неприятеля Иван III послал наследника Ивана Ивановича с полками в Серпухов, а сам занял переправы через Оку в районе Коломны.

Давно минуло время, когда Орда могла выставить в поле до ста тысяч всадников. Ахмат-хан едва ли мог собрать более 30 — 40 тысяч воинов. Примерно такими же силами располагал Иван III. На помощь к нему прибыли войска тверского великого князя. В войне с татарами не смог участвовать Псков, подвергшийся нападению рыцарей. Мятеж удельных князей создал угрозу для московских городов. С весны города готовились к защите: “...все людие быша в страхе велице от братии его (Ивана III), все грады быша во осадех”. Пока не минула смута, великий князь мог лишь частично использовать городские ополчения для обороны южных границ.

Более двух месяцев Иван III ждал татар на Оке. Все это время Ахмат-хан провел в полном бездействии вблизи московских границ. Наконец татары, обойдя памятное для них поле Куликово, вступили в пределы Литвы.

Опасность угрожала Москве с трех сторон. От Мценска к Калуге двигался Ахмат-хан с татарами. Удельные князья

могли в любой момент подойти из Великих Лук. Королю Казимиру принадлежала Вязьма, и его войска могли достичь Москвы за несколько дней. Между тем Москва была плохо подготовлена к длительной осаде. Белокаменные стены Кремля за сто лет обветшали и требовали починки. Иван III делал все, чтобы остановить неприятеля на дальних подступах к городу. Он не слишком надеялся на прочность столичных укреплений и потому отослал жену Софью с малолетними детьми и всей великокняжеской казной на Белоозеро. 30 сентября Иван III вернулся из Коломны в Москву для совета с боярами, а сыну велел перейти из Серпухова в Калугу. Распоряжение было вызвано тем, что Орда переправилась через Оку к югу от Калуги и устремилась к реке Угре, по которой проходила русско-литовская граница. 3 октября Иван III выехал в армию. В пути он узнал об ожесточенных столкновениях на Угре. Вместо того чтобы поспешить к месту сражения, государь разбил лагерь на Кременце в тылу русской армии.

Бой на Угре продолжался четыре дня. Броды на реке были неширокими, что помешало хану ввести в дело большие массы конницы. Противники осыпали друг друга стрелами. Русские палили также из пушек и пищалей.

Русские полки возглавлял наследник Иван Молодой. Фактически же военными действиями руководили опытные воеводы князя Холмский, Оболенский, Рязполовский. Столкновения на Угре могли привести к кровопролитному сражению. Но Иван III и его воеводы не искали такого сражения. В ставку к Ахмат-хану выехал сын боярский Иван Товарков-Пушкин. Хан отказался принять от гонца дары — “тешь великую” и потребовал, чтобы Иван III сам явился к нему с повинной и был “у царева стремени”.

Дипломатический демарш был не более чем уловкой со стороны Ивана III. Ему нужно было перемирие с татарами, хотя бы временное, и он достиг своей цели. Хан не принял его дары, но согласился вести переговоры, для чего

отпустил в Кременец своего гонца. Гонец вернулся ни с чем. Иван III отклонил требования Ахмат-хана, равнозначные возрождению власти Орды над Русью. Тогда хан отправил в Кременец новое предложение. Пусть великий князь пришлет ему для переговоров своего советника Никифора Басенкова, не раз ездившего в Орду. Но даже и на это предложение Иван III не согласился.

Обмен гонцами привел к прекращению боевых действий на Угре. Едва начались переговоры, Ахмат-хан отошел от переправ и остановился в двух верстах от берега. Иван III мог торжествовать. Его затея увенчалась успехом. Хан стоял на Угре “десять ден”, из них шесть он потратил на заведомо бесплодные и никчемные переговоры.

Русские полки обороняли Угру, пока в том была необходимость. С Дмитриева дня (с 26 октября) зима вступила в свои права, “и реки все стали, и мразы великыи, яко же не мощи зрети”. Угра покрылась ледяным панцирем. Теперь татары могли перейти реку в любом месте и прорвать боевые порядки русской армии, растянувшиеся на десятки верст. В таких условиях воеводы отступили с Оки к Кременцу. Теперь вся русская армия была собрана в один кулак.

С наступлением морозов и началом ледостава в Кременце стало известно о приближении удельных полков. Братья имели при себе сильные полки, тогда как великий князь стоял в Кременце “с малыми людьми”. Ивану III нельзя было медлить, и он вызвал с Угры сына Ивана с верными полками. Возникла возможность завершить переговоры о прекращении внутренней войны в стране. Иван III уступил домогательствам братьев и объявил о передаче им нескольких крепостей с уездами. Смута, подтачивавшая силы России изнутри в течение девяти месяцев, завершилась без кровопролития.

Хан боялся затевать сражение с русскими, не имея помощи

от короля. Но уже в октябре стало ясно, что Казимир не намерен выполнять своих союзнических обязательств. Жестокость и вероломство Ахмат-хана, разграбившего литовскую “украину”, означали полное крушение их союза. Орда была утомлена длительной войной. Наступление морозов заставило ордынцев спешить с возвращением в свои зимние кочевья. “Бяху бо татары, — поясняет летописец, — нагы и босы, ободралися”. В начале ноября Ахмат-хан отдал приказ об отступлении. Его сын, двигаясь на восток, разорил несколько русских волостей под Алексином. Встревоженный Иван III немедленно направил в Алексин своих воевод. Уклонившись от встречи с ними, татарский царевич бежал в степи.

Из Кременца Иван III со всей армией перешел в Боровск. Некоторые историки считают, что Иван III совершил искусный военный маневр, надежно прикрыв подступы к Москве. Однако к моменту перехода Ивана III в Боровск отпала надобность в каких бы то ни было маневрах. Король Казимир так и не собрался на войну, а Орда исчезла в степях. Ахмат-хан после отступления распустил свои войска на зимовку, за что и поплатился головой. Его соперники ногайские князья воспользовались оплошностью, исподтишка напали на ханскую “вежу” и убили Ахмат-хана.

На протяжении почти двух веков главным соперником Москвы в борьбе за великое княжение Владимирское была Тверь. Ко времени “стояния на Угре” тверские князья сохранили независимость, но их земли оказались окружены московскими владениями со всех сторон. Чтобы противостоять московскому натиску, Тверь пыталась опереться на помощь Литвы. Михаил Тверской затеял сватовство при дворе короля Казимира. Иван III расценил это как недружественный акт, и его полки вторглись в тверские пределы. Они “пленили” тверскую землю и сожгли два городка. Великий князь Михаил Борисович принужден был отказаться от союза с Литвой и признал себя “братом младшим” московского князя, что серьезно ограничило

независимость Тверского княжества. Однако Москва не могла покончить с Тверью, пока тверское боярство поддерживало московскую династию. Через полгода после похода на Тверь Ивану III пришлось снова снаряжать полки. Предлогом к войне была поимка тверского гонца с грамотой к королю Казимиру. В сентябре 1485 г. московская рать облегла Тверь. По-видимому, на этот раз Иван III дал определенные гарантии местным землевладельцам, следствием чего явился массовый отъезд тверских бояр на службу к московскому князю. Иван III сохранил за тверскими боярами их земли, думные чины, принял к себе на службу “тверской двор”. Позиция бояр определила судьбу некогда могущественного Тверского княжества.

Покинутый вассалами Михаил Тверской бежал в Литву. Тверь перешла под управление его родного племянника Ивана Молодого, получившего титул Тверского великого князя и соправителя Ивана III. Он правил Тверью вместе со старой “тверской думой”. Отдельно от московского функционировал тверской “двор”. Княжескими землями управлял Тверской дворец. Тверской “двор” слился с московским к началу XVI в., и тогда же некоторые из тверских бояр вошли в московскую Боярскую думу. Ломка, неизбежная в Новгородской “республике”, оказалась излишней в Тверском княжестве.

Второй брак Ивана III запутал династические отношения в Московии. Царевна Софья вступила в брак на невыгодных для нее условиях. Сыновья Софьи могли претендовать на удельные княжества, но никак не на московский престол. Византийская царевна не знала русского языка и не пользовалась популярностью среди подданных.

Иван IП женил первенца Ивана Молодого Тверского на дочери православного государя Стефана Великого из Молдавии. В 1479 г. Софья Палеолог родила сына Василия. Четыре года спустя Елена Волошанка родила Ивану III внука Дмитрия.

Княжичу Дмитрию исполнилось семь лет, когда умер его отец Иван Молодой. Тридцатидвухлетний наследник престола страдал легким недугом — “камчюгою в ногах”, или подагрой. Вылечить его взялся лекарь “мистер Леон Жидовин”, выписанный Софьей из Венеции. Несмотря на старания врача, больной умер. Кончина наследника была выгодна “грекине”, и по Москве тотчас прошел слух, будто Ивана Молодого отравили итальянцы. (Андрей Курбский записал эти слухи через сто лет, нимало не сомневаясь в их достоверности). Знаменитого венецианского врача вывели на площадь и отрубили ему голову.

Тринадцать лет Иван Молодой был соправителем отца. За это время у его двора сложились прочные связи с Боярской думой. Бояре помнили кровавую смуту, затеянную удельными князьями при Василии II, и твердо поддерживали законную тверскую ветвь династии. Они с тревогой наблюдали за взаимоотношениями между Дмитрием-внуком и его дядей Василием, сыном Софьи. В 1497 г. власти решили короновать Дмитрия-внука по случаю его близкого совершеннолетия. Таким путем они надеялись пресечь смуту в самом зародыше. Коронацию готовили втайне от “грекини”. Но один из доверенных дьяков выдал тайну Василию и его матери. В окружении Софьи возник заговор. Его участники попытались опереться на великокняжеский двор, для чего “тайно к целованию приведоша” многих детей боярских из состава двора. Наиболее решительные из заговорщиков советовали княжичу Василию собрать войско, захватить Вологду и Белоозеро вместе с находившейся там великокняжеской казной. Таким путем сторонники “грекини” рассчитывали предотвратить коронацию Дмитрия-внука. Никто из членов Боярской думы не принял участие в аванюре, что и предопределило ее неудачный исход. Главные советники Василия дети боярские Еропкин и Поярко были четвертованы, другие заговорщики князь И.Палецкий-Стародубский, В. Гусев, дьяк Строилов лишились головы. В ходе следствия выяснилось, что Софью во дворце посещали

колдуньи и ворожеи, приносившие зелье. Иван 111 тотчас велел утопить “лихих баб” в Москва-реке, а с женой “нача жить в бережении”.

Княжича Василия некоторое время держали под арестом — “за приставы”.

14 февраля 1498 г. Дмитрий-внук в неполных 15 лет был торжественно коронован великокняжеской короной в Успенском соборе Кремля. Дмитрий не имел отношения к греческой ветви династии. Тем не менее церемония в Кремле была проведена по обряду коронации византийских императоров.

Преодоление раздробленности и образование мощного государства создали почву для распространения в русском обществе идеи “Москва — новый Рим”. Как это ни парадоксально, мысль о византийском наследии развивали не “греки” из окружения византийской царевны, а духовные лица и книжники, близкие ко двору Елены Волошанки. Зосима, которого считали единомышленником Елены, выразил новую идею в сочинении “Изложение пасхалии”, поданном московскому собору в 1492 г. Пастырь сложил похвальное слово “самодержцу” Ивану III. Не упоминая о браке государя с византийской царевной, Зосима подчеркивал верность Руси Богу и православию. Это превращало Москву в новый Царьград. Сам Бог поставил Ивана III — “нового царя Константина новому граду Константину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя”.

Своеобразную интерпретацию идея византийского наследия получила в “Сказании о князьях владимирских”. Сочинение появилось, очевидно, в связи с коронацией Дмитрия. В раннем Чудовском и других сборниках за текстом Сказания следует “Чин венчания Дмитрия-внука”.

Автор “Сказания о князьях владимирских” старался доказать,

что владимирские князья давно породнились с византийским императорским домом и стали его наследниками, из чего следовало, что греческое родство удельного князя Василия не имеет значения. Обосновывая законность коронации Дмитрия, книжник сочинил легенду об императоре Константине Мономахе, вручившем царские регалии — “шапку Мономаха” внуку Владимиру Мономаху Киевскому. По-видимому, автор пытался сообразовать свой рассказ с тем, что произошло у него на глазах. Оба героя сказания — Дмитрий и Владимир получили регалии из рук деда: Дмитрий — от Ивана III, а Владимир — от византийского императора Константина Мономаха. (В действительности Владимиру Мономаху едва исполнилось два года ко времени смерти Константина). Симпатии книжника были на стороне воинственного внука, одолевшего малодушного деда. Владимир-внук послал воинов, которые разорили окрестности Константинополя. Императору Константину ничего не оставалось делать, как снять с головы своей “венец царский” и послать внуку с мольбой о мире и любви, чтобы весь православный люд стал под власть “нашего царства (Византийской империи. — *Р.С.*) и твоего (Владимира Мономаха. — *Р.С.*) великого самодержавства великия Руси”.

Обращение к московскому летописному своду 1497 г. обнаруживает удивительные факты. После освобождения от татарщины Иван III находился на вершине славы. Составитель официальной московской летописи имел все основания для панегирика в его честь. Вместо этого он постарался выставить героем победы наследника и одновременно бросить тень на поведение монарха.

Одним из самых близких к Ивану III церковников был архиепископ Вассиан Рыло, крестивший его детей. Среди прочих духовных особ он выделялся своим красноречием и неукротимым характером. Следуя примеру Сергия Радонежского, благословившего на битву Дмитрия Донского, Вассиан направил “укрепительную” грамоту Ивану III на Угру.

Духовник государя превозносил доблесть Ивана Молодого и напоминал Ивану III его обещание крепко стоять против басурман и не слушать “духов льстивых”, “шепчущих в ухо твоей державе, еже предати христианство”. Поводом для обращения духовника послужила весть о том, что великий князь вступил в мирные переговоры с Ахмат-ханом. Ныне, писал Вассиан, “прежние твои развратницы” советуют тебе “не противитися супостатом, но отступить”; Ахмат уже “погубляет христианство”, а ты смиряешься перед ним и молишь о мире. “Не будь бегуном и предателем христианства!” — завершал свое поучение духовник Ивана III.

Послание Вассиана было образцом церковного красноречия. Оно было украшено великим множеством цитат из священного писания. Содержание грамоты послужило основой для всех позднейших легенд о бегстве Ивана III с Угры.

В действительности Иван III не помышлял об отступлении и не давал поводов для резких упреков духовника. Не его виной было то, что известие о мирных переговорах с Ордой вызвало настоящую панику в Москве.

Вскоре после отражения татар архиепископ умер. Ростовские книжники, близкие к архиепископской кафедре, использовали его послание при составлении летописного отчета о событиях на Угре. Тревога престарелого пастыря по поводу мирных переговоров была беспочвенной, но книжники узрели в его словах пророчество. Когда ударили сильные морозы, записал летописец, русские побежали от Угры к Кременцу. Вассиан предупредил Ивана III, что он может стать “бегуном и предателем христианским”. Но государь не внял его словам, а последовал совету “злых духов” и из Кременца побежал к Боровску. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в дело не “вмешалась Богородица”. Русские отступили на север, считая, что татары гонятся за ними; татары, “страхом одержимы”, бросились в противоположную сторону, “и бо дивно тогда совершихся

Пречистыя чудо: едни от других бежаху и никто же не женьше” (никто не преследовал). Автор официального московского свода не опроверг вымыслы ростовского летописца, но целиком принял их. Он впервые назвал по имени “предателя” сына боярского Момона, устами которого сам дьявол посоветовал Ивану III бежать от татар.

Нет нужды усматривать в советах “духов” интригу “реакционной влиятельной группы бояр”, противившихся решительной борьбе с Ордой. Перед нами едва ли не единственный случай в истории московского летописания, когда обличения по поводу трусости монарха попали на страницы официальной летописи.

Летопись составлялась в великокняжеской канцелярии при деятельном участии митрополичьей кафедры. По этой причине нет оснований подозревать летописца в оппозиции к великокняжеской власти. Похвалы в адрес Ивана Молодого и резкие отзывы по поводу нерешительного поведения Ивана III были связаны, без сомнения, с династической борьбой в Русском государстве. Старшая тверская ветвь династии была законной наследницей престола. Софья, домогавшаяся трона для своего сына — удельного князя, заслуживала осуждения. Такой взгляд стал господствующим и официальным после 1497 — 1498 гг., когда люди из окружения “грекини” попали на эшафот, а сын Ивана Молодого был коронован великокняжеским венцом. Всего точнее отношение общества к Софье выразил все тот же ростовский летописец, закончивший отчет об “угорщине” едкими словами: “Тоя же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегали на Белоозеро от татар, а не гонял никто, и по которым странам (уездам. — АС.) ходили (через Ростов на Белоозеро. — Р.С.), тем пуще стало татар и от боярских холопов, от кровопивцев крестьянских”. Автор официального московского свода 1497 г. списал эти слова из ростовского свода, нисколько не пытаясь смягчить их.

Московский свод 1497 г. лег в основу Софийской II летописи,

автор которой пошел дальше своих предшественников в обличении Софьи и Ивана III, погубивших законную ветвь династии в лице Дмитрия-внука. Неофициальная поздняя летопись утверждала, будто великий князь дважды бегал от татар: первый раз из Коломны и второй — с Угры. В страхе государь приказал воеводам насильно препроводить наследника с границы в Москву. В отличие от струсившего отца Иван Молодой “мужество показал, брань прия от отца, и не еха от берега (с Оки. — *Р.С.*), а христьянства не выда”. Победитель Ахмата окончательно превратился в “предателя христьянства”. Книжник не только возлагал на Ивана III ответственность за бегство Софьи на Белоозеро, но и приписывал государю позорные планы. Послав “римлянку” с казней на север, государь якобы “мыслил”: “Будет Божие разгневание, царь (Ахмат. — *АС.*) перелезет по ею сторону Оки и Москву возмет и им бежатх к Окияну-морю”. Ввиду явной трусости самодержца Вассиан Рыло в лицо обличил его, назвав “бегуном”. Возмущенные москвичи стыдили монарха, говоря: “Нас выдаешь царю и татарам”. Иван III якобы побоялся въехать в Кремль, а остался за городом, “бояся гражан мысли злыя поимания”. Вместо того чтобы оборонять границу, он провел в Москве две недели, предаваясь страху и нерешительности.

Иван III шел к цели, не стесняясь в средствах. Он нарушил закон и обычаи, расправился с боярами и следовал советам сомнительных лиц. Все это не могло не сказаться на его популярности. Безнаказанные попытки скомпрометировать монарха в момент его наивысших успехов свидетельствовали как о неавторитетности главы государства, так и о кризисе власти. Одним из источников кризиса был раздор между великим князем и церковным руководством. Митрополит Геронтий дважды покидал митрополичий двор в Кремле, чтобы заставить монарха подчиниться своей воле. В первый раз Ивану III пришлось признать свою неправоту и принять условия владыки. Во второй раз монарх предпринял попытку низложить строптивного иерарха, но ничего не достиг.

Иван III не мог добиться послушания от родных братьев Андрея и Бориса, поднявших мятеж в момент вторжения Орды. В 1491 г. самодержец нарушил договор с Андреем, скрепленный клятвой на кресте, и бросил его в темницу, где тот и умер два года спустя. Братоубийство считалось худшим грехом, и через несколько лет Иван III под давлением общественного мнения устроил публичное покаяние. Он призвал митрополита Зосиму и епископов и в их присутствии выразил горе по убиенном брате, “что своим грехом, несторожею, его уморил”. Сведения о покаянии были включены в официальный свод 1497 г.

Волоцкий князь Борис, едва избежавший участи князя Андрея, скончался вскоре после брата. Игумен Иосиф Санин, чья обитель располагалась во владениях Бориса, оплакал кончину удельных братьев и обрушился на Ивана III с упреками. Игумен уподобил самодержца Каину. Князь, писал Иосиф, обновил “древнее каиново зло”: по его вине древний род государев “яко лист уже увяде, яко цвет отпаде, яко свет златого светильника угасе и остави дом пуст”. Неправедному царю, утверждал игумен в одном из своих сочинений, не следует повиноваться, ибо “таковой царь не Божий слуга, но диавол и не царь есть, но мучитель”.

Иван III не пользовался уважением духовенства, доказательством чему были конфликт с митрополитом Геронтием и нападки Иосифа Волоцкого. После смерти Геронтия в Москве был созван священный собор. Государь не допустил к участию в соборе новгородского архиепископа, непримиримого противника еретиков, и навязал собору кандидатуру симоновского архимандрита Зосимы Брадатого, относившегося к еретикам терпимо. Великий князь рассчитывал упрочить свою власть, посадив на митрополию послушного иерарха. Но его надежды не оправдались. Очень скоро владыка подвергся самым резким нападкам со стороны фанатиков. Санин, не стесняясь, чернил главу церкви. Ныне, писал он, на московском святом престоле

сидит “злобесный волк”, “первый отступник в светителях в нашей земли”, “иже сына Божия попра и пречистую Богородицу похули...”. Обличения Зосимы неизбежно бросали тень на его покровителя Ивана III. Обвинение в пособничестве еретикам грозило государю изрядными неприятностями. Инок Савва в “послании на жидов и еретиков” писал: “Аще бо царь или князь... не поклоняется Богу нашему Спасу Господу Иисусу Христу, ...той воистину раб есть и проклят!”.

Несмотря на покровительство государя, Зосима недолго сидел на митрополичьем престоле. Духовенство не желало подчиняться еретику, и великому князю пришлось пожертвовать своим ставленником. В 1494 г. Зосима сложил сан “не по своей воле”. Предлогом для низложения послужило излишнее пристрастие владыки к вину. Отставка Зосимы была воспринята как признак слабости власти.

Завоевание земель усилило власть монарха и одновременно собрало в Москве многочисленную княжескую аристократию. Все дела Иван III решал с думой. Великие бояре отнюдь не были послушными и безгласными исполнителями его воли. При обсуждении дел члены думы и придворные не стеснялись возражать государю. Дворянин И. Берсень-Беклемишев, сделавший неплохую придворную карьеру, вспоминал на склоне лет, что Иван III любил и приближал к себе тех, кто возражал ему: “против себя стречю любил и тех жаловал, которые против его говаривали”. Как писал Андрей Курбский, Иван III был “любосоветен” и ничего не начинал без длительных и “глубочайших” советов с боярами — “мудрыми и мужественными сиглиты”. В действительности взаимоотношения монарха с могущественной знатью не были идиллическими. Первый серьезный конфликт имел место осенью 1484 г., когда Иван III “поймал” бояр Василия и Ивана Тучко-Морозовых. Вотчины опальных были отобраны в казну и возвращены лишь через три года. Конфликт с Морозовыми стал значительным событием в истории двора. Иван .IV помнил о раздоре, унизившем его деда, и всю вину

за происшедшее возлагал на бояр. Братья Тучко, писал царь в одном из своих писем, “многая поносная и укоризненная словеса деду нашему великому государю износили”. Случай с Морозовыми доказывал, что государь до поры до времени терпел возражения бояр, но при подходящем случае жестоко расправлялся со строптивыми советниками. Имеются данные о том, что И. Б. Тучко-Морозов был первым из известных дворецких московского великого князя, а его брат В. Б. Тучко — боярином-конюшим. В дни похода на Новгород В. Б. Тучко вместе с И. Ю. Патрикеевым продиктовал новгородцам условия капитуляции. Во время стояния на Угре Иван III послал боярина В. Б. Тучко к мятежным братьям для примирения с ними, а затем поручил ему сопровождать жену с детьми на Белоозеро. В случае гибели государя Тучко должен был обеспечить безопасность вдовы.

Конфликт в верхах разрастался, и современники склонны были приписать беду пагубному влиянию на великого князя “греков”. И. Беклемишев, отстаивая незыблемость московских порядков, винил греков в перемене старых обычаев. На склоне лет он жаловался книжнику Максиму Греку, прибывшему на Русь с Афона: как пришла сюда Софья “с вашими греки, так наша земля замешалася и пришли нестроения великие, как и у вас в Царегороде при ваших царях”.

Московское боярство постоянно пополнялось знатными выходцами из соседних государств: царевичами из Орды, членами литовской великокняжеской династии и пр. Как правило, они получали щедрые земельные пожалования от московских государей. Члены византийской императорской семьи появились на Руси впервые. По своей знатности они далеко превосходили прочих пришельцев из-за рубежа. Тем не менее им пришлось познать немало унижений, когда они пытались укорениться в Москве.

В Италии у Софьи оставались брат Андрей и племянница Мария Палеолог. Великая княгиня выписала Марию в Москву

и выдала ее замуж за сына белозерского князя Михаила Верейского. Согласно византийским обычаям, византийские императрицы держали личную канцелярию, могли распоряжаться своими драгоценностями и пр. Выдавая племянницу замуж, Софья передала ей в приданое женское украшение — “сажень” с камнями и жемчугом. Как повествуют московские официальные летописи, Иван III вздумал одарить “саженьем” Елену Волошанку по случаю рождения внука. До Софьи “сажень” носила первая жена государя Мария Тверская, и украшение должно было остаться в собственности старшей тверской ветви династии. Не найдя “саженья” в кремлевской казне, Иван III якобы пришел в страшный гнев и велел провести дознание. После розыска московские власти арестовали итальянского финансиста, объявленного пособником Софьи, а заодно взяли под стражу двух ювелиров, по-видимому, переделавших “сажень” для Марии Палеолог. Семье Василия и Марии Верейских грозила опала, и они поспешно бежали за рубеж в Литву. История с “саженьем” поражает своей несообразностью. Женское украшение не имело значения княжеской регалии и не принадлежало к числу самых ценных вещей великокняжеской сокровищницы. “Сажень” было не более чем поводом к фактическому изгнанию из страны Василия Верейского и Марии Палеолог.

Удельный князь Михаил Верейский сохранял преданность Василию II Темному на протяжении всей смуты. Но это не оградило Михаила от произвола монарха. По договору 1482 г. удельный князь “уступил” Ивану III самую ценную свою отчину Белоозеро “и грамоту свою на то ему дал”. Наследник княжич Василий Верейский имел все основания негодовать на монарха. Его бегство в Литву отвечало целям Ивана III, как и изгнание из страны Марии Палеолог.

Боярская дума не желала усиливать позиции Софьи и ее сына. Софья выписала из Рима своего брата Андрея Палеолог. Как член византийской императорской семьи и шурина, Ивана III Андрей рассчитывал получить обширные

владения на Руси. Но его надежды не оправдались. Не получив желаемого, Андрей Палеолог покинул Москву. Осколки византийской императорской фамилии были отторгнуты московской правящей элитой по причинам сугубо династического характера.

После казней 1497 г. Софья и ее греческое окружение окончательно утратили доверие к верхам московского боярства. Взаимному непониманию немало способствовало то, что система политических взглядов Софьи и греков резко отличалась от московской. Бояре и народ обвиняли “грекиню” прежде всего в нарушении традиционного порядка престолонаследия в Московии. Согласно византийским нормам только Синод мог обнародовать имя преемника василевса. Фактически же Синод лишь облакал в форму закона волеизъявление императора.

Иван III был привязан к взрослому сыну Василию, а на подрастающего внука нередко негодовал. Но при назначении наследника он не мог отступить от московской традиции. Распри в великокняжеской семье грозили подорвать власть монарха. Благодаря грекам московский двор имел возможность основательнее познакомиться с византийскими порядками. В трудных ситуациях императоры нередко передавали отдельные провинции сыновьям — соправителям, что укрепляло положение царствующей династии. Ссылаясь на эту традицию, Софья стала домогаться, чтобы Иван III назначил удельного князя своим соправителем и передал ему крупнейший после Москвы город Новгород со всей Новгородской землей и Псковом. Идея раздела государства на несколько удельных княжеств не встретила сочувствия при дворе законного наследника и в Боярской думе. Пережившие смуту бояре опасались, что удельный князь Василий, опираясь на Новгород, сгонит с трона малолетнего племянника Дмитрия. Дума, ведавшая внешними сношениями, четко выразила свое мнение по поводу всего происходящего. Литовский князь Александр, будучи зятем Ивана III, нередко получал дружеские советы

из Москвы. Узнав, что Александр намерен отдать Киев своему брату во владение, московские власти резко высказались против раздела Литовского великого княжества, сославшись при этом на недавний опыт. “Слышал яз, — писали бояре от имени Ивана III, — каково было нестроение в Литве, коли было государей много. Ай в нашей земле (на Руси. — *Р.С.*) каково было нестроение при моем отце”. Наказ, составленный в 1496 г., отражал официально принятую московскую доктрину.

Как следует из текста “Чина поставления и венчания Дмитрия Ивановича”, Иван III произнес следующую речь: “... Ныне благословляю при себе и опосле себя великим княжеством Владимирским и Московским и Новгородским и Тверским” внука Дмитрия, которого мне “дал Бог в сына моего место”. Решение отнять титул великого князя Новгородского у коронованного великого князя Дмитрия и передать его удельному князю было незаконным со всех точек зрения. Руководство Боярской думы, по-видимому, пыталось отстоять законность, и тогда монарх прибегнул к насилию. Думу возглавлял двоюродный брат государя князь И. Ю. Патрикеев. Он провел в думе почти 40 лет, из которых 27 лет служил наместником московским (этот пост он унаследовал от отца). К Патрикееву в хоромы переселился Иван III, когда началась починка старого великокняжеского дворца. К кругу высших руководителей думы принадлежал зять Патрикеева князь С. И. Ряполовский, за особые заслуги получивший титул “слуги и боярина”.

31 января 1499 г. самодержец велел арестовать И.Ю. Патрикеева, двух его сыновей Василия и Ивана и зятя Ряполовского и предать их всех смертной казни. Благодаря “молениям” митрополита Патрикеевы избежали смерти. Их постригли “в железах” (в кандалах) и разослали по монастырям в заточение. Слуга Ряполовский был обезглавлен палачом на льду Москва-реки на пятый день после ареста.

Решение о разделе государства между соправителями вызвало сопротивление не только в московских верхах, но и в народе. В начале 1499 г. Иван III прислал послов к посадникам псковским и всему Пскову с объявлением, что “де я князь великий Иван сына своего пожаловал великого князя Василия, дал емоу Новгород и Псков”. Посадники и вече отказались подчиниться государю. Они спешно направили полномочное боярское посольство в Москву к Ивану III и внуку его Дмитрию, которому недавно принесли присягу на верность. Послы четко заявили, что не признают власть удельного князя, а будут подчиняться князю, который сидит на московском троне: “а которой бы был великий князь на Москве, той бы и нам государь”. Этот принцип в глазах псковичей гарантировал сохранение независимости Пскова. Главное требование псковичей состояло в том, чтобы Иван III с внуком “держали отчину свою (Псков. — *Р.С.*) а в старине”. Переговоры в Москве были длительными и трудными. Посадники ссылались на присягу и “старину”. Иван III приказал бросить двух посадников в тюремную башню. При этом он заявил:

“Чи не волен яз в своем внуке и оу своих детех? Ино кому хочю, тому дам княжество”. По приказу государя в Псков выехал новгородский архиепископ Геннадий, чтобы отслужить в Троицком соборе службу “за князя великого Василья”. Псковичи не проявили никакого уважения к своему пастырю и не дали ему служить в соборе, сказав, что не имеют “тому веры, что быти князю Василью великим князем новгородским и псковским”. Лишь после того как Иван III прислал в Псков своего личного представителя боярина И. Чоботова и обязался держать “отчину” свою “в старине”, псковское вече смирилось. В сентябре арестованные посадники были отпущены из Москвы.

Казни в Москве и раздел государства явились симптомом кризиса старого боярства, наметившегося к концу XV века. Конфисковав все боярские владения в Новгороде, московские власти не сразу решили, как ими распорядиться.

Следуя традиции, Боярская дума стала распределять эти земли среди знати. По приказу Ивана III в пределах Новгорода было образовано удельное княжество для Федора Бельского, отъехавшего из Литвы в 1482 г. Столицей удела стал городок Демон, считавшийся “вотчиной” Вольского. Кроме того, он получил волость Мореву и много других волостей, по-видимому, в кормление.

Очень крупные владения достались боярину князю И. Ю. Патрикееву и его сыну Василию (более 500 обож), трем братьям Захарьиным (около 800 обож), влиятельным членам думы Ряполовскому, А. Челяднину, дворецкому Русалке-Морозову, новым правителям Новгорода наместнику князю С. Ярославскому, новгородскому дворецкому М. Волынскому и другим. (Обжа — надел зажиточного крестьянина, пахавшего землю на одной лошади).

Знать получила источник новых крупных доходов. Если бы она удержала новгородские пожалования в своих руках, результатом было бы неслыханное усиление ее могущества. Но этого не произошло. Историки давно обратили внимание на странный парадокс. К концу XV века пожалованные новгородские земли были отобраны не только у опальных бояр, но и у прочей московской знати, включая таких фаворитов, как бояре Челяднины или Захарьины. Факты позволяют объяснить отмеченный парадокс. После перехода Новгорода под власть удельного князя Василия бояре и прочие знатные люди, присягнувшие на верность Дмитрию-внуку и продолжавшие служить ему в Москве, должны были покинуть владения великого князя Новгородского.

Существенное влияние на события оказали условия и потребности военного времени. Вывод всех землевладельцев из Новгорода означал ликвидацию старых вооруженных сил на территории Новгородской земли. Система обороны Северо-Западных рубежей России рухнула. 180 новых землевладельцев из московской знати не могли составить ядро нового ополчения, поскольку в

большинстве своем продолжали нести службу в составе двора Московской земли. Правительство должно было осознать, что не сможет удержать завоеванный город, если не создаст себе прочную опору в лице новых землевладельцев. Уже Иван III начал испомещать на новгородских землях московских детей боярских. Василий III завершил перераспределение поместных земель в Новгороде. Новгородские имения, отобранные у аристократии, перешли в руки средних и мелких московских землевладельцев — служилых людей.

Время Ивана III отмечено драматическими переменами в положении высших сословий Русского государства. Крупное вотчинное землевладение продолжало расти, что вело к упрочению политического могущества аристократии. Одновременно действовала противоположная тенденция, изменившая структуру старого боярства. Подобно князьям, возглавлявшим государство, бояре делили вотчины между наследниками. Интенсивный процесс дробления имений привел уже в XV в. к появлению внутри высшего сословия новой категории служилых людей — детей боярских. Первоначально это название указывало лишь на определенную возрастную группу. При традиционном строе семьи дети боярские занимали зависимое положение в качестве младших членов семьи. Власть отца опиралась на то, что именно из его рук сын получал вотчину, что было необходимым условием для несения службы. Браки заключались в раннем возрасте, семьи были многодетными. Поэтому сыновья нередко ждали доли в наследстве до зрелых лет. Между боярами и детьми боярскими не было никакой четкой разграничительной линии. Однако понятие боярин все больше ассоциировалось с крупным земельным собственником, тогда как недостаточная обеспеченность землей стала характерной чертой новой социальной прослойки — детей боярских.

Первые упоминания о детях боярских относятся к XV в. Они активно участвовали в междоусобной борьбе второй

четверти XV в. Обнищание наименее состоятельных групп детей боярских не могло не тревожить московское правительство, поскольку обезземеливание дворян подрывало военные силы государства. Не пресловутая “борьба между боярами и дворянами”, а вполне реальный кризис старого боярства, связанный с оскудением его низших слоев, побудил власти приступить к созданию грандиозного фонда государственной земельной собственности, которая должна была обеспечить службу как детей боярских, так и всего сословия дворян-землевладельцев.

Немало детей боярских получили пожалования в Новгороде уже при Иване III. Однако те из них; кто не мог нести постоянную службу в новгородском ополчении, должны были расстаться с новгородскими “дачами”. Главный контингент вновь образованного новгородского войска составили дети боярские, переселившиеся в Новгород “на житье”. Вывод из Новгорода московской знати ускорил переселение на новгородские земли новых групп детей боярских из Московского княжества. В отличие от бояр, получавших сотни беж, дети боярские имели в среднем до 20 — 30 беж. Доходы с таких имений позволяли им нести службу в тяжеловооруженной дворянской коннице.

При завоевании Новгорода в 1478 г. Иван III конфисковал у новгородского архиепископа и монастырей лучшие земли и образовал из них великокняжеский домен. Получив Новгород в управление, Василий III пошел по стопам отца и отнял у Софийского дома еще 6 тысяч беж земли. В отличие от отца удельный князь не стал присоединять эти земли к княжескому домену, а роздал в поместье детям боярским.

Новгородская съезжая изба сохранила несколько ранних документов, подтверждавших пожалование детям боярским земель в Новгороде. Термин “поместье” появляется в этих документах впервые в 1490 г. В октябре 1490 г. Иван III пожаловал сыну боярскому Тыртову небольшую новгородскую волостку “в поместье”. Существенную роль в

выработке норм поместного права и упорядочении системы поместного землевладения сыграло валовое описание Новгородских пятин. В 1495 г. Иван III в последний раз посетил Новгород и тогда же отдал приказ о начале переписи. После передачи Новгорода удельному князю Василию опись продолжалась и была завершена в 1505 г. В пределах указанного отрезка времени архаическая система новгородских “пожалований” и “кормлений” окончательно трансформировалась в поместную систему.. Разработка норм поместного права явно отставала от практики. Даже писцы не всегда четко разграничивали поместья и кормления. Писцы Деревской пятины отделили сыну боярскому Ю. Сарыхозину деревни “в поместье и кормление”.

Кормленщик получал кормление на год-два, редко на более длительный срок. Он управлял волостью, судил население и за это “кормился”, взимая поборы с населения в свою пользу. Помещик получал поместье пожизненно, пока мог нести военную службу. Поместье передавалось по наследству сыну, если сын достигал 15 лет и мог продолжать службу. Располагая собственностью на поместную землю, государство неукоснительно взыскивало со всех поместных обож государеву подать. Помещик имел право на традиционный оброк. Государевы грамоты вменяли ему в обязанность заботиться в первую очередь об исправном взыскании с населения даней и подати. В случае неуплаты подати ему грозила государева опала. Атрибуты землевладения распределялись четким образом. Высший собственник — государство осуществляло суд и управление в отношении всего поместного населения. На долю владельца поместья оставалась военная служба.

В 1497 г. дьяки составили первый общерусский судебник, в котором поместье и вотчина были упомянуты как главные категории светского землевладения. Поместная система, вопреки Г. Вернадскому, не была организована по образцу турецких “титмаров”. Опыт Османской империи едва ли имел какое-нибудь практическое значение для российского

дворянства XV в.

Образование огромного фонда государственной земельной собственности оказало решающее влияние на формирование сословий в России. На Западе духовное сословие, стремившееся к автономии от светской власти, консолидировалось ранее других сословий и стало своего рода моделью для других сословий. В России дворянство опередило другие слои и группы, при этом зависимость от государственной власти стала самой характерной чертой этого сословия. Экспроприация высших слоев Новгорода позволила Москве сконцентрировать в своих руках огромные материальные ресурсы. Власть и могущество монархии упрочились.

В политическое сознание общества стала внедряться имперская доктрина. С 1497 г. гербом российской монархии стал византийский герб — двуглавый орел. Скромный церемониал московского двора уступил место пышным византийским ритуалам. Великий князь не довольствовался прежними титулами и стал называть себя “самодержцем”. (Этот титул был точным переводом византийского императорского титула “автократор”). Полагают, что перемена в титулатуре была связана с обретением государственной независимости. Иван III стал обладать державой сам, а не из рук золотоордынского хана. Однако возможно и более простое толкование. В Византии титул “автократор” носил главный император, желавший подчеркнуть свое первенство в государстве по сравнению с императорами-соправителями. Любопытно, что старший сын императора, становясь соправителем отца, иногда усваивал титул кесаря или царя. Титул “самодержца” понадобился Ивану 111 после того, как у него появился один, а затем два соправителя Дмитрий и Василий с одинаковыми титулами “великих князей”.

Объединение земель превратило Россию в могущественную военную державу. В давнем конфликте с Литвой из-за

пограничных русских земель перевес все больше склонялся на сторону России. Под натиском католицизма православное население Литвы все чаще обращало взоры в сторону единой верной Москвы. Отъезд православных князей (Воротынских и др.) на службу к Ивану III имел результатом присоединение к России значительной территории в верховьях Оки. По договору 1494 г. Литва признала утрату Вязьмы, важнейшей крепости на подступах к Москве. Брак литовского князя Александра с дочерью московского великого князя имел целью положить конец войне на границе. Но эта цель не была достигнута. В 1500 г. русские полки заняли Брянск и вышли на Днепр. В бою на р. Ведрошь воевода Д. Щеня-Патрикеев наголову разгромил литовскую армию, позднее произвел глубокое вторжение в пределы Ливонского ордена. Русские предполагали закончить войну, заняв Смоленск. Но это им не удалось. Согласно миру, заключенному в Москве в 1503 г., к России отошли украинский город Чернигов, Новгород-Северский, Брянск и другие города.

Внешнеполитические успехи России были впечатляющими. Ее дипломатические связи расширились. Глава Священной Римской империи Германской нации направил в Москву посла и предложил Ивану III принять королевский титул. Европейские страны стремились заручиться союзом с Русским государством для отпора турецкому вторжению на Балканы. Москва отклонила предложение Вены. Воспитанные в византийских традициях, московские государи неоднократно употребляли титул “царь” или “кесарь”, но исключительно в дипломатической переписке с Ливонским орденом и мелкими германскими княжествами. “Великий” князь Московии не желал ронять свое достоинство в сношениях с “великим” магистром Ордена или “великими” немецкими князьями.

Усиление власти московских государей неизбежно должно было сказаться на их взаимоотношениях с церковью. Однако московские митрополиты не сразу смирились с новыми

историческими условиями. Это неизбежно вело к столкновениям между светской и духовной властями. Поводом для первого серьезного конфликта послужил обряд крестного хода.

При освящении главной святыни России — Успенского собора — Иван III позволил себе резкое замечание митрополиту Геронтию, который, по его мнению, сделал ошибку и повел крестный ход против солнца. Когда митрополит отказался подчиниться, государь запретил ему освящать вновь построенные церкви столицы. В начавшемся богословском диспуте Ивана III поддержали ростовский архиепископ Вассиан Рыло и архимандрит кремлевского Чудова монастыря Геннадий Гонзов. Эти иерархи не могли привести никаких письменных свидетельств в пользу своей правоты (“свидетельство никоего не приношаху”) и ссылались лишь на обычай. Митрополит опирался на греческий образец. Его правоту подтвердил игумен, только что совершивший паломничество на Афон в Грецию. “В Святой горе, — сказал он, — видел, что так освящали церковь, а со кресты против солнца ходили”. Возмущенный вмешательством государя в сугубо церковные дела, Геронтий удалился в монастырь. Конфликт приобрел широкую огласку, и Иван III принужден был уступить. Он отправился в монастырь на поклон к Геронтию, а относительно хождения с крестами обещал положиться на волю митрополита. Несколько лет спустя государь пытался избавиться от строптивного пастыря, вторично удалившегося в монастырь. Но ему не удалось низложить Геронтия.

Среди иерархов, выступавших на стороне Ивана III, выделялся архимандрит Геннадий. Митрополит подверг его наказанию, посадив в ледник. Но монарх вызволил его из заточения, а некоторое время спустя назначил архиепископом Великого Новгорода.

Флорентийская уния имела приверженцев и в России. В юности Софья Палеолог пользовалась покровительством

папского престола. Ее воспитателем был грек Виссарион, рьяный поборник унии. Самыми влиятельными лицами при дворе Софьи в Москве были униаты братья Юрий Грек и Дмитрий Грек Траханиоты. Софья и ее греческое окружение настойчиво искали опору среди епископов ортодоксального направления. Геннадий Гонзов был одним из таких епископов.

На протяжении веков московские иерархи при всяком затруднении обращались к главе вселенской церкви — царьградскому патриарху. Расторжение унии и падение Византии поставили их в трудное положение.

В конце XV в. христианский мир жил в ожидании “конца света”. Геннадию пришлось вести долгий богословский спор с новгородскими еретиками, скептически относившимися к идее “второго пришествия”, которого ортодоксы ждали конкретно в 1492 г. (7000). После расправы с еретиками в 1490 г. Геннадий обратился за разъяснениями к грекам Траханиотам и вскоре же получил от Дмитрия “Послание о летах седьмой тысячи”. Ученый грек не разделял “заблуждений” еретиков, но все же тактично предупреждал архиепископа: “Никто не весть числа веку”. Представления о конце света были туманными и неопределенными. Многие полагали, что сначала на земле воцарится Антихрист, умножатся беззакония и настанет “тьма в человецех”, и лишь после этого надо ждать второго пришествия Христа. Существовали различные системы летосчисления, а потому называли различные даты конца света. Наибольшие страхи вызывал 7000 год от сотворения мира. Пасхальные таблицы, которыми пользовались на Руси, были доведены лишь до 1492 (7000) года.

Когда до ожидаемого конца света оставались считанные годы, массу верующих охватила экзальтация: “ино о том молва была в людех не токмо простых, но и непростых многих сумнение бысть”.

Будучи в Италии в 1489 — 1491 гг., Ю. Траханиот пригласил на Русь ученого медика из Любека Николу Булева, придворного врача папы римского. Булев должен был помочь москвитам в составлении новых Пасхалий. Иван III оценил его познания и сделал своим придворным врачом. Правоверный католик Булев отстаивал идею церковной унии и выступал рьяным противником ереси. Находясь на службе у Геннадия, доктор перевел с латинского языка сочинение Самуила Евреина против иудаизма.

Благодаря посредничеству Г. Траханиота Геннадий вступил в контакт с имперским послом, прибывшим на Русь в 1490 г., и получил от него подробную информацию о преследованиях тайных иудеев в Испании. Опыт только что организованной святейшей инквизиции привел владыку в восторг. Геннадий горячо хвалил католического “шпанского короля”, который очистил свою землю от “ересей жидовских”, и “хвала того шпанского короля пошла по многим земля по латинской вере”.

С именем Геннадия связывают появление “западничества” на Руси (Ф. Лилиенфельд). Такое определение не вполне точно. “Западничество” как явление общественной мысли возникло много позже. Особенности в воззрениях архиепископа Геннадия следует поставить в связь с идеями объединения восточной и западной церкви.

Для русского духовенства Византия была на протяжении веков источником мудрости и святости. Признание константинопольским патриархом верховенства папы поразило русских иерархов и обострило интерес к католическому Западу. Наличие греков-униатов в Москве облегчило наметившийся поворот. Поглощенные спорами с еретиками, ортодоксы впервые увидели в католиках не врагов, но союзников. Появление при московском дворе влиятельных итальянских купцов, медиков, архитекторов довершило дело. Получает объяснение один из интереснейших феноменов эпохи Ивана III — наметившийся

поворот общества лицом к католическому Западу.

Геннадий Гонзов был едва ли не первым из москвитов, проявивших настойчивый интерес к книгопечатанию. По его заданию Г. Траханиот в 1492 — 1493 гг. пригласил в Новгород любекского первопечатника Б. Готана. Благодаря посредничеству греков Готан был принят на службу к архиепископу, а привезенные им книги — Библия и Псалтырь — поступили в распоряжение софийских книжников. Русь могла воспринять крупнейшее достижение западной цивилизации — книгопечатание, но Готану не удалось осуществить свой проект.

По сведениям поздней любекской хроники, русские власти поначалу осыпали печатника милостями, но позднее отобрали все имущество, а самого утопили в реке. Известие о казни Готана не поддается проверке.

Более удачными оказались литературные начинания Геннадия. При Софийском доме издавна существовали богатейшая на Руси библиотека и книжная мастерская со штатом книжников, переводчиков и писцов. Среди софийских книжников выделялись двое братьев — архидьякон Софийского собора Герасим Поповка и Дмитрий Герасимов. Будущий знаменитый дипломат Митя Герасимов родился, по всей видимости, в Новгороде и получил образование в одной из школ Ливонии, благодаря чему овладел немецким и латинским языками. В ранней молодости он перевел на русский язык латинскую грамматику Доната, что показывало уровень его образованности. Герасимов начал карьеру как переписчик владычной мастерской, которую возглавлял его брат архидьякон Герасим Поповка. В 1499 г. в мастерской была перебелена так называемая Геннадиевская Библия — полный свод библейских книг в переводе на славянский язык. Никаких данных о том, что инициатором этого предприятия выступил Иван III или московский митрополит, нет. На первом листе Библии имеется запись о том, что рукопись изготовлена в Новгороде Великом на

архиепископском дворе “повелением архидиакона инок Герасима Поповки” дьяками Василием Иерусалимским, Гридей Исповедничким и Клементом Архангельским. Библия была едва ли не самой значительной русской книгой XV в. и включала не только давно известные, но и впервые выполненные переводы библейских книг.

Возможно, именно греки внушили архиепископу Геннадию мысль о возможности сотрудничества с католиками в работе над священными текстами. Начав работу над Библией, Геннадий пригласил на службу в Софийский дом Вениамина, доминиканского монаха из Хорватии. “Пресвитер, паче же мних обители святого Доминика, именем Вениамин, родом Словении, а верою латынянин” был, по его собственным словам, знатком латинского языка и “фряжска”. Вениамину принадлежала ведущая роль в составлении новгородского Библейского свода. Примечательно, что доминиканец целиком ориентировался на латинские рукописи, часть из которых он привез с собой. Следствием явился заметный сдвиг славянской Библии с греческого русла в латинское (И. Е. Евсеев). По наблюдению Г. Флоровского, составители библейского свода “ни к греческим рукописям, ни даже к греческим изданиям в Новгороде не обращались”, но использовали Вульгату в латинском оригинале и чешском переводе. Наиболее образованные книжники Вениамин и Митя Герасимов при составлении комментария к библейским текстам широко использовали немецкий энциклопедический словарь Рейхлина, выдержавший в Европе до 1504 г. 25 изданий.

В Новгороде культурно-религиозное влияние Запада сказывалось ощутимее, чем в Москве, и тут раньше обнаружился контраст между новой теологией Запада и традиционным богословием, некогда составлявшим основу христианского учения. Западное богословие заново открыло для себя античную философию, что послужило толчком для разработки концепций теологии на новых основах. Восточная греческая предпочитала схоластике мистические искания. На

Руси наибольшую восприимчивость к новым идеям проявляли образованные новгородцы. В своих богословских исканиях они шли значительно дальше, чем могли позволить себе московские ортодоксы. На этой почве и возникло одно из интереснейших явлений русской общественной мысли — новгородское “вольнодумство”, объявленное ересью. Начало конфликту между еретиками и ортодоксами положили не столько богословские споры, сколько практика церкви. В Москве процветала продажа церковных должностей. Про архиепископа Геннадия говорили, будто он затратил на приобретение должности тысячи рублей, неслыханно большую сумму денег. Игумен псковского Немцова монастыря Захар, будучи противником симонии, не желал подчиняться авторитету архиепископа, к чьей епархии принадлежал его монастырь. В качестве республики Псков сохранял политическую независимость от Новгорода, и это позволило Захару открыто выступить с обвинениями против Геннадия. В течение трех лет игумен рассылал повсюду грамоты, в которых называл Геннадия еретиком. В свою очередь архиепископ заклеил как еретиков Захара и двух новгородских священников, Алексея и Денисия. Эти священники были взяты Иваном III в Москву и сделали блистательную карьеру при его дворе. Алексей стал протопопом главного храма — Успенского собора, а Денисий — священником кремлевского Архангельского собора, усыпальницы московских государей. Затеяв борьбу с еретиками, Геннадий вскоре же обнаружил, что вольнодумство и ересь успели проникнуть в столицу православной Руси. Среди московских вольнодумцев самой заметной фигурой был дьяк Федор Курицын, близкий ко двору Ивана III. Ему и другим еретикам открыто покровительствовала мать наследника трона Дмитрия-внука Елена Волошанка. Федор Курицын критиковал монашество и развивал мысль о свободе воли (“самовластии души”) человека, которому образование и знание дают свободу, ибо он узнает, где добродетель, где порок, где пьянство, где невежество.

Русское вольнодумство и ереси конца XV — начала XVI в. получили неодинаковую оценку в литературе. В советской историографии их трактуют как реформационно-гуманистическое движение, направленное против феодальной церкви. В ереси видят “одну из форм классового протеста социальных низов против феодального гнета”, ее распространение связывают с резким обострением классовой борьбы (А. А. Зимин, Я. С. Лурье). Следует заметить, однако, что никаких следов классовой борьбы в указанный период обнаружить не удастся.

Как и на Западе, борьба с еретиками развернулась в XV в. на фоне ожидания близкого, неотвратимого конца света. Экзальтация, порожденная этими ожиданиями, была полна мрачными предчувствиями и страхом. Крайняя жестокость, которую проявил Геннадий по отношению к еретикам, объяснялась как его личными качествами, так и тем умонастроением и эмоциональным состоянием, которые распространились тогда по всей Европе.

Несколько лет Геннадий спорил со священником Алексеем и другими новгородскими вольнодумцами по поводу надвигающегося Страшного суда. Еретики опровергали ортодоксов, ссылаясь на расчеты еврейского учёного астролога Эммануила бар Якова. Архиепископу пришлось самому обратиться к сочинению бар Якова, и он немедленно обнаружил там иудейскую ересь. Среди вольнодумцев одни резко отзывались о церковных непорядках и симонии, другие пытались истолковать догмат Троицы и выражали сомнение в божественной природе Христа, что ортодоксы воспринимали как хулу на Богочеловека и Богородицу. За два года до грядущего светопрествавления Геннадий обвинил всех вольнодумцев без разбора в “жидовстве” — принадлежности к тайной секте иудеев и потребовал для них смертной казни. Геннадий не раз обращался с письмами к главе церкви и своим единомышленникам в Москве, но верховный священнослужитель не спешил с розыском. После смерти Геронтия церковь возглавил Зосима, терпимо

относившийся к московским еретикам. Избрание Зосимы сняло вопрос о суде над ближним дьяком Ивана III Федором Курицыным и другими московскими еретиками. Однако новгородские еретики были осуждены церковным судом. Их обвинили в жидовстве. Главным обвиняемым на московском процессе стал игумен Захар, не имевший никакого отношения к иудаизму. Судилище над мифической сектой тайных иудеев завершилось тем, что новгородских еретиков вернули в Новгород и выдали Геннадию. По приказу владыки палачи сожгли на голове осужденных шутовские колпаки из бересты. Другие еретики были замучены в тюрьме.

Иван III спас Федора Курицына не потому, что разделял его взгляды. Суд над московскими еретиками грозил скомпрометировать двор наследника престола Дмитрия-внука, мать которого слыла еретичкой. Иван III был изощренным политиком и, подобно Макиавелли, оправдывал любые средства для достижения цели. Дмитрий был единственным законным наследником престола, утвержденным на троне обрядом венчания и признанным Боярской думой и народом. Тем не менее Иван III в конце концов решил низложить Дмитрия. Чтобы оправдать это незаконное решение, он призвал на помощь церковных ортодоксов и объявил Елену Волошанку еретичкой. Сын еретички не мог наследовать православный трон. Софья и ее сын Василий III добились цели, подав руку крайним ортодоксам.

В 1504 г. в Москве был созван священный собор, осудивший вольнодумцев на смерть. В Москве запылали костры. Сожжению подверглись брат Федора Курицына дьяк Иван Волк Курицын и несколько других лиц. В Новгороде были сожжены архимандрит Юрьева монастыря Касьян с братом, помещик Н. Рукавов и другие.

Одним из главных центров духовности на Руси был Кирилло-Белозерский монастырь. Обитель поддерживала давние связи с Византией. В ее стенах собрались известные

книжники. При Иване III большую известность приобрел кирилловский старец Паисий Ярославов, прославившийся своим подвижничеством. Решив низложить Геронтия, государь просил Паисия принять сан митрополита, но тот отказался от такой чести. Учеником Паисия был Нил Сорский. Нил, в миру Николай, происходил из дьяческой семьи Майковых, близкой ко двору Ивана III. Дьяки — великокняжеские чиновники, будущая бюрократия — принадлежали к самой образованной части русского общества. После пострижения Нил совершил путешествие на Афон в Грецию и, может быть, в Палестину. Там он близко познакомился с идеями исихазма. Благодаря трудам Григория Паламы идеи исихазма приобрели исключительное значение в византийском религиозном сознании в XIV в. Не внешняя мудрость, учили исихасты, а внутреннее самоуглубление открывает путь к истине. Погружение в себя дает состояние покоя (исихия), “Фаворского света”, то есть общения с Богом. На Руси идеи Паламы стали известны сравнительно рано. Но в то время почвы для восприятия его мистических теорий тут еще не было. Исихазм стал достоянием русской религиозной мысли благодаря Нилу Сорскому. Нил не касался темы “Фаворского света” и не цитировал Григория Паламу. Он не был паламитом, и его исихазм невозможно полностью отождествить с какой-то одной из византийских школ. “Исихия” Нила восходит к опыту древних византийских монахов-отшельников и к идеям продолжателя их дела Григория Синаита. В центре монашеской жизни, по Нилу, стоит молитва как средство борьбы с искушениями и греховными помыслами, тщеславием и гордыней. Ответом на соблазны являются “умное делание”, “сокрушение”, “слезный дар”. “Глубочайшее чувство собственной греховности, проникающее всего человека, одно может признавать милость Божию, которая и дарит исихию — в этом суть учения Нила” (Ф. Лилиенфельд). По возвращении с Афона Нил основал скит на реке Сорке (отсюда прозвище Сорский) в окрестностях Кирилло-Белозерского монастыря. На Руси давно были известны пустыни-скиты, но лишь Нил дал им теологическое

обоснование. Сочинения Сорского на первый взгляд кажутся причудливой мозаикой, сотканной из цитат. Но ближайшее рассмотрение показывает, что это — “говорение своего чужими словами”, когда эти слова воплощают пережитое и воплощенное в личном аскетическом опыте. Примечателен Устав Нила Сорского — поучение в монашеской жизни, “итог его пути покаяния”. Нищета, в глазах пустычника, была верным путем для достижения идеала духовной жизни. “Очисти келью твою, — учил старец, — и скудость вещей научит тя (тебя) воздержанию. Возлюби нищету, и нестяжание, и смирение”. Монахам надлежит жить в нищете и кормиться плодами своих трудов. “Телесное” служит приготовлением к погружению в духовную жизнь. “Телесное” подобно листьям, тогда как духовная жизнь — плоды дерева. Без “умного делания” телесное — лишь “сухие сосцы”. Завещание Нила проникнуто духом самоотречения и смирения: “Повергните тело мое в пустыне, — наказывал старец ученикам, — да изъядят е(го) зверие и птица, понеже согрешило есть к Богу много и недостойно погребения”.

Современником Ивана III был другой подвижник русской церкви Иосиф Санин. Иосиф происходил из мелких дворян Волоколамска. В молодости он принял пострижение от старца Пафнутия в Боровском монастыре и стал его преемником. Пафнутьев монастырь был семейной обителью Ивана III. Санина ждала блестящая карьера. Но он покинул Боровск и в 1479 г. уехал в родной Волоколамск, столицу удельного князя Бориса Васильевича. Там он основал Волоколамский монастырь. Подобно Нилу Иосиф отвергал стяжательство (накопление богатств) как средство личного обогащения. Но он решительно отстаивал богатства монастырской общины, видя в этих богатствах средство милосердия и благотворительности. В Волоколамском монастыре с наибольшей полнотой были осуществлены принципы общинножительствования иноков (принципы киновия, коммуны). Санин обладал приятной внешностью и звучным голосом, был равнодушен к удобствам жизни и довольствовался заплатанной рясой. Он проявлял редкую

заботливость о своих сподвижниках и учениках, зато его непримиримость и жестокость к идейным противникам не знали границ. Много энергии Иосиф тратил на то, чтобы приобрести земли для своего монастыря и скопить денежные богатства. Обители надлежало принимать “села” (вотчины) у богатых, чтобы благотворить нищим. Это правило было для Иосифа руководством к действию. При частых неурожаях Иосифо-Волоколамский монастырь раздавал хлеб тысячам обедневших крестьян и нищих, спасая их от голодной смерти. “Киновий” Иосифе-Волоколамского монастыря был большим достижением для своего времени. Обитель отражала особенности личности своего основателя. Усилия монастырских старцев были направлены на поддержание внешнего благочестия и безусловного послушания. Иноки находились под неусыпным наблюдением игумена и старательно следили друг за другом; “монастырская дисциплина смиряла энергию характера, сглаживала личные особенности, приучала к гибкости и податливости и вырабатывала людей, готовых поддерживать и распространять идеи основателя монастыря” (П. Н. Милюков). Ученики Иосифа усвоили и довели до крайних пределов такую черту своего учителя, как начетничество. “Всем страстям мати — мнение; мнение (самостоятельная мысль) — второе падение (грехопадение)”, — так сформулировал свое кредо один из учеников Санина. Отсутствующую мысль — “мнение” — осифляне компенсировали цитатами, которые всегда имели “на кончике языка”. Суть христианства начетки видели не в познании и размышлении, а в устройстве жизни в соответствии с догматически истолкованными священными текстами.

Сравнивая дела и теории Нила Сорского и других заволжских старцев (их скиты располагались за Волгой) с деятельностью Иосифа Санина, Г. Флоровский пришел к выводу, что именно в “заволжском движении” воплотился процесс духовного и нравственного сложения христианской личности на Руси.

Представление о полной отрешенности белозерских монахов от жизни общества и внутрицерковных и политических катаклизмов времени не вполне точно. Когда Иван III вздумал низложить Геронтия, он далеко не случайно предложил сан митрополита Паисию Ярославову, учителю Нила и других заволжских старцев. Некоторое время спустя Паисий по настоянию государя возглавил Троице-Сергиев монастырь. Игумены этой обители играли заметную роль во внутрицерковной жизни России. Знатные постриженники Троицы не желали подчиняться принципам, которые исповедовали заволжские старцы, и Паисию пришлось оставить монастырь. По словам современника, иноки из князей и бояр не желали ему повиноваться и даже хотели его убить.

Иван III искал союзников среди заволжских старцев, так как их принципы могли быть использованы для оправдания секуляризационных устремлений светской власти. Вопрос об отчуждении церковных вотчин приобрел актуальность после покорения Новгорода. Новгородский опыт неизбежно должен был породить споры в среде русского духовенства. Отчуждение вотчин у новгородского Софийского дома в 1478 г. казалось вполне оправданным, тем более что эта мера была проведена по предложению боярского правительства Новгорода. Труднее было объяснить посягательства на богатства церкви через 20 лет после того, как в Новгороде водворилась московская светская и церковная администрация. Присланный из Москвы архиепископ Геннадий решительно возражал против грабительских мер казны. При нем в Софийском доме был составлен синодик, грозивший церковным проклятием всем “начальствующим”, кто обижают святые Божий церкви и монастыри и отнимает у них “данные тем села и винограды”.

Возникновение “нестяжательского” течения церковной мысли связывают с собором 1503 г. Однако суждения об этом соборе затруднены из-за неудовлетворительного состояния

ИСТОЧНИКОВ.

Достоверно известно, что собор был созван в столице для решения неотложных церковных дел. Сохранились два соборных приговора. Первый из них, датированный 6 августа 1503 г., свидетельствует о том, что великие князья Иван III и Василий, “поговоря с митрополитом” и священным собором, решили отменить церковные пошлины по случаю поставления иерархов и священников на должность. В сентябре того же года оба государя утвердили другой приговор священного собора, запрещавший вдовым попам служить в церкви и грозивший лишить чина тех из них, кто держал наложниц.

Согласно традиционной точке зрения, после решения вопроса о вдовых попах собор приступил к обсуждению проектов секуляризации монастырских вотчин. В пользу проекта выступил Нил Сорский, речь которого стала своего рода манифестом нестяжательства. Парадокс заключается в том, что ни в летописном отчете о соборе, ни в соборных приговорах нет и намека на секуляризацию. Все данные о секуляризационных проектах и выступлении Нила заключены в поздних публицистических сочинениях. Объясняя указанный парадокс, ряд исследователей стали рассматривать известия о выступлении нестяжателей в 1503 г. как целиком недостоверные. Эти известия будто бы сконструированы публицистами середины XVI века.

Слабость гипотезы о подложности соборных материалов заключается в том, что она совершенно не объясняет мотивы подлога и мистификации, в которой участвовал не один, а многие книжники и богословы, трудившиеся в разное время и принадлежавшие к разным направлениям церковной мысли. Любая из сторон поспешила бы изобличить другую, если бы та допустила грубую фальсификацию. Если собор 1503 г. обсуждал проект секуляризации церковных земель, то почему нет ранних свидетельств об этом? Попытаемся объяснить данный парадокс, оставаясь на почве строго

доказанных фактов.

В 1499 г. Иван III отстранил от власти главных руководителей Боярской думы и передал Новгород в удел сыну Василию. Сразу вслед за тем в Новгороде была проведена секуляризация церковных земель. Псковский летописец весьма точно уловил последовательность и взаимосвязь происшедших событий: “В лето 7007-го (1499. — *Р.С.*) пожаловал князь великий сына своего, нарек государем Новугороду и Пскову... Генваря поймал князь великой в Новегороде вотчины церковные и роздал детям боярским в поместье, монастырские и церковные, по благословению Симона митрополита”. Современные московские летописцы ни словом не обмолвились о крупнейшей секуляризации, проведенной в 1499 г. у них на глазах. Это наблюдение объясняет, почему московские источники умалчивают о проектах секуляризации на соборе 1503 г. Обсуждение планов секуляризации в 1503 г. ни к чему не привело, не было никакого соборного решения по этому вопросу. Попытка распространить новгородский опыт на владения московской церкви вызвала острейший конфликт. Государю не удалось навязать собору свою волю, а потому официальные московские источники избегали говорить о его неудаче. Церковники же, возмущенные преступным посягательством властей на их имущества, заинтересованы были в том, чтобы навсегда предать инцидент забвению. Лишь после смерти Ивана III и его фактического соправителя Василия III запретная ранее тема стала широко обсуждаться публицистами. Их сочинения появились при жизни поколения, знавшего Нила или черпавшего сведения из уст его учеников. Книжникам не приходилось “конструировать” события прошлого и прибегать к мистификации.

Светские власти без колебаний применили насилие в Новгороде. В Москве они пытались склонить духовенство к уступкам методом убеждения. Объявив о намерении отобрать “села” (вотчины) у митрополита и монастырей, Иван III тут же пообещал им хлебное обеспечение (“оброки”)

и денежные платежи (“ругу”) из казны. Теория и практика заволжских старцев в какой-то мере оправдывала намерения государя. Нил обличал греховность монастырских стяжаний. Будучи вызван Иваном III в Москву, Нил заявил: “Не достоин (недостойно) чернецем (монахам) сел (вотчин) имети”. Поздние публицисты — противники нестяжателей стали изображать дело так, будто Нил советовал государю отбирать земли у монастырей. Но это не так. Речи Нила имели иное значение. Он старался убедить монахов стать на путь спасения и добровольно отказаться от владения селами ради того, чтобы кормиться своим трудом и жить в нищете. Митрополит Симон попал в затруднительное положение. За несколько лет до собора он благословил государя на отчуждение земли у новгородского архиепископа, а теперь сам должен был испить ту же чашу. Большинство собора готово было подчиниться решению монарха. Однако решительный протест со стороны игумена Троице-Сергиева монастыря, любимого ученика митрополита, и других иерархов изменил ситуацию. В беседе с Иваном III Симон Чиж заявил: “Не отдаю сел Пречистой церкви (митрополичьего дома), которыми владели чудотворцы митрополиты московские Петр и Алексей”. Архиепископ Геннадий столь резко возражал государю, что тот прервал его грубой бранью. Вскоре после собора монарх велел арестовать Геннадия и под предлогом его мздоимства лишил сана. Иван III тяжело заболел, так и не успев вернуться к проектам секуляризации. Сопrotивление церкви предотвратило новое грандиозное расширение государственной собственности, грозившей раздавить русское общество.

Главным гонителем еретиков после отставки Геннадия стал Иосиф Санин. Он посвятил защите православной догмы от ереси основное сочинение своей жизни, названное впоследствии “Просвятитель”. В своем трактате Санин доказывал, будто ересь была завезена в Новгород из Литвы евреем Схарией, от которого иудаизм восприняли сначала новгородцы, а от них москвичи. Еретики якобы не

признавали святую Троицу, отвергали божество Христа, не почитали Богородицу, не поклонялись кресту и иконам, чтили субботу вместо воскресенья.

В конце жизни Иосиф Санин покинул своих покровителей — удельных князей и вместе с монастырем перешел под власть великого князя Василия III. Отдав все силы борьбе с ересью, Иосиф пришел к мысли о том, что только власть, организованная по типу византийской императорской власти, может сохранить в чистоте православную веру.

Византийская традиция постоянно питала русскую религиозную мысль. Сохранилось послание Иосифа к великому князю, сотканное почти целиком из цитат, заимствованных у византийского писателя VI века Агапита. Главная идея послания заключалась в тезисе о божественном происхождении царской власти:

“царь убо естеством (телом) подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышням (всевышнему) Богу”. Царь подобен солнцу и должен хранить подданных от ереси.

Идеи Иосифа Волоцкого, сформулированные им в конце жизни, оказали существенное влияние на порядки и политическую культуру Московского государства. В Древней Руси князя могли назвать “царем”, если он исполнял по отношению к русской митрополии те же функции, что и византийский император по отношению ко вселенской церкви (В. Водов). Идея Иосифа Волоцкого устраняла последние препятствия на пути превращения Московского великого князя в наследника византийских императоров — носителя истинно христианского православного самодержавия.

Выступление Иосифа Волоцкого имело большое значение по той причине, что он был не только идеологом, но еще в большей мере практиком. Основанный им монастырь стал питомником для иерархов осифлянского направления. Куда бы ни забросила судьба питомцев монастыря — осифлян, они неизменно поддерживали друг друга, старались занять

высокие посты церковной иерархии. Из осифлян вышли два митрополита и множество епископов, управлявших русской церковью в XVI веке. Они стремились претворить в жизнь идеи, высказанные их учителем.

Передача удельному князю Василию Новгородского и Псковского вместе с титулом великого князя Новгородского и Псковского обеспечила ему успех в борьбе за власть. Вопрос об образовании Новгородского княжества не мог быть решен без участия главного соправителя Ивана III Дмитрия-внука, коронованного великого князя. В том, что Дмитрий возражал против раздела государства, сомневаться не приходится. Как заявляли русские послы за рубежом, “внука своего наш государь пожаловал и он учал государю нашему грубити”. Возражая деду, Дмитрий рассчитывал на поддержку Боярской думы. Но дума, запуганная казнями, молчала. Все это решило судьбу законного монарха. Иван III постарался не придавать огласке выдвинутые против него обвинения. 11 апреля 1502 г. Иван III приказал взять Дмитрия и его мать под стражу якобы “за малое их прегрешение”. Иван IV имел случай упомянуть о подлинных обвинениях, выдвинутых против Дмитрия. В письме Курбскому царь утверждал, будто Дмитрий и его сообщники князя (в письме царя упомянуто было только имя отца Курбского) умышляли “многая пагубы и смерти” на Василия III. В памяти Ивана IV все акценты сместились. Дмитрий старался удержать трон, полученный им на основе закона и права. Василий III погубил Дмитрия, узурпировав трон. Через три дня после ареста внука Иван III благословил удельного князя Василия — “посадил на великое княжество Владимирское и Московское и учинил его всеа Руси самодержцем”. Избегая раздора с думой, Василий не стал наказывать ни Курбского, ни других бояр — сторонников Дмитрия.

Через год после ареста Елены Волошанки умерла великая княгиня Софья. Вскоре же “начат изнемогати” и сам Иван III. Болезнь быстро прогрессировала: у государя отняло “руку и ногу и глаз”. Возобновление борьбы за власть казалось

неизбежным. В феврале в Нарве было получено известие, что великий князь смертельно болен, сын Василий должен ему наследовать, “хотя русские более склонны к его внуку, отчего между детьми великого князя назревает большая распря”. Иван III должен был считаться с настроениями народа. Перед смертью он искал примирения с внуком. С Дмитрия сняли оковы и привели во дворец. По сведениям австрийского посла С. Герберштейна, умирающий произнес, обращаясь к внуку: “Молю тебя. отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами”. В последний раз монарх пытался примирить своих родственников и соправителей, но успеха не достиг. Какие права он предполагал вернуть Дмитрию, остается загадкой. В завещании Ивана III имя Дмитрия не упоминалось. Как только великий князь умер, Василий заковал племянника Дмитрия “в железа” и посадил “в полату тесну”, где тот умер три года спустя.

Итогом длительного правления Ивана III было уничтожение почти всех старых уделов. Однако это вовсе не привело к перестройке системы управления государством на новых основах. Духовная грамота Ивана III возродила систему удельных княжеств в стране. Государь дал “ряд своим сыном”, наделив уделами всех четырех братьев Василия III. Каждый из удельных получил долю как в Московском, так и в Тверском великом княжестве. Мировоззрение первого русского самодержца было насквозь проникнуто духом старых традиций.

Глава 3

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ ВАСИЛИИ III

В первой половине XVI в. Россия пережила экономический подъем. Земля наша, писал русский книжник, освободилась от ига и начала обновляться, как будто перешла от зимы к тихой весне; она снова достигла своего древнего величия, благочестия и спокойствия, как при первом великом князе Владимире. Процветанию страны немало способствовало прекращение татарских набегов. Длительная война между Большой ордой и Крымом, попавшим в вассальную зависимость от Османской империи, поглотила силы татарского мира. В Казани утвердился московский ставленник. Воеводы Ивана III совершили походы за Урал и в Сибирь. Союз между Русью и Крымом продержался несколько десятилетий, пока крымцы не уничтожили остатки Большой орды.

Мир на южных границах развязал руки Ивану III. В 1501 г. его воеводы нанесли поражение Ливонскому ордену. Едва русские полки приступили к осаде Смоленска, рыцарское войско напало на Псков. В отличие от Новгорода Псков не обладал ни обширной территорией, ни многочисленным населением. Псковская “республика” не могла содержать значительных воинских сил и полагалась на помощь Москвы. Война с Орденом ослабили силы “республики”.

В Пскове давно установилось своего рода двоевластие. Присланный из Москвы князь управлял городом вместе с псковским вече. Такая система управления была чревата частыми недоразумениями и конфликтами. В глазах Василия III процедура “приглашения” князя из Москвы на псковский стол давно превратилась в пустую формальность, и он решил упразднить ее. Московские власти направили в Псков князя И. М. Репню-Оболенского. Псковский летописец с раздражением записал, что боярин Репня водворился в городе без всякого приглашения со стороны Господина Пскова — “не пошлиною во Псков приехал да сел на княжение”. Священники даже не успели встретить его “со кресты” в поле. Не без насмешки псковичи прозвали князя Найденой — найденышем. “Нашли” его псковичи прямо в

княжеской резиденции. Репня был “лют до людей” и быстро довел дело до разрыва. Спровоцировав конфликт, Василий III стал готовить завоевание Пскова. Осенью 1509 г. он прибыл в Новгород во главе многочисленного войска. Узнав о государевом походе, псковское вече отправило в Новгород посадников и бояр. Вместе с дарами они вручили великому князю жалобу на Репню. Василий III постарался усыпить бдительность псковичей. Он уверил послов, что будет “отчину свою” Псков “жаловать и боронить”. Псковичи не знали за собой никакой вины и легко отказались от подозрений насчет угрозы московского завоевания. Вслед за посадниками и купеческими старостами в Новгород потянулись “черные люди” и прочие жалобщики. Все это отвечало тайным намерениям государя. Поощряя челобитчиков, Василий III объявил: “Копитесь вы, жалобные люди, на Крещение Господне, и яз вам всем оуправы подаю”. В назначенный срок всем псковичам под страхом казни велели явиться на государев двор. “Лучших людей” пригласили в палаты, “молодших” оставили ждать под окнами. В палате псковичи попали в руки вооруженной стражи. Им объявили без дальних слов: “Поимани, де, естя Богом и великим князем”. Прочих псковичей переписали и отдали на руки московским помещикам, владельцам новгородских дворов. Если верить московским летописям, государь вмешался в псковские дела, чтобы защитить народ, “понеже бо тогда во Пскове быша мятежи и обида и насилие велико черным, мелким людем от посадников псковских и бояр”. Между тем псковское вече, выражавшее мнение народа, жаловалось прежде всего на насилия московских властей в лице Репни.

Волнения в Пскове начались после незаконного ареста псковских выборных лиц и челобитчиков. Собравшись на вече, народ “начаша думати, ставить ли щит против государя, запиратися ли во граде”. Псков обладал мощными укреплениями и мог выдержать длительную осаду. Поскольку выборные власти Пскова находились как заложники в Новгороде, вече разошлось, не приняв никакого

решения. Тем временем Василий III приказал начать переговоры с арестованными псковскими послами. Псковичи имели перед глазами опыт Новгорода, и им нетрудно было представить свое будущее. Но они находились под стражей, и им пришлось подчиниться силе. Московские бояре уведомили посадников, что государь намерен упразднить в Пскове вечевые порядки и ввести наместничье управление. В случае принятия этих требований власти гарантировали псковским боярам неприкосновенность их имуществ. Переговоры с арестованными, видимо, носили неофициальный характер и не получили широкой огласки. Поэтому псковские летописи ничего не сообщают о капитуляции посадников. Отчет о переговорах попал лишь на страницы московской летописи.

Навязав посадникам свою волю, Василий III без промедления отправил в Псков дьяка. Псковское вече собралось в последний раз. Дьяк потребовал снять вечевой колокол, упразднить выборные должности и принять в городе двух наместников. При этом он ни словом не упомянул о гарантиях, полученных псковскими боярами в Новгороде. Вече выразило полную покорность государю. На рассвете 13 января 1510 г. вечевой колокол был сброшен на землю. Наблюдая эту сцену, псковичи “начаша плакати по своей старине и по своей воли”.

Прибыв в Псков, Василий III объявил боярам, купцам и житейным людям, что они должны немедленно покинуть город из-за “многих жалоб” на них со стороны псковичей. Выселению подверглось 300 семей. Конфискованные у них вотчины были розданы в поместье московским служилым людям. Псковичи были изгнаны из Среднего города, где было более 1500 дворов. В опустевших дворах поселилась тысяча новгородских помещиков. Цитадель, опоясанная мощной крепостной стеной, превратилась в оплот московского владычества. Псковичи помогли Москве сокрушить Новгород. Теперь им пришлось разделить ту же долю. Цветущий город пережил трудные дни. Многие

горожане разбрелись по деревням в поисках пропитания. Прошло немало времени, прежде чем скитальцы возвратились в родные места: “начаша кои отколе копиться во Пскове, как были разошлись”.

Разгром крымцами сыновей Ахмат-хана изменил ситуацию на южных русских границах. С исчезновением Большой орды союз между Россией и Крымом лишился почвы. Крымское ханство пыталось распространить свое влияние на мусульманские юрты Нижнего Поволжья. Польский король Сигизмунд начал войну с Россией в союзе с Крымом, Казанью и Ливонским орденом. Война была недолгой и завершилась заключением в 1508 г. “вечного мира”. Продолжавшиеся вторжения крымцев в русские пределы дали Василию III повод возобновить войну с Польшей. В 1512 — 1513 гг. московские воеводы дважды безуспешно осаждали Смоленск. В 1514 г. осада Смоленска возобновилась. Походу русской армии на этот раз предшествовали тайные переговоры с русским население Смоленска и командованием наемных рот, оборонявших крепость. Инициатива переговоров принадлежала литовскому магнату князю М. Глинскому. Он бежал в Москву после неудачного восстания против короля Сигизмунда в 1508 г. С небольшим отрядом Глинский прибыл в окрестности Смоленска в апреле 1514 г., за месяц до подхода главных сил. Тяжелая артиллерия приступила к обстрелу крепости 29 июля, а уже 30 июля город выкинул белый флаг. Смоленский наместник Г. Сологуб и епископ явились в шатер великого князя для переговоров. Но там их тотчас арестовали и посадили “за сторожи”. Тем временем Глинский закончил переговоры с командирами наемников. Им были предложены почетные условия сдачи. Наконец, к Василию III явился смоленский боярин М. Пивов с делегацией, включавшей смоленских бояр, мещан и черных людей. Заблаговременно 10 июля самодержец утвердил текст жалованной грамоты Смоленску. Депутация Смоленска ознакомилась с грамотой и заявила о переходе в московское подданство. Жалованная грамота 1514 г. закрепила за

смоленскими боярами их вотчины и привилегии. Смоленские мещане традиционно платили в литовскую казну налог в сто рублей. Грамота гарантировала отмену этого побора.

30 июля крепость открыла ворота перед московскими воеводами. Жители Смоленска были переписаны и приведены к присяге, жолнеры вознаграждены и отпущены в Польшу. Василий III обязался передать Смоленск в вотчину Глинскому, но не выполнил обещания. Тогда Глинский затеял секретные переговоры с королем и посулил ему вернуть город. По совету Глинского Сигизмунд направил гетмана К. Острожского с главными силами к Орше. Сам Глинский готовился перейти в королевский лагерь для участия в литовском походе на Смоленск. В битве под Оршей двое знатных московских воевод заместничали и проиграли сражение. Успех Острожского ободрил противников Москвы в Смоленске. Местный епископ уведомил литовцев, что откроет им ворота крепости, как только они предпримут штурм. Однако заговор не удался. Первым был арестован Глинский, которому так и не удалось добраться до Орши. Затем был взят под стражу епископ. Его сообщники — смоленские бояре были повешены на стенах крепости. Имея 6 тысяч воинов, Острожский не решился на приступ.

“Смута” в Смоленске привела к тому, что жалованная грамота утратила силу. Всякие упоминания о ней были старательно вычеркнуты из московских документов и летописей. Многие смоленские бояре и шляхтичи, вовсе не причастные к заговору, лишились вотчин и были переселены в замосковные уезды, где получили поместья.

Затяжная война между Россией и Польшей чрезвычайно усилила военные позиции Крыма. После смерти Менгли-Гирея, давнего союзника Ивана III, на троне утвердился Мухаммед-Гирей. Орда стала проводить более активную внешнюю политику. Крымские вторжения причиняли большие опустошения русским и литовским землям. В 1519

г. Крымская орда разгромила армию гетмана К. Острожского. Через год Крым и Польша договорились о совместном военном выступлении против России.

В течение трех лет казанский трон занимал Шигалей. Весной 1521 г. местная знать свергла его, передав трон крымским Гиреям. Московский воевода был ограблен и выслан из Казани, многие из его слуг перебиты. Переворот в Казани ускорил последующие события. Мухаммед-Гирей не получил помощи от турок. Но в крымском набеге на Русь принял участие опытный литовский воевода с отрядом.

Летом 1521 г. хан обошел русские полки, собранные на Оке в Серпухове, и прорвался в окрестности Москвы.

Нашествие застигло Василия III врасплох. Поручив оборону Москвы зятю, татарскому царевичу Петру, великий князь бежал в Волоколамск. В пути, как писал австрийский посланник, ему пришлось прятаться в стоге сена. Дожидаясь подхода войск из Новгорода и Пскова, великий князь приказал начать переговоры с крымским ханом. Казначей Ю. Д. Траханиот, находившийся с сокровищницей в столице, отправил крымскому хану богатые подарки. Приняв дары, Мухаммед-Гирей обещал снять осаду и уйти в Орду, “если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя (крымского хана. — *Р.С.*), какими были его отец и предки”. Крымцы стояли под Москвой две недели, и за это время требуемая грамота была доставлена “царю”. Достоверность приведенного известия С.Герберштейна не вызывает сомнений. В русских Разрядных записях отмечено, что при нападении татар на Москву “взял тогда царь крымской на великаго князя грамоту данную, как де великому князю дань и выход давать ему”.

По предположению Г. В. Вернадского, грамоту о подданстве составил не Василий III, а наместник Москвы царевич Петр. Московские государи не скрепляли подписью свои указы и грамоты. Заменой подписи служила государственная печать,

хранителем которой являлся казначей Ю. Траханиот. Царевич и казначей могли изготовить грамоту в отсутствие государя. Но без ведома и разрешения Василия III, находившегося неподалеку от Москвы, они едва ли решились бы предпринять такой шаг. Уступчивость Василия III объяснялась тем, что обстановка в Подмоскovie все более осложнялась. Воеводы, стоявшие в Серпухове, препирались между собой, вместо того чтобы действовать. Молодой и менее опытный воевода князь Д. Ф. Бельский отказывался слушать советы старших воевод И. М. Воротынского и др. Василий III направил под Москву брата князя Андрея с удельными полками. Но татары помешали русским объединить свои силы. Получив требуемую грамоту от Василия III, Мухаммед-Гирей отошел к Рязани. Во время остановки под Рязанью татары в течение нескольких недель вели торговлю с русскими. Дворяне и состоятельные люди могли выкупить из плена своих близких. Мухаммед-Гирей сообщил рязанскому воеводе о грамоте, выданной ему Василием III, и потребовал, чтобы тот снабдил орду продовольствием за счет запасов, хранившихся в крепости. Воевода попросил предъявить ему государеву грамоту. Как только документ был доставлен в крепость, рязанцы пушечным огнем отогнали татар от стен города. Вслед за тем орда 12 августа 1521 г. ушла в степи.

Василий III признал себя данником Крыма, что означало восстановление власти Орды над Русью. Но новое ордынское иго продержалось несколько недель. Хан Мухаммед-Гирей был убит ногайцами. Его преемник потребовал от Москвы уплаты “выхода” в сумме примерно 1800 руб. Однако его домогательства были решительно отклонены русскими.

Василий III постарался снять с себя ответственность за поражение и переложить вину на бояр. Он примерно наказал воеводу И. М. Воротынского, заключив его в тюрьму.

Одним из самых древних княжеств Северо-Восточной Руси

было Рязанское княжество. К середине XV в. оно попало в орбиту московского влияния. Рязанский князь Василий воспитывался при московском дворе и был женат на сестре Ивана III. Его внук князь Иван Иванович стремился вернуть независимость своему княжеству. По некоторым сведениям, он пытался найти опору в Крыму. Угроза крымского нападения решила судьбу последнего из великих князей Рязанских. Василий III в 1520 г. заманил двоюродного племянника в Москву и подверг домашнему аресту. Князю вменили в вину сватовство к дочери хана. В дни нападения крымцев Иван Иванович бежал из Москвы в Рязань. Высказывают предположение о его сговоре с татарами. Как бы то ни было, Мухаммед-Гирей, покинув окрестности Москвы, совершил быстрый переход к стенам Рязани. Московские воеводы стойко обороняли Рязань, и князю пришлось направиться в Литву, где и закончилась его жизнь. Рязань была присоединена к владениям московской короны. Объединение великорусских земель завершилось.

Основные принципы внутренней политики Василия III сложились еще в то время, когда он получил от отца в управление Новгород Великий. Борьба за трон вступила в решающую фазу, и все помыслы князя сосредоточились на том, чтобы упрочить свою военную опору — новгородское поместное ополчение. Для этого он постарался расширить фонд государственной земельной собственности, образовавшийся в Новгороде. К концу XV в. поместья в Новгороде получили 964 сына боярских. В начале XVI в. в новгородском ополчении служило уже 1400 детей боярских. Свергнув Дмитрия, Василий III не отказался от выработанной в уделе политики и распространил ее на все государство.

Формирование зависимого от трона дворянского военно-служилого сословия оказало глубокое влияние на развитие Российского государства в целом. Русь все больше отдалялась от Запада. По мнению Р.Крами, на Западе монарха и его вассалов связывал договор, в России монарх подчинил дворян обязательной службой. Изложенная

концепция противоречит фактам. Московские самодержцы не обладали достаточной властью, чтобы насильно навязать знати и дворянству принцип обязательной службы с земли. Подобно западным суверенам и они не могли обойтись без “общественного договора”. Почвой для договора послужила насильственная и быстрая перестройка системы земельной собственности, принесшая огромные выгоды московскому дворянству. Веками на Руси господствовала вотчина, обеспечивавшая старому боярству известную независимость по отношению к государю. Экспроприация новгородского боярства изменила всю ситуацию. Новгород и Псков по территории не уступали бывшему Московскому княжеству. Поэтому превращение конфискованных тут боярщин в собственность государства — поместье сразу обеспечило государственной собственности ведущее место в системе землевладения. В XVI в. фонд поместных земель продолжал стремительно расти. В итоге казна смогла наделить государственной собственностью не отдельных лиц, не отдельные группы, а все сословие московских служилых людей. Фонд конфискованных земель был столь велик, а численность московских дворян столь ограничена, что власти давали поместья даже боевым холопам из распущенных боярских свит. При обилии земель сложился порядок, при котором казна стала наделять поместьями детей и внуков дворян, едва они достигали совершеннолетия и поступали на службу. Превратившись в традицию, такой порядок не получил законодательного оформления, что было характерно для Московского царства и его юриспруденции. Суть “общественного договора” состояла в том, что казна взяла на себя обязательство обеспечить дворян необходимой для службы землей. В свою очередь дворяне согласились на обязательную службу.

Раздача поместий не привела к уравниванию аристократии и рядового дворянства. Знать получила в дополнение к вотчинам крупные поместья, во много раз превышавшие поместья уездных детей боярских, для которых поместье нередко оставалось единственным источником доходов.

Необходимым условием распространения поместной системы на центральные уезды Московского государства было создание там крупного фонда государственных земель. Казна пополняла этот фонд за счет “черных” волостей, светских вотчин и пр. Иван III и Василий III издали “уложения” (закон или практические распоряжения) о том, чтобы вотчинники Твери, Рязани, Оболенска, Белоозера не продавали свои вотчины “иностранцам” и “в монастыри без доклада (особого разрешения монарха) не давали”. Членам трех крупнейших княжеских домов — Суздальского, Ярославского и Стародубского запрещалось продавать наследственные вотчины кому бы то ни было “без великого князя ведома”. Приобрести княжескую вотчину могли только прямые наследники умершего князя. Полагают, что “уложения” Ивана III и его сына были направлены “на консервацию пережитков удельной старины” (В. Б. Кобрин). Но с этим трудно согласиться. Запрет землевладельцам продавать вотчины “без доклада” и ограничение круга покупателей вотчин ставили сделки на землю под контроль монарха. Любое нарушение процедуры “доклада” государю вело к отчуждению вотчины в казну. В центральных уездах государство обошлось без массовых конфискаций боярских вотчин, но вторжение власти в сферу частной (вотчинной) собственности началось. Казна задалась целью утвердить свое исключительное право на наследие удельной старины — богатейшие княжеские и боярские вотчины.

Иван III начал, а Василий III завершил формирование поместной системы в России. Основой системы служила государственная земельная собственность. Насилие как характерная черта московской политической культуры и создание колоссального фонда государственных земель резко усилили самодержавные тенденции монархии. Австрийский посол С. Герберштейн дал новым русским порядкам уничтожающую оценку. Василий III, по утверждению посла, властью далеко превосходит всех монархов мира, всех своих подданных он одинаково гнетет

жестоким рабством, у князей и прочей знати он отобрал все крепости.

В отношении удельных князей Василий III проводил ту же политику, что и Иван III. Старший из удельных князей Андрей Большой Углицкий был уморен в тюрьме в 1494 г. Василий III не только не освободил своих двоюродных братьев — детей Андрея Большого, но держал их много лет “скованными” в переяславской тюрьме. Василий III отнял удел и взял под стражу князя Дмитрия Шемячича, владельца Новгород-Северского княжества. Самодержец неоднократно отбирал уделы у Воротынских, Вольских, Глинского.

Следуя традиции, московский государь пополнял свою думу представителями самых аристократических фамилий. Но права удельной и прочей аристократии неуклонно ограничивались. Право отъезда, опиравшееся на многовековую традицию, было окончательно уничтожено не законодательным актом, а практикой государевых опал и крестоцеловальных записей. Князья, заподозренные в намерении покинуть Россию, под клятвой обещали верно служить государю и выставляли многочисленных поручителей.

Узурпировав власть вопреки воле Боярской думы, Василий III на всю жизнь сохранил недоверие к могущественной московской аристократии. Он не проявлял снисхождения даже к родне, заподозренной в измене или недостаточно покорной. При Иване III Данила Холмский, происходивший из удельных тверских князей, стяжал славу победителя Ахмат-хана. Его сын Василий Холмский женился в 1500 г. на сестре Василия III, которая однако же вскоре умерла. По родству с великокняжеской семьей и заслугам отца князь Василий мог претендовать на высший пост в думе. Однако родство со свергнутой тверской ветвью династии внушало подозрение самодержцу. В 1509 г. в тюрьме был умерщвлен Дмитрий-внук. За год до этого В. Холмский был арестован и сослан на Белоозеро, где вскоре умер.

Василий III питал доверие к младшему из братьев Андрею. С ним он совершил псковский поход. Старшие братья Юрий, Дмитрий и Семен получили приказ оставаться в своих уделах и таким образом лишились повода требовать участия в разделе завоеванной земли. Брат Семен в 1511 г. готовился бежать в Литву, и лишь заступничество митрополита спасло его от опалы и тюрьмы.

Иван III сватал наследнику Василию датскую принцессу Елизавету, просил о помощи в выборе невесты дочь — великую княгиню Литовскую.хлопоты не принесли успеха. Православные царства на Балканах были уничтожены турецким завоеванием, а брак с иноверкой считался нежелательным. В конце концов греки из окружения Софьи подсказали княжичу выход, сославшись на примеры из истории византийского императорского дома. Они посоветовали провести перепись невест по всему государству и на смотринах избрать невесту для наследника и соправителя Ивана III. Ходили слухи, что советник Василия Ю.Траханиот надеялся сосватать ему собственную дочь. Брак с нею окончательно превратил бы московскую династию в “греческую”, что едва ли прибавило ей популярность. Вопрос о браке решался в то время, когда Иван III был разбит параличом, а сторонники Дмитрия-внука не оставляли намерений вернуть ему московскую корону.

Летом 1505 г. писцы “нача избирати княжны и боярыни”. Для участия в смотринах в Москву свезли 500 девиц. Василий III остановил свой выбор на Соломонии Сабуровой. Сабуровы были известны Василию благодаря службе в его новгородском уделе. Отец невесты Ю. К. Сабуров служил наместником Корелы, входившей в состав новгородского удела Василия III. Растеряв наследственные вотчины, Сабуровы целым гнездом перешли на поместья в Новгород. Родня невесты не принадлежала к аристократии, а потому и не могла претендовать на боярский титул. По некоторым сведениям, отец Соломонии носил чин окольничего.

Брак оказался неудачным, у супругов не было детей. По праву старшинства трон после смерти бездетного Василия должен был занять удельный князь Юрий. Притязания Юрия вызывали растущее беспокойство в великокняжеской семье. В 1523 г. Василий III впервые стал “думать” с боярами о своем разводе с бесплодной женой.

Развод противоречил московским традициям, и духовенство не скрывало своего неодобрения действиями монарха. Последнему пришлось обратиться за благословением к ученым афонским монахам. Но монахи высказались против подготовлявшегося развода. Заручившись поддержкой митрополита Даниила, Василий III 23 ноября. 1525 г. приказал начать розыск о колдовстве Соломонии. Брат великой княгини дал показания, что та держала у себя ворожею и прыскала заговоренной водой “порты” мужа, очевидно, чтобы вернуть его любовь. Неделю спустя виновную насильно постригли в монашки и отправили в Покровский девичий монастырь в Суздале.

После развода монарх женился на княжне Елене Глинской. По наблюдению А. А. Зимина, второй брак разделил жизнь Василия III на два периода. В период брака с Соломонией, символизировавшего определенную политическую программу, государь опирался на круг старомосковских бояр, “выражавших интересы широких кругов дворянства”. Брак с Глинской принес с собой крутой поворот в политической линии Василия III, приведший к возвышению княжеской аристократии. При всем значении браков в великокняжеской семье их влияние на политическое развитие не следует преувеличивать. Невзирая на княжеский титул, Глинская не принадлежала к кругу правящей аристократии России. Она была сиротой, а ее дядя М. Глинский был осужден на пожизненное заключение за государственную измену. После свадьбы Василия III и Глинской ее дядя еще 1 год находился под арестом и надзором.

Вслед за разводом Василий III приказал составить список невест, но при этом произвести сыск их родства, “чтоб которой девке не было племени Щенятевых и Плещеевых”. Запрет на участие в смотринах распространялся на семьи, принадлежавшие к первостатейной московской знати. По отцу Щенятев происходил из рода Патрикеевых, а по матери — князей Суздальских. Плещеевы выделялись среди старомосковской нетитулованной знати. Круг родства этих двух фамилий был весьма широк. Таким образом уже на первом этапе смотрин выявилось отношение государя к своей знати. Не удастся подтвердить фактами тезис об усилении аристократии в конце жизни Василия III. Московский государь, — писал в своих Записках австрийский посол С.Герберштейн, — не доверяет своей знати и делает исключение лишь для детей боярских, “т. е. знатных лиц с более скромным достатком, таких лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалование”. Широкая раздача поместий помогла преодолеть кризис, вызванный процессом дробления боярщин и обнищанием детей боярских — низшего слоя землевладельцев. Развитие фонда государственных поместных земель оставалось стержнем политики Василия III на протяжении всей его жизни.

Правление Василия III вело к укреплению самодержавных порядков в России. Придворный Ивана III И. Беклемишев с осуждением говорил, что Василий III не проявляет уважения к старине, а дела делает не с Боярской думой, а с избранными советниками в личной канцелярии. “Ныне, деи, — говорил Беклемишев, — государь наш, запершыся, сам-третей у постели всякие дела делает”. При Иване III Беклемишев сам служил “у постели”, иначе говоря, в личной канцелярии государя. Но при Василии III значение названной канцелярии непомерно разрослось. Главными лицами, вершившими дела в канцелярии, были отнюдь не высшие титулованные сановники государства, а худородные в глазах природных князей советники государя наподобие М. Ю. Захарьина и сына боярского Ю. Шигоны-Поджогина.

Крушение традиционного строя предвещало гибель России. “Которая земля, — говорил политический вольнодумец, — переставливает обычаи свои, и та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи князь великий переменил, ино на нас которого добра чаяти?”.

К XVI в. монастырям принадлежали обширные процветающие вотчинные владения в центре и на севере России. Секуляризация этих вотчин позволила бы московским властям окончательно сформировать в центре государства всеобъемлющий фонд государственных земель, который можно было использовать для обеспечения поместьями всех членов московского двора. Общественная мысль не могла не реагировать на потребности времени.

Церковный собор 1503 г. решительно отверг проекты секуляризации земель у московских монастырей. Тем не менее после названного собора русское “нестяжательство” вступило в пору своего расцвета. Монахи собирали с крестьян оброки, вели торг, пускались в ростовщичество. Чрезмерное обогащение монастырей, практика пожертвования обителям вотчин и сокровищ дали повод для возобновления споров о природе монашества.

Русское “нестяжательство” было обязано своим возникновением двум старцам — Нилу Сорскому и Вассиану Патрикееву. Нил Сорский сосредоточил внимание на вопросах нравственного совершенствования личности. Ученик Нила Вассиан, в миру князь Василий Косой Патрикеев, сделал блестящую карьеру при дворе своего дяди Ивана III. В 30 лет он пережил опалу и был насильственно пострижен в Кирилле-Белозерском монастыре. Князь-инок преуспел в изучении священного писания и со временем стал одним из лучших церковных писателей России. Но, надев рясу, он продолжал смотреть на мир глазами опытного политика.

Назначения церковных иерархов весьма точно отразили

успех нестяжателей в первые годы правления Василия III. В 1506 г. старец Варлаам был вызван из заволжских пустыней и назначен архимандритом столичного Симонова монастыря. В мае 1509 г. великий князь приказал свести с Новгородского архиепископства Серапиона. 30 апреля 1511 г. сложил сан митрополит Симон. Оба святителя несли прямую ответственность за провал правительственного проекта секуляризации церковных земель на соборе 1503 г.

Отставка двух старших иерархов привела к полному обновлению церковного руководства. 3 августа 1511 г. митрополитом стал симоновский архимандрит Варлаам, известный своей близостью к нестяжателям. Памятуя о резком столкновении Ивана III с Геннадием, Василий III запретил священному собору посылать в Новгород нового архиепископа. Новгородская кафедра оставалась вакантной семнадцать лет.

Вассиан Патрикеев находился в дружеских отношениях с Варлаамом. Именно Варлаам в 1509 г. вызвал князя-инока в Москву и поселил его в Симонове монастыре. Со временем Патрикеев стал одним из самых влиятельных лиц при великокняжеском дворе. Писец Михаил Медоварцев так характеризовал значение князя-инока: он “великий временной человек, у великого князя ближней”. Пользуясь покровительством монарха и поддержкой главы церкви, Вассиан выступил с резкими нападками на Иосифа Волоцкого. Иосифо-Волоколамский монастырь порвал с удельным государем и перешел под покровительство Василия III. Но это не изменило отношения государя к Санину. В 1512 г. Иосиф жаловался великокняжескому дворецкому, что подвергается “хуле и злословию” Вассиана, но не может оправдаться из-за запрещения государя. В заключение игумен смиренно просил боярина, чтобы тот “печаловался” за него Василию III.

Прения между Вассианом и Иосифом привели к возобновлению споров о монастырских селах. Сочиненная в

более позднее время повесть “Прение Иосифа” излагает следующий диалог двух известных церковных деятелей. Санин якобы упрекнул Вассиана за то, что тот учит государя у монастырей и церквей “села” отнимать. Вассиан отвечал ему словами: “Сие, Иосифе, на мя не лжеши, что аз великому князю у монастырей села велю отымати и у мирских церквей”.

“Прения” явились памятником публицистики.

Тенденциозность этого сочинения сказалась не в фабрикации сведений о выступлении Вассиана против монастырского землевладения, а в освещении характера этого выступления. Нестяжатели никогда не “велели” государю отбирать церковные земли в казну. Тем, кто удалился от мира и дал монашеский обет, доказывал Нил, “не достоин сел имети”. Вассиан Патрикеев следовал заветам учителя. Самая характерная черта русского нестяжательства заключалась в неприятии насилия как средства исправления монашества. Секуляризация могла стать спасительной мерой лишь тогда, когда монахи сами пришли бы к осознанию ее необходимости.

Русская церковь сохранила тесные связи с православными греческими монастырями на Афоне. При Василии III московские книжники вели работу по исправлению и переводу богослужебных книг. В помощь им с Афона прибыл образованный богослов Максим (Михаил) Грек, приглашенный в Москву великим князем. Максим происходил из знатного византийского рода Триволис. В 1492 г. он отправился учиться в Италию и провел там десять лет. Во Флоренции он познакомился с выдающимся философом Марсилино Фичино, был свидетелем падения тирании Медичи и торжества Савонаролы. После гибели его Максим уехал для завершения образования в Венецию. В Италии он принял католичество, по возвращении на Афон вернулся в православие. В лице Максима образованная Россия впервые столкнулась с ученым-энциклопедистом, получившим глубокие и многосторонние познания в итальянских

университетах. Принципы филологической науки Возрождения, которыми руководствовался Максим в своих переводах, были самыми передовыми для своего времени.

Будучи в России, Максим написал множество оригинальных сочинений. Его толкования церковных писателей древности стали одним из немногих источников, откуда русские люди могли черпать разнообразные сведения, включая античную мифологию.

Максим Грек не дал втянуть себя в распри, терзавшие русскую церковь. Это позволило ему многие годы заниматься переводом церковных сочинений и исправлять старые русские книги.

В начале XVI в. сторонники церковной унии не прекращали своей деятельности в Москве. Одним из них был медик Никола Булев, приглашенный греками из Рима. По свидетельству монахов Иосифо-Волоколамского монастыря. Булев написал письмо брату Иосифа Волоцкого Вассиану. В письме он отстаивал идею единства веры и “приводил” истинное русское православие “к соединению латынскому”. Рассчитывая на поддержку греков, лейб-медик просил Максима Грека изложить историю разделения христианской церкви, чтобы вразумить русских. Философ был самого высокого мнения об удивительной мудрости Булева, однако резко осуждал его приверженность католицизму.

Большим влиянием при московском дворе пользовался Дмитрий Малый Траханиот. Его сын Юрий Траханиот сделал в Москве блестящую карьеру. В качестве казначея он возглавил великокняжескую казну, одно из главных правительственных ведомств. Кроме того, грек стал печатником, или хранителем государственной печати. Австрийский посол называл его главным советником Василия IЦ, “мужем выдающейся учености и многосторонней опытности”. Ю. Траханиот унаследовал от отца его симпатии к унии. Посол прусского ордена Д.

Шонберг вел длительные беседы с казначеем о соединении церквей. Из этих бесед посол вынес впечатление, что русские согласны на унию с католической церковью. О своих впечатлениях Шонберг немедленно сообщил в Рим. Имперский посол Франческо да Колло тогда же беседовал с Н.Булевым и также заключил, что Москва готова принять унию.

Папа римский в 1519 г. передал Василию III предложение принять титул царя и присоединиться со всей землей к церковной унии. Московский великий князь отклонил предложение.

Василий III сознательно старался создать на Западе представление, будто Россия готова вступить в антитурецкую лигу. Одновременно он деятельно хлопотал о мире и союзе с Портой. Главная цель его дипломатической игры состояла в том, чтобы использовать союз с империей для войны с Польшей. Но в окружении великого князя были люди, искренне желавшие сближения с католическим Западом. К их числу принадлежали греки.

Московские иерархи прощали грекам их симпатии идее" объединения христианского мира, пока видели в католиках союзников в деле искоренения иудаизма в Европе. После расправы с еретиками положение изменилось. В правление Василия III все больше сокращались культурные связи с Италией, падал интерес к достижениям западного мира. Наметившийся поворот в сторону Запада так и не совершился.

Положение греков в Москве отличалось некоторой двусмысленностью. По традиции московские книжники продолжали видеть в них своих учителей. Одновременно сторонники национальной церкви отказывались подчиняться авторитету константинопольского патриарха.

Мысль о превосходстве русского православия над греческим

обрела после падения Византийской империи многих сторонников в России. В 1514 — 1521 гг. монах псковского Елиазарова монастыря Филофей обратился к Василию III с важным посланием. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый — Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим — Москва. “Два Рима падоша (пали), — утверждал Филофей, — а третий стоит, а четвертого не бывать”. В основе концепции Филофея лежало представление о некоем “Ромейском царстве нерушимом”, сложившемся в эпоху Августа, к которой относились деяния и земная жизнь Христа. “Великий Рим” сохранил свое физическое бытие, но потерял духовную сущность, будучи пленен католичеством. Оплотом православия стало греческое царство, но оно попало под власть “неверных”. Крушение двух царств расчистило место для московского православного царства. Идея о всемирной роли Москвы имела в устах Филофея скорее сакральный, чем имперский смысл (Н. В. Сеницына).

В послании государеву дьяку Мисюрю Мунехину Филофей уточнил свою идею следующим образом: греческое царство “разорися” из-за того, что греки “предаша православную греческую веру в латинство”. Русскому двору импонировали рассуждения об исключительной исторической миссии Москвы. Но не удастся обнаружить доказательств того, что теории Филофея приобрели характер московской официальной доктрины. Василий III был по матери греком и гордился своим родством с византийской императорской династией. Греки, близкие к великокняжескому двору, нападки на византийскую церковь встретили с понятным возмущением. Мать Василия III воспитывалась в Италии. Сам Василий, не чуждый духа греко-итальянской культуры, покровительствовал Максиму Греку и поощрял его деятельность по исправлению русских книг. Сомнения в ортодоксальности греческой веры ставили его в щекотливое положение.

По наблюдению П. Паскаля и В. Водова, в “русском христианстве” версия христианских идей и текстов приобрела ярко выраженный национальный характер. За 500 лет существования русская церковная культура неизбежно должна была приобрести некоторые самобытные черты. Не менее существенно и другое обстоятельство.

Первоначально византийская церковь следовала Студийскому уставу, ставшему основой русского. Однако в XII — XIII вв. в Византии преобладание получил Иерусалимский устав. Московские митрополиты из греков Фотий и Киприан затеяли реформу с целью введения этого устава на Руси, но не довели дело до конца. Разрыв с Константинополем после Флорентийской унии увековечил древневизантийские черты в русской церковной культуре. Помимо всего прочего старые славянские переводы греческих книг содержали множество ошибок и искажений. Таким ученым богословам, как Максим Грек, вооруженным методом филологической критики, нетрудно было обнаружить эти ошибки.

Среди московских образованных монахов деятельность Максима поначалу вызывала сочувствие, тем более что греку покровительствовал сам великий князь. Однако в 1522 г. Максим Грек подверг критике процедуру избрания московского митрополита Даниила, что изменило отношение к нему властей. После отказа подписать Флорентийскую унию русские митрополиты перестали ездить “на поставление” в Константинополь. Максим не мог смириться с вопиющим нарушением прав главы вселенской православной церкви. Даниил был избран на московскую митрополию без благословения патриарха, а следовательно, в нарушение закона. Максим Грек доказывал ошибочность решения московского собора не принимать назначения на митрополию “от цареградского патриарха, аки во области безбожных турок поганого царя”. Ученый инок опровергал идею о “порушении” греческого православия под властью турок и отстаивал мысль о неоскверняемой чистоте

греческой церкви. Философ без обиняков говорил, что считает избрание Даниила “безчинным”.

Ученые греки пытались вернуть русскую церковь в лоно греческой. Ортодоксы увидели в их домогательствах покушение на независимость московской церкви. Споры о “чистоте” и “нарушении” греческой веры побуждали ученых греков все резче отзываться о “заблуждениях” москвитов и ошибках в их богослужебных книгах. В свою очередь московские монахи, отстаивая ортодоксальность старых русских книг и обрядов, стали обвинять греков в ереси.

Василий III понимал, сколь важна для него поддержка московской ортодоксальной церкви, и, когда жизнь поставила его перед выбором прослыть сторонником греческой “прелести” или главой истинного православного царства, он недолго колебался. Некто Марк Грек подвизался в Москве как лекарь и купец. Русские дипломаты хлопотали в Константинополе о том, чтобы султан разрешил его жене выехать на Русь. Впоследствии Константинополь пытался выволить самого Марка из России. Марк вел доверительные беседы с государем, из чего следует, что он был одним из придворных лекарей. По словам С. Герберштейна, Марк Грек первым осмелился высказать Василию III резкие замечания по поводу тяжких заблуждений русского православия. За это он был тотчас взят под стражу и бесследно исчез. Ю. Траханиот также пытался отстаивать красоту греческой веры, а заодно выволить Марка из беды. За это его отрешили от всех должностей. Впрочем, своего любимца монарх наказал лишь для вида. Очень скоро его вернули ко двору и ввиду его болезни позволили носить на носилках “наверх” в комнаты государя.

Митрополит Варлаам не проявлял должной твердости по отношению к грекам. Греки объявили незаконным поставление Даниила без санкции патриарха, за что подверглись гонениям со стороны нового митрополита. Даниил прежде всего постарался избавиться от Максима

Философа. Осифляне дознались о сомнительном прошлом Грека, принявшего католичество во время учения в Италии. Среди ревнителей московской старины возникли подозрения, что Максим портит старые русские богослужебные книги. Ортодоксы были убеждены в святости и неизменности каждой буквы и строки этих книг. Едва ли не самый знаменитый каллиграф своего времени Михаил Медоварцев живо передал чувство потрясения, которое он испытал при исправлении церковных текстов по указанию Максима: “Загладил (стер. — *Р.С.*) две строки, и вперед глядिति посумнелся есми... не могу... заглаживати, дрожь мя великая поймала и ужас на меня напал”.

Иосиф Санин чтит дух и букву писания. Его ученики далеко превзошли своего учителя в начетничестве. Митрополит Даниил с крайним неодобрением относился к деятельности чужеземца-переводчика. Во время судебного разбирательства Максим признался:

“...говорил, что здесь на Руси (священные. — *Р.С.*) книги не прямы, а иные книги переводчики перепортили, не умели их переводить, а иные книги писцы перепортили, ино их надобно переводити”.

Осифляне постарались любой ценой скомпрометировать Грека в глазах монарха. На суде трое свидетелей показали, будто Философ занимался колдовством: “Волшебными хитростями еллинскими писал еси водками на дланех”, и, когда государь гневался на инок, “он учнет великому князю против того что отвечивати, а против великого князя длани своя поставляет, и князь великий гнев на него часа того утолит и учнет смеяться”.

Максим Грек обладал острым умом, обширными богословскими познаниями и в совершенстве владел приемами риторики. Неизвестно, чем бы закончился суд, если бы судьи допустили свободный диспут. Стараниями Даниила прения на соборе свелись к мелочным придиркам в

духе Иосифа Волоцкого. Исправляя по приказу Василия III Цветную триодь, Максим Грек внес в службу о Вознесении исправление. Вместо “Христос взыде на небеса и седе одесную отца” он написал: “седев одесную отца”. Ортодоксы учили, что Христос сидит вечно “одесную отца”. Из исправленного текста следовало, что “седение” было мимолетным состоянием в прошлом — “яко седение Христово одесную отца мимошедшее и минувшее”. На допросах Максим защищал свое исправление, отрицая “разнество” в текстах. Но позднее он признал ошибочность своего написания и объяснил дело недостаточным знанием русского языка.

Чтобы утвердить незыблемость московской веры, митрополит Даниил в 1531 г. добился суда над Вассианом Патрикеевым и повторного розыска о провинностях Максима Грека. Писец показал на суде, что Грек делал исправления с одобрения князя-инока. “Ты слушай меня да Максима Грека, — говорил Вассиан Патрикеев чудовскому переписчику, — и как тебе велит писати и заглаживати Максим Грек, так учини. А здешние книги все лживые, и правила здешние кривила, а не правила”. После того как переводы Максима Грека поставили под сомнение святость старых книг, вопрос об отношении к русским святым приобрел исключительно острый характер. На суде Даниил, обращаясь к Вассиану, заявил: “А чудотворцев (русских. — *Р.С.*) называеши смутотворцами”, потому что они “у монастырей села имеют и люди”. И обвинитель, и обвиняемые не забыли старых споров о церковных “стяжениях”. Но теперь оба затронули эту тему как бы вскользь. Не касаясь подробностей дела, Вассиан отвечал своему обвинителю: “Яз писал о селах — во Евангелии писано: не ведено сел монастырем держати”. Митрополит сослался на тексты из Кормчей и старых святых. На это Патрикеев отвечал: “Те держали села, а пристрастия к ним не имели”. Когда же Даниил указал на пример новых чудотворцев, Вассиан ответил: “Яз того не ведаю, чудотворци ли то были”. Судьи пытались использовать сочинения и толкования Вассиана для обвинения его в

ереси. Князь-инок мужественно защищался, пуская в ход иронию и блестящее знание богословских сочинений. Вассиан не скрыл от собора своих сомнений по поводу догмата о двойной природе Христа, что имело для опального самые неблагоприятные последствия. Митрополит Даниил с гневом обрушился на еретические “мудрствования” Вассиана о том, что “плоть Господня до воскресения нетленна”. Вместо покаяния собор услышал твердые слова: “Яз, господине, как дотоле говорил, так и ныне говорю”. Зловещую роль на процессе Патрикеева и Максима Грека сыграл любимец Василия III — М. Ю. Захарьин. На суде он утверждал, будто в Италии Максим и 200 других лиц выучились у некого учителя “любомудрию философскому и всякой премудрости литовстей и витевстей, да уклонились и отступили в жидовский закон и учение”; папа римский велел их сжечь, но Максим спасся, сбежав на Афон. Если бы Захарьину удалось доказать свои обвинения, еретика можно было послать на костер. Но Максиму Греку принадлежало несколько обличительных посланий против иудаизма, и выступление ближнего боярина не достигло цели. Ввиду очевидной абсурдности подозрений насчет “жидовства” митрополит Даниил не включил этот пункт в свою обвинительную речь.

В 1522 г. в Москву прибыл турецкий посол Скандер, грек по крови. Он привез предложение о мире и дружбе с Россией. Максим Грек виделся с земляком. Даниил использовал это обстоятельство и в 1531 г. обвинил Философа в изменнических сношениях с турками. Обвинения были беспочвенными. Максим верил в высокую историческую миссию богохранимой русской державы и надеялся на возрождение Греции под ее эгидой.

Инициаторы суда стремились очернить ученого переводчика как лазутчика и колдуна с единственной целью — опорочить его переводы, подрывавшие старую веру. Главные обвинения сводились к тому, что Грек не признавал русских священных книг, искажил ряд канонических статей в Кормчей,

“заглаживал” (стирал отдельные строки в Евангелии, хулил русских чудотворцев.

После суда Вассиан Патрикеев был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, где и умер. Максима Грека перевели в тверской Отроч монастырь. Его помощников разослали в другие обители. С греческой “прелестью” было покончено раз и навсегда.

Сопоставив взгляды Максима Философа и его противников — осифлян, богослов Г. Флоровский выделил их расхождения в оценке судеб и будущего России. По мнению осифлян, будущее России великолепно и определено раз и навсегда. Максим видел Русь в образе страждущей вдовы, которой судьба, уготовила тернистый путь. В глазах осифлян Москва представлялась третьим Римом, строилось великое новое христианское царство. Для Максима, напротив, Россия являлась Градом в странствии.

Московские ортодоксы учинили расправу с Максимом Греком, отстаивая автокефальность русской церкви и ее превосходство над “изрушившейся” греческой верой. Суд над Максимом Греком и образованными монахами-нестяжателями неизбежно вел Россию к религиозной и культурной изоляции и подготавливал почву для раскола русской церкви в XVII веке.

В соответствии с традицией Василий III никогда не подписывал свои указы, предоставляя делать это своим дьякам. Но в отличие от других государей он умел писать и при случае посылал жене записки “своей руки”. Византиец по матери, Василий III проявлял интерес к западным новшествам и охотно покровительствовал итальянским архитекторам и строителям, западным докторам, богословам грекам. Но он не сделал никаких усилий к тому, чтобы расширить и упрочить возникшие связи с Италией и другими западными странами. Великий князь не помышлял о европеизации русского общества, а это значит, что дух

Возрождения остался чужд ему. Минуло время, когда летописцы выражали сомнение в мудрости монарха или обличали за трусость на поле боя. При Василии III они соблюдали должное почтение к особе монарха. Ради упрочения своей власти государь передал кормило управления церковью осифлянам, учившим, что царь только естеством подобен людям, властью же подобен Богу. В характере и привычках Василия III не было ничего яркого и неординарного. Подобно отцу, он был политиком расчетливым и осторожным и избегал всего, что могло привести к политическим потрясениям. На склоне лет дела стали тяготить монарха, и втайне он помышлял о пострижении. Местом своего упокоения он избрал Кирилло-Белозерский монастырь, чем невольно выдал свое истинное отношение к иосифлянам.

В пятьдесят три года Василий III смертельно заболел. Недуг открылся в дни охоты под Волоколамском в 1533 г. По возвращении в Москву больной составил завещание в присутствии брата Андрея и I ближних людей М. Ю. Захарьина, И. Ю. Шигоны, бояр князя В. В. Шуйского, М. С. Воронцова, казначея П. И. Головина. С ними государь держал совет о своем великом княжении, о сыне, “понеже сын его млад”, и “како строиться царству после его”. Приглашенные к постели умирающего считались его душеприказчиками. На них возлагались функции опекунов при младенце-наследнике. В ходе совещания круг опекунов расширился. Василий III “прибави к себе в думу к духовной грамоте” трех лиц. По поводу одного из них государю пришлось давать объяснения: “Князя Михаила Львовича Глинского прибавил, — сказал Василий, — потому, поговоря с бояры, что ему в родстве по жене его”. Глинский обладал неукротимым характером. Его авантюрные похождения известны были всей Европе. Ближние бояре несли ответственность за его осуждение и длительное тюремное заключение в Москве. Назначение Глинского встревожило опекунов, и, видимо, по их рекомендации в опекунский совет были “прибавлены” М. В. Тучков-Морозов (племянник М. Ю.

Захарьина) и И. В. Шуйский (брат В. В. Шуйского). Самодержавный режим не успел окрепнуть, и монарха терзали дурные предчувствия. Он страшился, что бояре, не забывшие его опал и тюремных “сидений”, не пощадят его наследника и вдову. Завершив составление духовной, больной созвал Боярскую думу и подробно объяснил мотивы включения в число душеприказчиков Глинского. Он, как заявил государь, “человек к нам приезцей и вы бо того не молвили... держите его за здешнего уроженца, занеже он мне прямой слуга”. Глинский нес ответственность за личную безопасность великокняжеской семьи. “А ты бы, князь Михаиле Глинской, за моего сына великого князя Ивана и за мою великую княгиню Елену... кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал”, — так закончил речь к думе Василий III.

Последние часы жизни Василия показали, что ему так и не удалось стать неограниченным монархом. Смертельно заболев, государь стал втайне от думы готовиться к постригу. Свое намерение он открыл любимцу Шигоне-Поджогину. Такое решение таило в себе громадный политический риск. В случае выздоровления монарх не мог вернуться на трон как расстрига. Когда Василий III объявил свою последнюю волю думе, его брат князь Андрей Старицкий, боярин Воронцов и Шигона заявили о своем несогласии. Не добившись послушания от душеприказчиков, больной обратился к митрополиту Даниилу с мольбой: “Аще ли (бояре. — *Р.С.*) не дадут мене постричи, но на мертвого меня положи платие чернеческое, бе бо издавна желание мое”. Митрополит пытался исполнить желание государя, но князь Андрей и Воронцов оттеснили его от ложа. Благочестивое намерение монарха поддержал один лишь М. Ю. Захарьин, в роду которого царил дух религиозного фанатизма.

Недрузи обвиняли Василия III в том, что он отстранил от власти Боярскую думу и решает дела государства “сам-третей у постели”. Создавая опекунский совет, монарх

рассчитывал сохранить такой порядок. В ночь на 4 февраля 1533 г. государь скончался.

В конце XV в. Россия значительно расширила свои связи со странами Западной Европы, и в первую очередь с Италией. В Москве в большом числе появились итальянские зодчие, инженеры, врачи, ювелиры и прочие мастера. Им суждено было оставить глубокий след в истории русской культуры, в особенности в сфере зодчества.

Шедевр Фиораванти — кремлевский Успенский собор в Москве стал главной святыней православной Московский Руси. На многие десятилетия он стал образцом для русских мастеров, трудившихся в разных городах и землях.

Новые черты, обозначившиеся в облике Успенского собора, еще ярче выразились в архитектуре Архангельского собора, построенного итальянским архитектором Алевизом Новым в 1505 — 1508 гг. Собор служил усыпальницей московских государей.

Старый московский Кремль, воздвигнутый при Дмитрие Донском из “белого камня” — известняка, давно обветшал. Из-за множества заплат его полуразвалившиеся стены издали казались деревянными. Иван III нуждался в новой резиденции, отвечавшей мощи и великолепию его власти. Для перестройки Кремля он пригласил миланского инженера Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо и других строителей. В 1487 г. Марко Руффо приступил к сооружению Беклемишевской башни, Антон Фрязин выстроил Тайницкую и Свибловскую (ныне Водовзводную) башни, завершив укрепление южной части Кремля. Пьетро Солари воздвиг башни у Боровицких и Константино-Еленинских ворот, а затем вместе с Марко Руффо заложил новую Фроловскую (ныне Спасскую) проездную башню. Солари вывел стену до Боровицкой башни, а также от Никольской башни до Неглинной, где построил Собакину (ныне Угловая Арсенальная) башню с родником. Новые укрепления Кремля

были построены из кирпича. Башни получили шатровые надстройки в XVII веке. После смерти Солари строительные работы продолжил инженер Алевиз из Милана. В 1495 г. была заложена Троицкая башня. Постройка Кремля была завершена в 1515 г. Алевизом Новым, поставившим стену вдоль р. Неглинная. Кремль стал одной из лучших крепостей Европы. Кремль был не только резиденцией московского монарха, но и символом нарождавшейся Российской империи.

Первая половина XVI в. стала временем расцвета шатровой архитектуры. Первым шатровым храмом была церковь Вознесения, воздвигнутая в великокняжеской усадьбе селе Коломенском в 1530 — 1532 гг. Этот придворно-княжеский храм являлся одновременно храмом-мемориалом. Церковь Вознесения явилась памятником в честь рождения в великокняжеской семье наследника Ивана.

Московская живопись пережила в XV в. свой золотой век. Традиции Андрея Рублева создали прочное основание для дальнейшего развития московской школы во второй половине XV в. Крупнейшим художником этого периода был Дионисий. О жизни Дионисия известно очень немного. Он родился в середине XV в., предположительно около 1440 г., а умер в начале XVI в., предположительно между 1503 и 1508 гг. С полной достоверностью можно установить лишь основные вехи его жизни. Первой крупной работой Дионисия явилась роспись Рождественского собора в Пафнутьевом Боровском монастыре между 1467 и 1477 г. Эту работу Дионисий выполнил под руководством учителя Митрофана, монаха из столичного Симонова монастыря. Пафнутьевская роспись не сохранилась. Не позднее 1481 г., как повествует московская летопись, Дионисий вместе с тремя другими иконописцами — Ярцем, Коней и Тимофеем написали для кремлевского Успенского собора Деисус “с праздниками и с пророки”. (Деисус — композиция с фигурой Христа в центре и со святыми, которые обращаются к нему с молением; праздники — праздничные иконы; пророки — композиции с

фигурами пророков). Видимо, Дионисий и его товарищи расписали деревянный иконостас, не сохранившийся до наших дней.

Считается, что Дионисий всю жизнь был близок ко двору Ивана III. Но едва ли это справедливо. В 1479 г. монарх вступил в открытый конфликт с главой церкви. Ученик Пафнутия Боровского Вассиан Рыло, получивший пост ростовского архиепископа, решительно встал на сторону государя. Вассиан близко знал Дионисия по Пафнутьеву монастырю. Благодаря покровительству Вассиана мастер получил заказ на иконы для Успенского собора. Из рук архиепископа Дионисий и его артель получили огромное по тому времени вознаграждение — сто рублей. Однако в марте 1481 г. Вассиан Рыло умер, и Дионисий лишился влиятельного покровителя и заказчика.

В Боровском монастыре завязалась дружба Дионисия с Вассианом Рыло и с Иосифом Саниным. Преемник Пафнутия Боровского Иосиф Санин должен был возглавить обитель после смерти основателя монастыря, но он покинул владения Ивана III и переселился в столицу удельного князя Бориса. Вскоре же князь Борис и его брат Андрей подняли вооруженный мятеж против Ивана III. Находясь в Волоцком княжестве, Иосиф написал трактат о власти государя, в котором указывал, что при определенных условиях подданные не должны повиноваться царю, мучителю и тирану.

Отправляясь в Волоколамск, Иосиф привез с собой икону Одигитрия “Дионисиева письма”. Благодаря покровительству я щедрости князя Бориса Санин основал в уделе монастырь и выстроил в нем каменный Успенский собор. Для росписи собора Санин пригласил Дионисия. С 1484 — 1485 гг. художник начал работать над иконами для нового монастыря. В распоряжении биографа Дионисия отсутствуют факты, относящиеся к его жизни в последующие полтора десятилетия, которые были временем расцвета его таланта.

Можно с уверенностью утверждать, писал В. Н. Лазарев, что на протяжении 1490-х годов деятельность Дионисия была сосредоточена главным образом в Москве. Это предположение нельзя назвать удачным. Неясно, где жил Дионисий и где располагалась его мастерская. Достоверно известно, что в указанные годы иконописец много работал по заказам удельного князя Бориса Волоцкого и богатого Иосифо-Волоколамского монастыря. В Москве развернулось строительство крупных соборов и церквей. Они нуждались в росписи. Но Дионисий получил приглашение лишь от игумена Чигаса, основавшего крохотный монастырек в предместьях Москвы за Яузой в 1483 г. Там он расписал небольшую монастырскую церковь. Дионисий не принадлежал к числу московских великокняжеских и митрополичьих иконописцев, выделившихся в XV — XVI вв. из среды прочих иконников. Деятельность мастера прочно связана не с Москвой, а с Волоколамском, где он писал иконы и фрески в Успенском соборе (после 1485 г.), церквях Одигитрии (около 1490 г.) и Богоявления (около 1504 или 1506 г.). По-видимому, в Волоцком княжестве окончательно сформировалась художественная школа Дионисия, к которой принадлежали сыновья художника Феодосии и Владимир, двое молодых племянников Иосифа Санина, старец Паисий. Итоги деятельности Дионисия и иконописцев его круга были внушительными. Согласно описи ризницы Иосифо-Волоколамского монастыря, в середине XVI в. в собственности обители находилось 87 икон кисти Дионисия и 37 икон его сыновей Феодосия и Владимира. Дионисий и его ученики не оставили после себя писем и сочинений. Но сохранилось “Послание иконописцу”, адресованное либо самому Дионисию, либо его сыну Феодосию. Послание замечательно тем, что к его составлению были причастны Иосиф Волоцкий, а может быть, и Нил Сорский. Поборники ортодоксальной веры были встревожены тем, что вольнодумцы и еретики критиковали наряду с другими обрядами также иконопочитание. Автор “Послания к иконописцу” выступил как сторонник канонизации традиционных форм московского иконопочитания. Иосиф и

его ученики придавали большое значение торжественной атмосфере храма, их восхищали драгоценные оклады икон, в их блеске и сиянии они угадывали отражение божественного света. Говоря о поклонении иконе, Иосиф указывал на духовное очищение как результат молитвенного предстояния иконе. Творчество Дионисия было одухотворено тем же идеалом. Его вкусы и представления мало чем отличались от взглядов осифлян.

Семья удельного князя Бориса Волоцкого ценила искусство Дионисия не меньше, чем Иосиф Санин, и в княжеское собрание икон, вероятно, попало немало его произведений. Князь Борис Волоцкий щедро жаловал деньги на строительство и украшение удельного Иосифо-Волоколамского монастыря. Однако после его смерти удел перешел в руки скупого князя Федора, который не прочь был поправить свои расстроенные финансовые дела за счет разбогатевшего монастыря. Иосиф пытался откупиться от государя: “начат князя мздой утешати и посла к нему иконы Рублева письма, Дионисиева”.

Москва вторично открыла для себя Дионисия, вероятно, уже после его смерти. Этому способствовало несколько обстоятельств. Поссорившись с князем Федором, Иосиф объявил в 1508 г., что вместе с монастырем покидает удельное княжество и отдается под покровительство Василия III. Со смертью волоцкого князя Федора в 1513 г. выморочное княжество со всей казной, а также иконами Дионисия перешло в распоряжение Василия III.

Власти Иосифо-Волоколамского монастыря могли точно атрибутировать иконы, написанные на их глазах. В перечне, кроме Дионисия, названы имена десятка других живописцев, трудившихся одновременно. Но монастырские старцы, следуя примеру Дионисия, не снабдили его иконы подписями. В дальнейшем часть монастырского собрания перешла во владение московской казны и соборов. Смена владельцев привела со временем к утрате атрибуции.

Многие иконы Дионисия погибли или же обветшали и были записаны новыми иконописцами. Трудности выявления икон Дионисия усугубляются следующими обстоятельствами. Всю свою жизнь мастер работал вместе с другими художниками, с артелью помощников и учеников. Разграничить произведения Дионисия и живописцев его круга практически невозможно. Дионисий был одним из самых плодовитых живописцев Руси. Но его творения — такая же редкость, как и иконы Рублева.

Не исключено, что именно конфликт в Волоцком уделе и сокращение денежных субсидий побудили Дионисия покинуть удельное княжество и искать заказы в далеких монастырях на Севере. Около 1500 г. художник написал ряд икон для Павло-Обнорского монастыря, а позднее расписал Рождественский собор в Ферапонтовом монастыре на Белоозере.

Признавая классическое совершенство ферапонтовских фресок, исследователи увидели в искусстве Дионисия налет сдержанности, который граничит с холодностью, фигуры на фресках изящны, но движения их как бы подчинены строгому придворному ритуалу. Преобладает мотив предстояния (поклонения) святым либо царю, из-за чего замедленное действие облекается в торжественную, неторопливую церемонию, которой соответствуют пышные, по-царски великолепные одежды; особенно нарядно одеты мученики; в трактовке образа человека чисто декоративные моменты приобретают у Дионисия гораздо большее значение, чем у Рублева (В. Н. Лазарев).

К последним годам жизни Дионисия относятся его житийные иконы, написанные для кремлевского Успенского монастыря, предположительно по заказу митрополичьего дома. Жанр иконы с Житием, заимствованный русскими из Византии, был доведен Дионисием и его школой до совершенства. Наиболее известны две иконы этого жанра: митрополит Петр с Житием и митрополит Алексей с Житием.

Искусство Дионисия служит конечной вехой периода, начало которому положило творчество Андрея Рублева. Главным достижением этого периода явилось обобщенно-идеализированное понимание образа совершенного человека.

Блистательная эпоха итальянского Возрождения оказала глубокое воздействие на всю Европу. Русь не была исключением. В конце XV в. казалось, что Россия, потеряв духовного пастыря в лице Византии, готова искать пути сближения с западно-христианским миром. Итальянский брак Ивана III и деятельность греков-униатов в Москве расширили связи с Западом. Однако низложение архиепископа Геннадия, покровительствовавшего “латинам”, фактический разрыв русско-итальянских связей, суд над Максимом Греком положили конец наметившемуся повороту, “флорентийская уния и падение Византии, по мысли Г. Флоровского, имели роковое значение для Руси: в решающий момент русского национального самоопределения византийская традиция прервалась, византийское наследие было оставлено и полузабыто; в этом отречении „от греков” — завязка и существо московского кризиса культуры”. Почву для кризиса создал, по видимому, не только разрыв с “греками”, но и отказ от наметившегося поворота в сторону католического Запада. Торжество официальной церкви и самодержавных начал, утверждение идеи исключительности Москвы — “третьего Рима”, последней мировой истинно христианской империи способствовали изоляции России в то время, как она остро нуждалась в развитии культурных и прочих связей со странами Западной Европы.

Глава 4

ОБРАЗОВАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Иван III добился объединения русских земель в рамках единого государства. Но строй и облик этого государства окончательно определились лишь при его внуке Иване IV Васильевиче, получившем прозвище Грозный.

Иван родился 25 августа 1530 г. в семье великого князя Василия III. Будучи трех лет от роду он лишился отца, а в неполных восемь лет — матери, Елены Глинской. В соответствии с завещанием Василия III правление государством перешло в руки бояр, которые должны были передать власть княжичу по достижении им совершеннолетия. Когда Ивану исполнилось 16 лет, митрополит Макарий и Боярская дума короновали его на царство. Образование Московского царства стало крупнейшей вехой русской истории. Русские цари не претендовали на право быть наследниками византийских императоров, не насаждали императорского суверенитета, а всего лишь добивались паритета с западноевропейскими монархами (Д. Оболенский). Коронация Ивана IV на первых порах имела ограниченное значение. Она символизировала начало самостоятельного правления Ивана и конец боярской опеки над ним. Ситуация стала меняться, когда Московское царство осуществило крупнейшие завоевания на Востоке. Победы имели особое значение, поскольку они поставили под власть православного царя басурманские орды. Начало сбываться предвидение книжников о превращении России в новое “Ромейское царство” — оплот истинной христианской веры во Вселенной. Отныне царь имел все основания для обращения за благословением к главе вселенской православной церкви. В ответ на обращение константинопольский патриарх в 1561 г. известил Ивана, что вселенский собор признает законность его царского титула. По времени санкция патриарха совпала с моментом наивысших военных успехов Москвы.

Люди средневековья представляли себе мировую политическую систему в виде империи со строгой иерархией. Королевства и княжества, составлявшие эту иерархию, занимали разные ее ступени. Принадлежность к единой христианской империи определяла харизматический характер власти монархов, нередко подкреплявшийся ссылкой на некое символическое родство с императорской фамилией. В Московской Руси широкое распространение получила легенда о римских предках царя. В XVI в. много сотен русских князей вели свой род от Рюрика, но лишь Иван IV раздвинул рамки генеалогического мифа и выступил с претензией на родство через Рюрика с римскими цезарями. Представление о том, что Прус, родной брат римского императора Августа, был родоначальником московской династии, стало частью политической доктрины царя. Преемственность Московского царства с “Первым Римом” подкреплялась ссылкой на генеалогию, преемственность со “Вторым Римом” — Византией — указанием на “шапку Мономаха”.

Царский титул не заключал притязаний на мировую гегемонию. Он воплощал религиозно-политическую доктрину, в силу которой православная Российская держава стояла выше любого католического или протестантского, т.е. не истинно христианского королевства и княжества. Грозный пренебрежительно отзывался о польских “выборных” королях, шведской династии, английской королеве.

Формирование самодержавных порядков в России опиралось на материальные предпосылки — образование колоссального фонда государственной земельной собственности. Существенное значение имели политические идеи, включавшие византийскую имперскую доктрину, наконец, факторы психологического порядка. Более чем двухсотлетнее иноземное иго наложило глубокую печать на менталитет правящей элиты и населения России. Молодой Иван IV принял царский титул. Но перемена титула далеко не сразу сказалась на объеме его реальной власти. Власть

монарха была ограничена системой традиционных институтов и порядков, сложившихся в период раздробленности. Эти порядки сохранялись до середины XVI в., когда непригодность их для управления обширной империей стала очевидна.

В годы малолетства Ивана IV Боярская дума располагала властью во всей ее полноте. Критика боярских злоупотреблений стала исходным пунктом всей программы преобразований, с обоснованием которой выступили дворянские публицисты и нарождавшаяся российская бюрократия. Публицист Иван Пересветов, выходец из Литвы, предлагал строить Российскую империю по образцу грозной Османской империи, находившейся на вершине своих военных успехов и наводившей ужас на всю Южную и Восточную Европу. Писатель смело и страстно протестовал против засилья знати в России и утверждал, что для успеха преобразований надо приобщить к государственным делам дворянство. Византия погибла из-за “ленивых богатинов” (богачей) — вельмож. Османский государь Магомет-Салтан “силен и славен” своими воинами (дворянами). Пересветов советовал царю править “с грозой”, употребляя насилие против непокорных “вельмож”.

Инициатором реформ выступил небогатый дворянин Алексей Адашев, увлекший царя своими смелыми идеями. Он выдвинулся после проведения судебной реформы, будучи чиновником (казначеем) Казенного приказа. Приказы заменили собой устаревшие учреждения времен раздробленности. Они позволили централизовать власть, что отвечало потребностям нарождавшейся империи (царства). Отныне приказы стали обширной канцелярией Боярской думы. Фактически же худородная бюрократия — дьяки и “писари” — взяла на себя значительную часть текущего управления. Среди бюрократов было много талантливых людей, таких, как дипломат Иван Висковатый, выходец из низов. Созданный им Посольский приказ воплощал его яркую личность. Реформы центральной власти

повлекли перемены в местном управлении. Власти отменили устаревшую систему “кормлений” (боярин, получавший в управление город или волость, собирал пошлины в свою пользу — “кормился” за счет населения, что создавало почву для всевозможных злоупотреблений). Средства, которые прежде присваивали правители-бояре, теперь обогащали царскую казну.

К середине XVI в. старое боярство окончательно трансформировалось в дворянское служилое сословие, характерной чертой которого была тесная зависимость от трона. Государственная земельная собственность в виде поместных земель стала безраздельно господствовать, превосходя прочие категории землевладения (вотчинное, черносошное, церковное и пр.).

Важным этапом в истории российского дворянства стали военные реформы середины XVI в. Именно в это время в России повсеместно были проведены генеральные дворянские смотры, на которых была зафиксирована система поместных окладов. Сыновья получали землю сообразно окладу отца. Однако во второй половине XVI в. стремительное расширение фонда казенных земель прекратилось и стало очевидно, что проект наделения служилых людей и их потомков государственными поместьями является грандиозной утопией. Структура поместных окладов, установленная в годы реформ, должна была сохраниться на все обозримое будущее. Однако дворянские семьи быстро размножались, и государство не могло обеспечить сыновьям и внукам полагавшиеся им поместные оклады.

Прежде в княжеском войске сражались бояре с их дружинами. Теперь ядро армии составило поместное ополчение. В итоге реформы Ивана IV каждый землевладелец обязан был по первому требованию выступить в поход, а кроме того — привести с собой воина в полном вооружении с каждых 150 десятин принадлежавшей

ему пашни. Воины, как правило, были невольниками-холопами.

Принцип обязательной службы со всех земель — поместных и вотчинных — уравнил знать и дворян и определил лицо Российской империи.

Нарождавшаяся империя заявила о себе, выдвинув широкую программу завоеваний. Дворянство устами Ивана Пересветова заявило, что Россия не должна терпеть у себя под боком “подрайскую” землицу Казанскую, и ее надо завоевать без всякого промедления ввиду ее плодородия.

В XVI в. в татарском мире произошли большие изменения. Крымский хан уничтожил Большую орду. Пали преграды для продвижения русских в Нижнее Поволжье, где находились сравнительно слабые Казанское и Астраханское ханства. Казань отчаянно сопротивлялась царским войскам. Ивану IV пришлось трижды снаряжать полки для похода на казанцев. Наконец, в 1552 г. русские после кровопролитного штурма захватили столицу Казанского ханства. Двадцатидвухлетний царь не проявил особых военных талантов в этих кампаниях. Зато в них отличился опытный воевода князь Александр Горбатый Суздальский, снискавший славу победителя Орды.

Завоевание Казани открыло русским путь в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ. Границы империи стремительно расширялись. Царские гарнизоны появились в Астрахани в устье Волги и в устье Терека на Кавказе. Вслед за тем Россия приступила к завоеванию Прибалтики. Ее войска заняли порт Нарва на Балтике, Дерпт (Тарту) и множество рыцарских замков на территории Ливонского ордена. Царь возглавил вторжение в пределы Польско-Литовского государства и отвоевал у короля белорусский город Полоцк с округой.

Одержав крупные победы в войне с Ордой, власти получили возможность продолжить реформы. Преобразования

увлекли Ивана IV. Но он по-своему понимал их цели и предназначение. Монарх рано усвоил идею божественного происхождения царской власти. В проповедях пастырей и библейских текстах он искал величественные образы древних людей, в которых, “как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска и величия” (В. О. Ключевский). Сложившиеся в его голове идеальные представления о происхождении и неограниченном характере царской власти, однако, плохо увязывались с действительным порядком вещей, при котором монарх должен был управлять государством вместе с Боярской думой.

В своих политических оценках Иван следовал несложным правилам. Только те начинания считались хорошими, которые укрепляли единодержавную власть. Конечные результаты политики реформ не соответствовали этим критериям. В итоге главный инициатор реформ Алексей Адашев, пользовавшийся личной дружбой Грозного, кончил жизнь в тюрьме. Придворный проповедник Сильвестр, который был учителем жизни молодого Ивана IV, попал в один из глухих северных монастырей. “Великие” бояре, помогавшие реформаторам, оказались отстранены от власти.

Первым браком Иван IV был женат на Анастасии Романовой из рода бояр Захарьиных. После ее смерти он женился на Марии Черкасской, дочери кабардинского князя с Северного Кавказа. Подобно деду царь Иван твердо решил закрепить трон за потомством от первого брака. Дети были малолетними, и опекать их царь поручил (по завещанию) Захарьиным, братьям царицы Анастасии Романовой. Влияние Захарьиных чрезвычайно усилилось после того, как они настояли на отставке Сильвестра и Адашева. Переход власти в руки Захарьиных вызвал негодование высшей знати. Раздор думы с царем достиг критического уровня. Глава Боярской думы князь И. Д. Бельский попытался бежать в Литву, но был задержан и брошен в тюрьму. В 1563

г. Иван IV арестовал по подозрению в заговоре своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого. Отец Владимира Андрей пользовался любовью и доверием своего родного брата Василия III, вследствие чего и был назначен главным опекуном малолетнего Ивана IV. Василий III занял трон, отстранив от власти старшую законную ветвь династии. Этот прецедент не был забыт. Мать Владимира Ефросинья Старицкая лелеяла планы переворота. Ее сторонники желали старшего внука Софьи Палеолог заменить на троне младшим внуком. Кризис власти, вызванный раздором между монархом и Боярской думой, подал Ефросинье надежду на успех. Однако ее интрига раскрылась вследствие доноса. Жестокий и мнительный Иван готов был казнить заговорщиков. Но митрополит Макарий уговорил его не делать этого. Княгиня Ефросинья в 1563 г. была насильственно пострижена и отослана в северный монастырь. Монарх простил брата и даже вернул ему удельное княжество. Следствием миротворчества церкви было то, что царь согласился не придавать огласке обвинения против брата. Официальная летопись лишь глухо упомянула о “великой измене” Владимира. Со временем Иван IV, взявшись за исправление летописи, внес в ее текст сведения о том, что Старицкие были давние изменники и пытались свергнуть законную династию уже в 1553 г., когда государь смертельно заболел, а бояре подняли “мятеж” в думе. Больной самодержец якобы обратился к думе с речью, усмирившей мятежников. Напутствуя Захарьиных, монарх сказал: “А вы, Захарьины, чего испужались? ...вы от бояр первые мертвецы будете! ... не дайте боярам сына моего (наследника) извести некоторыми обычаяи, побежите с ним в чужую землю, где Бог наставит”. Речи царя, сочиненные им самим задним числом, показывают, что заговор бояр вызвал в душе Грозного страх и растерянность. Трудность его положения усугублялась тем, что он не мог наказать изменников из-за вмешательства главы церкви. Едва митрополит Макарий умер, в Москве пролилась боярская кровь. Некоторым из бояр удалось бежать в Литву. Среди них был князь Андрей Курбский, в

прошлом близкий друг царя. Из Литвы боярин в 1564 г. прислал обличительное письмо Ивану IV. Их переписка стала одним из самых ярких литературных памятников XVI столетия. Недавно было высказано предположение о подложности названной переписки. Однако тщательный источниковедческий анализ писем снял сомнения в их подлинности.

Царь и боярин затронули в переписке множество тем, но главной среди них была судьба империи. По аналогии со Святоримской империей Габсбургов Курбский именовал Россию “империей Святорусской”.

И Иван Грозный, и Андрей Курбский отстаивали по существу один и тот же идеал Московского царства, последнего оплота православной веры. Бывшие друзья яростно спорили между собой, кто остался верен этому идеалу, а кто изменил ему, вступив в союз с Антихристом. Упреки Курбского заключали страшную угрозу трону. Присяга царю, вступившему в союз с Антихристом, утрачивала законную силу. Всяк пострадавший в борьбе с тронем превращался в мученика, а пролитая им кровь становилась святой. Предсказания Курбского носили почти апокалиптический характер. Пример крушения Рима и Константинополя был перед глазами. Святорусское царство, по мнению князя, держалось на боярах. Избиение благочестивых и храбрых бояр — “сильных во Израиле” — грозило гибелью самому “новому Израилю”.

Отвечая на упреки Курбского, Иван IV утверждал, что государству грозит гибель из-за измены и “самовольства” бояр. Ссылаясь на священное писание и историю древних царств, Иван IV доказывал, что без крепкой самодержавной власти Российское царство (империя) тотчас распадется от беспорядков и междоусобных браней. Власть богоизбранного царя неограниченна, и он волен подвластных “жаловати и казнити”. В сочинениях Грозного титул самодержец получил новое содержание. Иван IV

отстаивал принцип неограниченной монархии. Послание царя Курбскому звучало как подлинный манифест самодержавия. Доказывая свою правоту, Грозный много раз ссылался на послание апостола Павла римлянам, цитируя его слова: “ибо нет власти, что не от бога”. Курбский искал опоры в послании Иоакима и Иоанна. Его схема взаимоотношений между человеком, властью и Богом позволяла ему надеяться выиграть тяжбу с царем на Божьем суде. Грозный следовал другой схеме: царь поставлен Богом и только ему подсуден, подданные не могут тягаться с ним даже на Божьем суде.

Курбский во всеуслышание объявил, что в окружении царя уже появился Антихрист, подучивший царя лить боярскую кровь. Им был А. Д. Басманов, сын которого (по словам Курбского) стал интимным фаворитом Ивана IV. Возвышение Басмановых, вдохновителей начавшихся репрессий, вызвало возмущение не у одного Курбского. В Москве знатный дворянин Д. Овчина в ссоре упрекал младшего Басманова за разврат с государем. Оскорбленный Иван IV приказал убить Овчину. В послании Курбскому царь выражал уверенность, что, кроме сообщников беглого боярина (по заговору), нет на Руси людей, которые не были бы послушны своему государю. Но он вскоре убедился в своей ошибке. После незаконной расправы с Овчиной новый митрополит и руководители думы заявили протест и настойчиво просили царя прекратить казни. Ивана IV более всего поразило то, что в демарше участвовали лояльные ему бояре и глава церкви Афанасий, который много лет был духовником монарха.

Раздор царя со знатью разрастался со дня на день и в конце концов вылился в кровавую опричнину.

Введению опричнины предшествовали драматические события. С наступлением зимы 1564 г. царь Иван стал готовиться к отъезду из Москвы. Он посещал столичные церкви и монастыри и усердно молился в них. К

величайшему неудовольствию церковных властей он велел собрать и свезти в Кремль самые почитаемые иконы и прочую “святость”. В воскресенье, 3 декабря, Грозный присутствовал на богослужении в кремлевском Успенском соборе. После окончания службы он трогательно простился с митрополитом, членами Боярской думы, дьяками, дворянами и столичными гостями. На площади перед Кремлем уже стояли вереницы нагруженных повозок под охраной нескольких сот вооруженных дворян. Царская семья покинула столицу, увозя с собой всю московскую “святость” и всю государственную казну. Церковные сокровища и казна стали своего рода залогом в руках Грозного.

Царский выезд был необычен. Ближние люди, сопровождавшие Грозного, получили приказ забрать с собой семьи. Оставшиеся в Москве бояре и духовенство находились в полном неведении о замыслах царя и “в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо куды бяша”.

Царский “поезд” скитался в окрестностях Москвы в течение нескольких недель, пока не достиг укрепленной Александровской слободы. Отсюда в начале января царь известил митрополита и думу о том, что “от великие жалости сердца” он оставил свое государство и решил поселиться там, где “его, государя, Бог наставит”. Как можно предположить, в дни “скитаний” царь составил черновик своего завещания, в котором весьма откровенно объяснял причины отъезда из Москвы. А что по множеству беззаконий моих Божий гнев на меня распростерся, писал Иван, “изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам, а може Бог когда не оставит”. Царское завещание заключало в себе пространное “исповедание”, полное горьких признаний. Иван каялся во всевозможных грехах и заканчивал свое покаяние поразительными словами: “Аще и жив, но Богу скарედными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший... сего ради всеми

ненавидим есмь...”. Царь говорил о себе то, чего не смели произнести вслух его подданные.

В письме к Еоярской думе Иван IV четко объяснил причины своего отречения. Он покинул трон из-за раздора со знатью, боярами. В то время как члены думы и епископы сошлись на митрополичьем дворе и выслушали известие о царской на них опале, дьяки собрали на площади большую толпу и объявили ей об отречении Грозного. В прокламации к горожанам царь просил, чтобы “они себе некоторого сомнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет”. Объявляя об опале на власть имущих, царь как бы апеллировал к народу в своем споре с боярами. Он, не стесняясь, говорил о притеснениях и обидах, причиненных народу изменниками-боярами.

Среди членов Боярской думы были противники Грозного, пользовавшиеся большим влиянием. Но из-за общего негодования на “изменников” никто из них не осмелился поднять голос. Толпа на дворцовой площади прибывала час от часу, а ее поведение становилось все более угрожающим. Допущенные в митрополичьи покои представители купцов и горожан заявили, что останутся верны старой присяге, будут просить у царя защиты “от рук сильных” и готовы сами “потребить” всех государевых изменников.

Под давлением обстоятельств Боярская дума не только не приняла отречение Грозного, но и вынуждена была обратиться к нему с верноподданническим ходатайством. Представители митрополита и бояре, не теряя времени, выехали в слободу. Царь допустил к себе духовных лиц и в переговорах с ними заявил, что его решение окончательно. Но потом он “уступил” слезным мольбам близкого друга чудовского архимандрита Левкия и новгородского архиепископа Пимена. Затем в слободу допущены были руководители думы. Слобода производила впечатление военного лагеря. Бояр привели во дворец под сильной охраной как явных врагов. Вожди думы просили царя

сложить с них гнев и править государством, как ему “годно”.

В ответ Иван IV под предлогом якобы раскрытого им заговора потребовал от бояр предоставления ему неограниченной власти, на что они ответили согласием. На подготовку указа об опричнине ушло более месяца. В середине февраля царь вернулся в Москву и объявил думе и священному собору текст указа об опричнине.

В речи к думе Иван сказал, что для “охранения” своей жизни намерен “учинить” на своем государстве “опришнину” с двором, армией и территорией. Далее он заявил о передаче Московского государства (земщины) под управление Боярской думы и о присвоении себе неограниченных полномочий — права без совета с думой “опалиться” на “непослушных” бояр, права казнить их и отбирать в казну “животы” и “статки” опальных. При этом царь особенно настаивал на необходимости покончить со злоупотреблениями властей и прочими несправедливостями. В этом “тезисе” заключался, как это ни парадоксально, один из главных аргументов в пользу опричнины.

Члены думы связали себя обещаниями в дни династического кризиса. Теперь им оставалось лишь верноподданнически поблагодарить царя за заботу о государстве.

Распри с боярами завершились тем, что Иван IV взял несколько городов и уездов в личное владение и сформировал там охранный корпус — опричное войско, образовал отдельное правительство и стал управлять страной без совета с высшим государственным органом — Боярской думой, в которой заседала аристократия. Провинции, не попавшие в опришнину, получили название “земли” — “земщины”. Они остались под управлением “земских” правителей — бояр.

Вскоре после издания указа об опричнине власти вызвали в Москву всех дворян из Вяземского, Можайского,

Суздальского и нескольких мелких уездов. Опричная дума во главе с Басмановым придирчиво допрашивала каждого о его происхождении, о родословной жены и дружеских связях. В опричнину отбирали худородных дворян, не знавшихся с боярами. Аристократия взирала на “новодельных” опричных господ с презрением. Их называли не иначе как “нищими и косолапыми мужиками” и “скверными человеками”. Сам царь, находившийся во власти аристократических предрассудков, горько сетовал на то, что вынужден приближать мужиков и холопов. Впавшему впоследствии в немилость опричнику Василию Грязнову он писал: “...по грехом моим учинилось, и нам того как утаити, что отца нашего князя и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды”. При зачислении в государев удел каждый опричник клятвенно обещал разоблачать опасные замыслы, грозившие царю, и не молчать обо всем дурном, что узнает. Опричникам запрещалось общаться с земщиной. Они носили черную одежду, сшитую из грубых тканей, привязывали к поясу некое подобие метлы. Этот их отличительный знак символизировал стремление “вымести” из страны измену.

Опричнина явилась первым в русской истории воплощением самодержавия как системы неограниченного царского правления. Однако суждения о ней затруднены из-за крайней скудости источников и гибели всех опричных архивов.

Одни историки видели в опричнине мудрую реформу, имевшую целью покончить с могуществом знати и упрочить объединение страны. В глазах других — это бессмысленная и кровавая затея, не оказавшая на политические порядки никакого влияния.

Длительные споры о смысле и предназначении опричнины могут быть разрешены лишь с помощью новых фактов.

В летописном отчете об учреждении опричнины перечислено всего несколько бояр, подвергшихся преследованиям и

казням. При чтении летописи невольно возник вопрос, почему Иван IV не мог расправиться с кучкой не угодных ему лиц, не прибегая к дорогостоящей опричной затее, ибо организация опричных владений, особого опричного правительства и войска, размежевание земель потребовали огромных расходов.

В конце отчета официальный летописец кратко и невразумительно упомянул о том, что царь опалился (прогневался) на неких своих дворян, а “иных” (?) велел сослать “в вотчину свою в Казань на житье с женами и детьми”. Разрядные записи говорят об этом эпизоде значительно определеннее: в 1565 г. “послал государь в своей государево опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и дворян и детей боярских в Казань на житье...”. Разрядная запись укрепила подозрение, что официальный московский летописец (напомним, что летопись была взята из земщины в опричнину и, вероятно, подверглась там редактированию) крайне тенденциозно описал первые опричные деяния и что за мимоходом брошенным замечанием о казанской ссылке, возможно, скрыты важные и не известные ранее факты.

Чтобы определить характер и масштабы казанской ссылки, автор обратился к найденным в архиве писцовым книгам Казанского края. Эти книги помечены датой “7073 (1565) год”. Дата не оставляет сомнения в том, что писцы начали составлять писцовые книги Казани в самый момент учреждения опричнины. Значение архивной находки стало очевидным после того, как удалось доказать, что казанская опись была составлена в прямой связи с реализацией опричного указа о казанской ссылке.

До похода Ермака в Сибирь Казанский край был восточной окраиной Русского государства. Поэтому Иван Грозный и использовал Казань для ссылки. Первая ссылка носила патриархальный характер. Ссылные дворяне, лишившиеся своих родовых земель, стали мелкими помещиками

Казанского края. Обнаруженные писцовые книги — это точные, юридически зафиксированные данные о передаче земли опальным. Все ссыльные названы здесь по именам. Более половины из них носили княжеский титул. Крохотные казанские поместья не компенсировали им даже малой доли конфискованных у них земельных богатств.

Княжества Владимиро-Суздальской земли (Нижегородско-Суздальское, Ярославское, Ростовское и др.) давно тяготели к Москве, и их подчинение не сопровождалось продолжительной и кровавой войной. Поэтому местная титулованная знать избежала катастрофы, постигшей новгородскую аристократию. Князья суздальские, ярославские, ростовские, стародубские, связанные самым близким родством с правящей династией Калиты, перешли на московскую службу, сохранив значительную часть своих родовых вотчин.

В середине XVI в. более 280 представителей названных княжеских фамилий заседали в Боярской думе или служили по особым княжеским и дворовым спискам. Процесс дробления княжеских вотчин в XV — XVI вв. неизбежно привел к тому, что многие из них покинули пределы своих княжеств и перешли на поместья в другие уезды. Однако значительная часть потомков местных династий Северо-Восточной Руси продолжала сидеть крупными гнездами в районе Суздаля, Ярославля и Стародуба, удерживая в своих руках крупные земельные богатства. Суздальская знать была сильна не только своим количеством и вотчинами, но и тем, что в силу древней традиции она сохранила многообразные и прочные связи с массой местного дорянства, некогда вассального по отношению к местным династиям. Суздальская знать гордилась своим родством с правящей московской династией: все вместе они вели свое происхождение от владимирского великого князя Всеволода Большое Гнездо.

Потомки местных династий Северо-Восточной Руси не

забыли своего бывшего величия. В их среде сохранился наибольший запас политических настроений и традиций того времени, когда на Руси царили порядки феодальной раздробленности и им принадлежало безраздельное политическое господство.

Исторический парадокс состоял в том, что русская монархия, подчинив себе обширные земли и княжества, стала пленницей перебравшейся в Москву аристократии. Русское “самодержавие” конца XV — XVI в. было на деле ограниченной монархией с Боярской думой и боярской аристократией.

Именно суздальская аристократия — потомки местных династий Северо-Восточной Руси — ограничивала власть московского самодержца в наибольшей мере. Задумав ввести свое неограниченное правление, Иван Грозный нанес удар суздальской знати.

Среди потомков Всеволода Большое Гнездо самыми знатными считались князья Суздальские-Шуйские. Ко времени опричнины старшие бояре Шуйские сошли со сцены. В живых остался один князь Александр Горбатый-Суздальский. Он обладал суровым и непреклонным характером и не боялся перечить царю.

При введении опричнины Иван IV объявил главным изменником и государственным преступником князя А. Б. Горбатого-Суздальского. Будучи покорителем Казани и крупнейшим из русских военачальников, Горбатый обладал исключительной популярностью в стране и авторитетом в Боярской думе. “Изменник” Горбатый владел обширными вотчинами в Суздале и, видимо, имел много сторонников среди суздальских дворян. По этой причине царь велел выселить из Суздаля большее их число. Опричники уготовили Горбатуму страшную судьбу. Его казнили вместе с пятнадцатилетним сыном. Род князей Горбатовых был искоренен раз и навсегда.

Царь Иван подверг преследованиям влиятельных ростовских князей. Боярин князь Андрей Катырев-Ростовский отправился в ссылку в Казанский край. Бывший боярин Семен Ростовский, служивший воеводой в Нижнем Новгороде, был убит.

На Москве стояла зима, когда опричники учинили охоту на опальную знать. Около сотни князей ярославских, ростовских и стародубских были схвачены на воеводстве, в полках либо в сельских усадьбах и под конвоем отправлены в ссылку на казанскую окраину. Через несколько недель облава повторилась. На этот раз царь велел схватить жен и детей опальных, чтобы спешно везти их к мужьям на поселение. Членам семей разрешили взять с собой очень немного, лишь то, что они могли унести в руках. Прочее имущество вместе с усадьбами и вотчинами перешло в собственность казны.

Некогда Иван III отнял земли у новгородских бояр и переселил их в Московскую землю. Иван Грозный следовал примеру деда, но он решил сохранить для службы опальных князей, для чего велел наделить их крохотными поместьями. В мгновение ока высокородные господа превратились в мелких казанских помещиков.

Намеревался ли Иван Грозный целиком уничтожить свою “братию” — суздальских князей и их землевладение? Такое заключение было бы неверным. Накануне опричины службу при дворе несло более 280 князей из четырех родов суздальской знати. Из них в казанскую ссылку отправилось менее 100 семей.

Суздальская знать, а также князья Оболенские пользовались особой привилегией. Те из них, кто сохранил родовые вотчины на территории некогда принадлежавших им княжеств, проходили службу по особым княжеским спискам, подкреплявшим их право на первоочередное получение думных чинов, высших воеводских постов и пр. Князья,

перешедшие на поместья в другие уезды, служили вместе с уездным дворянством. Казанская ссылка, по мнению В. Б. Кобрин, не имела существенного значения: многие из ссыльных князей, в особенности ростовские, почти полностью лишились своих родовых вотчин задолго до опричнины. Факты опровергают такое мнение. Согласно списку Государева двора, 18 князей ростовских служили по княжескому списку, более 30 — по уездным спискам. Опричные судьи отправили в Казань подавляющую часть лиц, записанных в первый список, и лишь немногих людей из уездных помещиков. Таким образом, опричные меры ставили целью отобрать у ростовских князей оставшиеся у них родовые богатства. Преследование ярославских князей имело аналогичную цель. Несмотря на ограниченный характер конфискаций, опричина существенно подорвала влияние суздальской знати.

Становится понятным, зачем понадобились Ивану IV опричная гвардия и “удел” — своего рода государство в государстве. Посягнув на землевладение своей могущественной знати, царь ждал отпора и готовился вооруженной рукой подавить сопротивление в ее среде.

Опричина грозила России как политическими, так и социальными переменами. Монархия ощутила свое могущество и попыталась распространить контроль на всю сферу поземельных отношений. В итоге реформ был введен принцип обязательной службы как с поместий, так и с вотчин. Оставалось сделать последний шаг: подчинить вотчины тому же принципу государственного регулирования, что и государственные поместные земли. Потомки местных династий сохранили богатейшие родовые земли. Они-то и попали в поле зрения казны в первую очередь. По Уложению 1562 г. многим из княжеских фамилий запрещено было продавать и менять свои наследственные земли. Вотчины, унаследованные женами или отданные в приданое, отбирались в казну. Даже братья и племянники князя не могли наследовать его вотчины без особого разрешения

царя. Три года спустя Грозный приступил к насильственным конфискациям родовых вотчин у суздальских князей. Прежде никто не мог отобрать у знати ее вотчины без суда и решения Боярской думы. Теперь возник опасный прецедент. Лишив князей их вотчин, Иван IV перевел их на поместья в казанский край. Он присвоил себе право распоряжаться частной вотчиной совершенно так же, как и государственным поместьем. Насильственное вторжение в сферу вотчинной собственности вызвало коллизии, в конечном счете расстроившие весь общественный механизм и вылившиеся в террор.

Нетерпеливый самодержец явно переоценил свои силы. Возмущение сословия землевладельцев было столь велико, что Иван IV должен был признать провал своей затеи уже через год после введения опричнины. Он издал указ о “прощении” всех казанских ссыльных, вернул их из мест поселения и стал возвращать ранее конфискованные вотчины.

Почему опричнина потерпела крах уже через год после ее провозглашения?

В XVI в. государство не располагало ни регулярной армией, ни развитыми карательными органами, отделенными от феодального сословия. А потому монарх не мог проводить сколько-нибудь длительное время политику, грубо попиравшую материальные интересы верхов правящей знати. Нарушились традиционные взаимоотношения между монархией и господствующим сословием. Авторитет самодержца катастрофически упал. Тогда-то перед лицом всеобщего недовольства Иван IV и стал искать примирения со своими вассалами.

Русское государство вело трудную войну с Речью Посполитой из-за Ливонии, и правительство испытывало большие финансовые затруднения. В 1566 г. царь созвал Земский собор, рассчитывая добиться от земщины согласия

на введение новых налогов. С помощью собора он надеялся переложить на плечи земщины все бремя Ливонской войны. Соображения подобного рода заставили правительство пригласить на совещание купеческую верхушку. На долю купцов приходилась пятая часть общего числа членов собора, но они составляли самую низшую курию. Развитие соборной практики связано было с поисками политического компромисса.

Весна 1566 г. принесла с собой долгожданные перемены. Опричные казни прекратились, власти объявили о “прощении” опальных. Амнистия привела к радикальному изменению опричной земельной политики. Казна вынуждена была позаботиться о земельном обеспечении вернувшихся из ссылки княжат и взамен утраченных ими родовых вотчин стала отводить им новые земли. Но земель, хотя бы примерно равноценных княжеским вотчинам, оказалось недостаточно. И тогда сначала в отдельных случаях, а потом в более широких масштабах казна стала возвращать родовые земли, заметно запустевшие после изгнания их владельцев в Казань. Земельная политика опричнины утратила свою первоначальную антикняжескую направленность.

Ослабление княжеской знати неизбежно выдвигало на политическую авансцену слой правящего боярства, стоявший ступенью ниже. К нему принадлежали старомосковские боярские семьи Челядних, Бутурлиных, Захарьиных, Морозовых.

Руководители земщины оказались в сложном положении. Роль, отведенная им опричными временщиками, явно не могла удовлетворить их. Грубая и мелочная опека со стороны опричной думы, установившийся в стране режим насилия и произвола с неизбежностью вели к новому конфликту между царем и боярством.

Опричные земельные перетасовки причинили ущерб тем

земским дворянам, которые имели поместья в Суздале и Вязьме, но не были приняты на опричную службу. Эти дворяне потеряли земли “не в опале, а с городом вместе”. Они должны были получить равноценные поместья в земских уездах, но власти не обладали ни достаточным фондом населенных земель, ни гибким аппаратом, чтобы компенсировать выселенным дворянам утраченные владения. Земских дворян особенно тревожило то обстоятельство, что царь в соответствии с указом мог в любой момент забрать в опричину новые уезды, а это неизбежно привело бы к новым выселениям и конфискациям. Земщина негодовала на произвольные действия Грозного и его опричников. Учинив опричину, повествует летописец, царь “грады также разделил и многих выслаша из городов, кои взял в опричину, и из вотчин и из поместий старинных... И бысть в людях ненависть на царя от всех людей...”.

Старомосковское боярство и верхи дворянства составляли самую широкую политическую опору монархии. Когда эти слои втянулись в конфликт, стал неизбежен переход от ограниченных репрессий к массовому террору. Но весной 1566 г. подобная перспектива не казалась еще близкой. Прекращение казней и уступки со стороны опричных властей ободрили недовольных и породили повсеместно надежду на полную отмену опричины. Оппозицию поддержало влиятельное духовенство. 19 мая 1566 г. митрополит Афанасий в отсутствие царя демонстративно сложил с себя сан и удалился в Чудов монастырь.

Грозный поспешил в столицу и после совета с земцами предложил занять митрополичью кафедру Герману Полеву, казанскому архиепископу. Рассказывают, что Полев переехал на митрополичий двор, но пробыл там всего два дня. Будучи противником опричины, архиепископ пытался воздействовать на царя, “тихими и кроткими словесы его наказующе”. Когда содержание бесед стало известно членам опричной думы, те настояли на немедленном изгнании

Полева с митрополичьего двора. Бояре и земщина были возмущены бесцеремонным вмешательством опричников в церковные дела.

Распри с духовными властями, обладавшими большим авторитетом, поставили царя в трудное положение, и он должен был пойти на уступки в выборе нового кандидата в митрополиты. В Москву был спешно вызван игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Степанович Колычев). Филипп происходил из очень знатного старомосковского рода и обладал прочными связями в боярской среде. Его выдвинула, по-видимому, та группировка, которую возглавлял конюший И. П. Челяднин и которая пользовалась в то время наибольшим влиянием в земщине. Соловецкий игумен состоял в отдаленном родстве с конюшим. Как бы то ни было, с момента избрания в митрополиты Филипп полностью связал свою судьбу с судьбой боярина Челяднина. Колычев изъявил согласие занять митрополичий престол, но при этом категорически потребовал распустить опричнину. Поведение соловецкого игумена привело Грозного в ярость. Царь мог бы поступить с Филиппом так же, как и с архиепископом Германом. Но он не сделал этого, понимая, что духовенство до крайности раздражено изгнанием Полева. На исход дела повлияло, возможно, и то обстоятельство, что в опричной думе заседал двоюродный брат Колычева. 20 июля 1566 г. Филипп вынужден был публично отречься от своих требований и обязался “не вступаться” в опричнину и в царский “домовой обиход” и не оставлять митрополию из-за опричнины. Множество признаков указывало на то, что выступление Полева и Колычева не было единичным явлением и что за спиной церковной оппозиции стояли более могущественные политические силы. По крайней мере два источника различного происхождения содержат одинаковые сведения о том, что в разгар опричнины земские служилые люди обратились к царю с требованием об отмене опричного режима. Согласно московской летописи, царь навлек на себя проклятие “земли” “и биша ему челом и даша ему

челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти”. По словам переводчика царского лейб-медика Альберта Шлихтинга, земцы выразили протест против произвола опричных телохранителей, причинявших земщине нестерпимые обиды. Дворяне потребовали немедленного упразднения опричных порядков. Выступление служилых людей носило внушительный характер. В нем участвовало более 300 знатных лиц земщины, в том числе некоторые бояре-придворные. Протест против насилий опричнины исходил от членов созванного в Москве Земского собора.

По свидетельству А. Шлихтинга, царь отклонил ходатайство земских дворян и использовал чрезвычайные полномочия, предоставленные ему указом об опришнине, чтобы покарать земщину. 300 челобитчиков попали в тюрьму.

Правительство, однако, не могло держать в заключении цвет столичного дворянства, и уже на шестой день почти все узники получили свободу. 50 человек, признанных зачинщиками, подверглись торговой казни: их поколотили палками на рыночной площади. Нескольким урезали языки, а трех дворян обезглавили. Все трое казненных — князь В. Пронский, И. Карамышев и К. Бундов — незадолго до гибели участвовали в работе Земского собора.

Антиправительственное выступление дворян в Москве произвело столь внушительное впечатление, что царские дипломаты вынуждены были выступить со специальными разъяснениями за рубежом. По поводу казни членов Земского собора они заявили следующее: про тех лихих людей “государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо, и государь, сыскав по их вине, потому и казнити их велел”. Такова была официальная версия: требования земских служилых людей об отмене опричнины власти квалифицировали как покушение на безопасность царя и его “земли”.

Благодаря вмешательству духовенства конфликт был потушен. По-видимому, Филипп выхлопотал у царя

помилование для подавляющего большинства тех, кто подписал челобитную грамоту. После недолгого тюремного заключения они были выпущены на свободу без всякого наказания. Однако, сообщая обо всем этом, Шлихтинг делает важную оговорку: по прошествии непродолжительного времени царь вспомнил о тех, кто был отпущен на свободу, и подверг их опале. Это сообщение позволяет уточнить состав земской оппозиции, выступившей на соборе, поскольку вскоре после роспуска собора многие из его членов действительно подверглись казням и гонениям. В числе их оказался конюший боярин И. П. Челяднин-Федоров, к началу опричнины ставший одним из главных руководителей земской думы. По свидетельству современников, царь признавал его самым благоразумным среди бояр и вверял ему управление Москвой в свое отсутствие. На первом году опричнины Челяднин возглавил московскую семибоярщину. Боярин был одним из самых богатых людей своего времени, отличался честностью и не брал взяток, благодаря чему его любили в народе. Можно проследить за службой Челяднина месяц за месяцем, неделя за неделей вплоть до роковых дней роспуска Земского собора, когда в его судьбе наступил решительный перелом. Конюшего отстранили от руководства земщиной и отправили на воеводство в пограничную крепость Полоцк. Именно в этот момент польско-литовское правительство тайно предложило конюшему убежище, указывая на то, что царь желал над ним “кровопроливство вчинити”. Участие конюшего в выступлении против опричнины едва не стоило ему головы.

Царь был поражен не только масштабами земской оппозиции, но и тем, что протест исходил от наиболее лояльной части думы и руководства церкви. Грозный должен был наконец отдать себе отчет в том, что все попытки стабилизировать положение путем уступок потерпели неудачу. Социальная база правительства продолжала неуклонно сужаться.

Попытки политического компромисса не удались. Надежды на трансформацию опричных порядков умерли, едва родившись. Но эпоха компромисса оставила глубокий след в политическом развитии России. Озабоченное финансовыми проблемами, правительство пригласило на собор дворян, приказных и, наконец, купцов — подлинных представителей “земли”. Собор впервые приобрел черты Земского собора. Члены собора пошли навстречу пожеланиям властей и утвердили введение чрезвычайных налогов для продолжения войны. Однако взамен они потребовали от царя политических уступок — отмены опричнины.

Челобитье земских дворян разрушило все расчеты правительства. Новые насилия опричнины положили конец дальнейшему развитию практики земских соборов. После выступления членов собора власти не только не отменили опричнину, но и постарались укрепить ее изнутри. Царь забрал в опричнину Костромской уезд и устроил здесь перебор “людишек”, в результате которого примерно 2/3 местных дворян попало на опричную службу. Численность опричного охранного корпуса сразу увеличилась с 1 до 1,5 тыс. человек.

Правительство не только расширяло границы опричнины, но и с лихорадочной поспешностью укрепляло важнейшие опричные центры, строило замки и крепости. Сначала царь Иван задумал выстроить “особый” опричный двор внутри Кремля, но затем счел более благоразумным перенести свою резиденцию в опричную половину столицы, “за город”, как тогда говорили. В течение полугода на расстоянии ружейного выстрела от кремлевской стены, за Неглинной, вырос мощный замок. Его окружали каменные стены высотой в три сажени. Выходившие к Кремлю ворота, окованные железом, украшала фигура льва, раскрытая пасть которого была обращена в сторону земщины. Шпили замка венчали черные двуглавые орлы. Днем и ночью несколько сот опричных стрелков несли караулы на его стенах.

Замок на Неглинной недолго казался царю надежным убежищем. В Москве он чувствовал себя неуютно. В его голове родился план основания собственной опричной столицы в Вологде. Там он задумал выстроить мощную каменную крепость наподобие московского Кремля. Опричные власти приступили к немедленному осуществлению этого плана. За несколько лет была возведена главная юго-восточная стена крепости с десятью каменными башнями. Внутри крепости вырос грандиозный Успенский собор. Около 300 пушек, отлитых на московском пушечном дворе, доставлены были в Вологду и свалены там в кучу. 500 опричных стрельцов круглосуточно стерегли стены опричной столицы.

Наборы дворян в опричную армию, строительство замка у стен Кремля, сооружение грандиозной крепости в лесном вологодском краю на наибольшем удалении от границ и прочие военные приготовления не имели цели укрепления обороны страны от внешних врагов. Все дело заключалось в том, что царь и опричники боялись внутренней смуты и готовились силой подавить мятеж земских бояр.

Будущее не внушало уверенности мнительному самодержцу. Призрак смуты породил в его душе тревогу за собственную безопасность. Перспектива вынужденного отречения казалась все более реальной, и царь должен был взвесить свои шансы на спасение в случае неблагоприятного развития событий. В частности, Иван стал подумывать о монашеском клобуке. Будучи в Кириллове на богомолье, царь пригласил в уединенную келью нескольких старцев и в глубокой тайне поведал им о своих сокровенных помыслах. Через семь лет царь сам напомнил монахам об этом удивительном дне. Вы ведь помните, святые отцы, писал он, как некогда случилось мне прийти в вашу обитель и как я обрел среди темных и мрачных мыслей малую зарю света Божьего и повелел неким из вас, братии, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мятежа и смятения мирского; и в долгой беседе “аз грешный” вам

возвестил желание свое о пострижении: тут “возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душой, яко обретох узду помощи Божия своему невоздержанию и пристанище спасения”. Гордый самодержец пал в ноги игумену, и тот благословил его намерения. “И мне мнится, окаянному, что наполовину я уже чернец”, — так закончил царь Иван рассказ о своем посещении Кириллова.

Грозный постарался убедить монахов в серьезности своих слов. Он пожертвовал крупную сумму, с тем чтобы ему отвели в стенах обители отдельную келью. Келья была приготовлена немедленно, но царю это показалось недостаточным. Он решил готовиться к монашеской жизни, не откладывая дело на будущее. Так родилась затея, которую современники не могли объяснить и посчитали сумасбродной. “Начальные” люди опричины облеклись в иноческую одежду. Монашеский орден стал функционировать в Александровской слободе. Возвращаясь из карательных походов, опричная “братия” усердно пародировала монашескую жизнь. Рано поутру царь с фонарем в руке лез на колокольню, где его ждал “пономарь” Малюта Скуратов. Они трезвонили в колокола, созывая прочих “инок” в церковь. На “братьев”, не явившихся на молебен к четверем часам утра, царь-игумен накладывал епитимью. Служба продолжалась с небольшим перерывом от четырех до десяти часов. Иван с сыновьями усердно молился и пел в церковном хоре. Из церкви все отправлялись в трапезную. Каждый имел при себе ложку и блюдо. Пока “братья” питались, игумен смиренно стоял подле них. Недоеденную пищу опричники собирали со стола и раздавали нищим по выходе из трапезной. Так Иван монашествовал в течение нескольких дней, после чего возвращался к делам правления.

Несмотря на все старания сохранить в тайне содержание кирилловской беседы, слухи о намерениях царя дошли до земщины и произвели там сильное впечатление. Учреждение в слободе монашеского ордена подтвердило их

серьезность. Влиятельным силам земщины пострижение Грозного казалось лучшим выходом из создавшегося положения. Они не питали более сомнений насчет того, что без удаления царя Ивана нечего думать об уничтожении опричнины.

В действиях опричного правительства наметились признаки неуверенности и слабости. Неосторожными и двусмысленными речами в Кириллове царь дал богатую пищу для всевозможных толков в земщине. Всем памятно было первое отречение Грозного, и потому главным предметом споров в земщине стал вопрос, кто займет трон в случае, если царь оденется в монашескую рясу. Противники царя не желали видеть на троне тринадцатилетнего царевича Ивана, при котором отец мог в любой момент вновь взять бразды правления в свои руки. После наследника наибольшими правами на престол обладал Владимир Андреевич, внук Ивана III. Этот слабовольный и недалекий человек казался боярам приемлемым кандидатом. Они рассчитывали при нем вернуть себе прежнее влияние на дела государства.

Иван IV давно не доверял двоюродному брату и пытался надежно оградить себя от его интриг. Он заточил в монастырь его волевою и энергичную мать Ефросинию Старицкую, назначил в удел бояр, не вызывавших подозрений и, наконец, отобрал у брата родовое Старицкое княжество, дав ему взамен Дмитров и несколько других городов. Родственники княгини Ефросиний были изгнаны из Боярской думы. Один из них, боярин П. М. Щенятев, ушел в монастырь, но его забрали оттуда и заживо поджарили на большой железной сковороде.

Опричные гонения покончили с партией сторонников Старицкого в Боярской думе. Теперь князь Владимир не мог рассчитывать добиться царского титула при поддержке одних только своих приверженцев. В значительно большей мере судьба короны зависела от влиятельного боярства,

возглавлявшего земщину. В периоды междуцарствий управление осуществляла Боярская дума, представителями которой выступали старшие бояре думы — конюшие. По традиции конюшие становились местоблюстителями до вступления на трон нового государя. Немудрено, что раздор между царем и боярами и слухи о возможном пострижении государя не только вызвали призрак династического кризиса, но и поставили в центр борьбы фигуру конюшего Челяднина-Федорова. Благодаря многочисленным соглядатаям Грозный знал о настроениях земщины и нежелательных толках в думе. В свое время он сам велел включить в официальную летопись подробный рассказ о Заговоре бояр в пользу князя Владимира, который завершался многозначительной фразой: “.. .и оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Андреевичем, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость”. После Земского собора “смута и мятеж в боярех” приобрели более грозный, чем прежде, размах. Опасность смуты носила, видимо, реальный характер, поскольку опричная политика вызвала общее недовольство.

Слухи о заговоре в земщине не на шутку пугали царя Ивана, и . он стал подумывать об отъезде с семьей за границу. Подобные мысли приходили ему на ум и прежде, но теперь он перенес дело на практическую почву. В первых числах сентября 1567 г. Грозный вызвал в опричный дворец английского посланника Дженкинсона. Свидание было окружено глубокой тайной. Посол явился переодетым в русское платье. Его проводили в царские покои потайным ходом. Из всех советников Грозного один только Афанасий Вяземский присутствовал на секретном совещании. Поручения царя к английской королеве были столь необычны, а их разглашение чревато такими осложнениями, что посланнику запретили делать хоть какие-нибудь записи. Царь приказал Дженкинсону устно передать королеве “великие дела тайные”, но посланник ослушался и по возвращении в Лондон составил письменный отчет о беседе с царем. Как следует из отчета, царь просил королеву

предоставить ему убежище в Англии “для сбережения себя и своей семьи... пока беда не минует, Бог не устроит иначе”. Грозный не желал ронять свое достоинство и настаивал на том, чтобы договор о предоставлении убежища носил обоюдный характер. Но дипломатическая форма соглашения не могла никого обмануть. Несколько лет спустя царь напомнил англичанам о своем обращении к ним и отметил, что поводом к этому шагу было верное предвидение им изменчивого и опасного положения государей, которые наравне с самыми низшими людьми “подвержены переворотам”.

Тайные переговоры с английским двором недолго оставались секретом. Благодаря частым поездкам английских купцов в Россию вести о них проникли в столицу. Когда слухи достигли провинции, они приобрели вовсе фантастический характер. Псковский летописец записал, что некий злой волхв (английский еретик) подучил царя избить еще уцелевших бояр и бежать в “Аглицкую землю”. Малодушие Грозного вызвало замешательство опричников, понимавших, какая судьба уготована им в случае его бегства. Земские служилые люди, ждавшие упразднения опричнины, охотно верили любым благоприятным слухам.

Между тем Грозный занят был своими завоевательными планами. С наступлением осени он собрал все военные силы земщины и опричнины для покорения Ливонии. Поход только начался, как вдруг царь отменил его, спешно покинул армию и на перекладных помчался в Москву. Причиной внезапного отъезда было известие о заговоре в земщине.

Сведения о заговоре противоречивы и запутанны. Многие мемуаристы знали о нем понаслышке, и только двое — Г. Штаден и А. Шлихтинг — были очевидцами происшедших событий.

Штаден несколько лет служил переводчиком в одном из земских приказов, лично знал главу заговора конюшего

Челяднина и пользовался его расположением. Осведомленность его относительно настроений земщины не вызывает сомнений. По словам Штадена, у земских лопнуло терпение, они решили избрать на трон князя Владимира Андреевича, а царя с его опричниками истребить; они скрепили свой союз особой записью, но князь Владимир сам открыл царю заговор и все, что замышляли и готовили земские.

Шлихтинг, подобно Штадену, также служил переводчиком, но не в приказе, а в доме у личного медика царя. Вместе со своим господином он посещал опричный дворец и как переводчик участвовал в беседах доктора с Афанасием Вяземским, непосредственно руководившим расследованием “заговора”. Шлихтинг располагал самой обширной информацией, но, дважды касаясь вопроса о земском заговоре, он дал две противоположные и взаимоисключающие версии происшествия. В своей записке, озаглавленной “Новости”, Шлихтинг изобразил Челяднина злонамеренным заговорщиком, а в более подробном “Сказании” назвал его жертвой тирана, неповинной даже в дурных помыслах.

Историки заимствовали из писаний Шлихтинга либо одну, либо другую версию в зависимости от своей оценки опричнины. Какой же из них следует отдать предпочтение? Ответить на этот вопрос можно лишь после исследования обстоятельств, побудивших Шлихтинга взяться за перо. Свои “Новости” беглец продиктовал сразу после перехода русско-литовской границы. Он кратко изложил наиболее важные из известных ему сведений фактического порядка. Все это придает источнику особую ценность. “Сказания” были написаны автором позже по прямому заданию польского правительства. Оценив осведомленность Шлихтинга насчет московских дел, королевские чиновники решили использовать его знания в дипломатических акциях против России. Когда папа римский направил к царю посла с целью склонить его к войне с турками, король задержал папского

посла в Варшаве и, чтобы отбить у него охоту к поездке в Москву, велел вручить ему “Сказания” Шлихтинга. Памфлет был переслан затем в Рим и произвел там сильное впечатление. Папа велел немедленно прервать дипломатические отношения с московским тираном. Оплаченное королевским золотом сочинение Шлихтинга попало в цель. В соответствии с полученным заданием Шлихтинг всячески чернил царя, не останавливаясь перед прямой клеветой. В “Сказаниях” он сознательно фальсифицировал известные ему факты о заговоре Челяднина. Однако, не желая жертвовать истиной вовсе, Шлихтинг незаметно попытался опровергнуть собственную ложь. При описании новгородского погрома он мимоходом бросает многозначительную фразу: “И если бы польский король не вернулся в Радошковичи и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено”. Это замечание не имело никакого отношения к новгородскому походу, зато оно непосредственно касалось заговора Челяднина: ведь именно во время прерванного похода царя в Ливонию король выступил в Радошковичи в ожидании того, что заговорщики выдадут ему царя, когда армии сойдутся. Слова Шлихтинга неопровержимо доказывают, что и в “Сказаниях” он не отступил от первоначальной версии о заговоре в земщине.

Историков давно занимал вопрос: мнимые или подлинные заговоры лежали у истоков опричного террора? Два современника, два непосредственных очевидца событий единодушно, как теперь выяснено, свидетельствовали в пользу подлинности заговора. Но можно ли доверять их словам? Не следует ли прежде выяснить, какими источниками информации пользовались эти очевидцы? Ответить на поставленный вопрос не так уж и трудно. И Шлихтинг, и Штаден служили в опричнине и черпали сведения в опричных кругах, где взгляд на события соответствовал сугубо официальной точке зрения. Противоположную версию передавали неофициальные летописи земского происхождения. Их авторы в отличие от

опричников утверждали, что заговора как такового в земщине не было, что все сводилось лишь к неосторожным разговорам: недовольные земские люди “уклонялись” в сторону князя Владимира Андреевича, лихие люди выдали их речи царю, и недовольные “по грехом словесы своими погибоша”.

Выяснить, где кончались крамольные речи и начинался подлинный заговор, никогда не удастся — историк в состоянии воссоздать ход событий лишь предположительно. Недовольство земщины носило вполне реальный характер. Исчерпав легальные возможности борьбы с опричниной и убедившись в том, что царь не намерен отменить опричный режим, земцы втайне стали обсуждать вопрос о будущем трона. Рано или поздно противники царя должны были посвятить в свои планы единственного претендента, обладавшего законными правами на трон, князя Владимира Андреевича. Последний, оказавшись в двусмысленном положении, попытался спасти себя доносом. Во время похода в Ливонию он передал царю разговоры, которые вели в его присутствии недовольные бояре. Царь увидел в его словах непосредственную угрозу для себя, начало боярской крамолы, которой он боялся и давно ждал.

Не располагая уликами против “заговорщиков”, царь прибегнул к провокации. По его приказу удельный князь Владимир посетил ничего не подозревавшего Челяднина и по-дружески попросил его составить список лиц, на поддержку которых он сможет рассчитывать. В списке Челяднина записалось 30 человек, старавшихся снискать расположение претендента на трон.

Коварно “изобличив” недовольных, царь приступил к разгрому “заговора”. Опричники начали с того, что взыскали с конюшего огромную денежную контрибуцию, а самого его сослали в Коломну. Многие его сообщники были тотчас же казнены. Начался трехлетний период кровавого опричного террора. Под тяжестью террора умолкли московские

летописи. Грозный затребовал к себе в слободу текущие летописные записи и черновики и, по-видимому, больше не вернул их Посольскому приказу. Опричина положила конец культурной традиции, имевшей многовековую историю. Следы русского летописания затерялись в опричной Александровской слободе.

В истории России настала мрачная пора, от которой сохранилось совсем мало летописных известий. В Москве перестали вести официальную летопись. Записки иностранцев того времени можно сравнить лишь с кривыми зеркалами. Архивы с опричной документацией безвозвратно погибли. Все попытки найти новые документы и факты оказались безуспешными, и тогда пришлось сосредоточить все усилия на критической обработке источников с помощью новейших источниковедческих методов. В конце жизни Иван IV объявил о прощении всех казненных им бояр и прочих лиц и пожертвовал на помин их душ огромные суммы. Перечни казненных были разосланы в десятки монастырей в качестве поминальных списков, или синодиков. Со времен Н. М. Карамзина историки охотно обращались к синодикам, но их использование затруднялось тем, что подлинники их не сохранились. Судить о синодиках можно было лишь по поздним, до неузнаваемости искаженным монастырским копиям. С. Б. Веселовский первым высказал предположение, что дьяки составляли приказной" список казненных на основе подлинных документов опричины. Отказавшись от задачи реконструкции приказного списка, С. Б. Веселовский ограничился тем, что составил алфавитный список казненных. Его окончательный вывод сводился к тому, что синодик включает в себе нехронологический и весьма неполный список опальных.

Применение новейших методов текстологии позволило реконструировать оригинал синодика на основе множества поздних испорченных монастырских списков. Трудности реконструкции заключались в том, что поздние списки очень мало походили друг на друга. В разных монастырях были

утрачены разные страницы синодика, а уцелевшие страницы были перемешаны самым причудливым образом. К тому же монахи произвольно сокращали текст при переписках.

Ключ к реконструкции синодика дало несложное текстуальное наблюдение: опальные с необычным именем записаны в разных списках в окружении одних и тех же лиц. Возникло предположение, что эти тождественные куски текста являются осколками оригинала, уцелевшими при утрате и перестановке страниц. Понадобилось немало времени, чтобы выявить сходные отрывки текста в двадцати известных ранее и вновь выявленных списках синодика. Самым важным был вопрос: в каком порядке располагались выявленные “осколки” в протографе? Решить его помог синодик нижегородского Печерского монастыря. Это единственный список, составленный еще при жизни Грозного. Но исследователи не придавали ему никакого значения по той простой причине, что в нем записаны одни имена (без фамилий), причем добрая половина из них — Иваны. Печерский синодик полностью подтвердил результаты предшествующей текстологической работы: выявленные по другим спискам тождественные отрывки строго соответствовали печерскому тексту. Таким образом, печерский список позволил завершить реконструкцию протографа синодика. По разным спискам удалось расшифровать фамилии всех опальных, кроме трех лиц, а также восстановить множество сведений о месте и обстоятельствах гибели многих из них.

Проверка всех этих данных обнаружила поразительный факт: синодик заключал в себе полный хронологический перечень всех казненных за три года террора в 1567 — 1570 гг. Как объяснить этот факт? Список казненных был составлен явно не по памяти: дьякам пришлось идти в архив, чтобы выполнить приказ Ивана IV. Тогда опричный архив еще находился в полном порядке. Стержнем опричной политики в 1567 — 1570 гг. был грандиозный политический процесс об измене в пользу удельного князя Владимира

Андреевича Старицкого. Дьяки старательно законспектировали документацию этого процесса, сохранив во многих случаях язык и цифры опричных судебных отчетов. Реконструкция оригинала синодика позволила решить сложную и важную источниковедческую задачу — воскресить опричный архив, безвозвратно погибший после смерти Грозного. Тем самым была создана основа для оценки самого темного периода в истории опричнины.

События, связанные с эпохой террора, развивались следующим образом. После возвращения из неудавшегося ливонского похода царь казнил нескольких видных дворян — родственников Владимира Андреевича, скомпрометированных его доносом.

Начавшиеся казни вызвали резкий протест со стороны высшего духовенства. Митрополит Филипп посетил царя и долго беседовал с ним наедине. Убедившись в тщетности увещеваний, он улучил момент, когда Грозный со своей свитой явился на богослужение в кремлевский Успенский собор, и при большом стечении народа произнес проповедь о необходимости упразднить опричнину. Кремлевский инцидент кратко и точно передан новгородским летописцем: 22 марта 1568 г. “учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнины”. Благочиние церковной службы было нарушено. Не получив благословения, царь Иван в ярости стукнул посохом оземь и пригрозил митрополиту, а заодно и всей “земле” суровыми карами. “Я был слишком мягок к вам, но теперь вы у меня взвоете!” — будто бы произнес он. На другой день о столкновении царя с митрополитом говорила вся столица.

Протест Филиппа стал симптомом окончательного падения престижа царя в земщине. Приспешники Грозного настоятельно убеждали его прибегнуть к насилию, поскольку в обстановке острого внутреннего кризиса всякое проявление слабости могло иметь для властей катастрофические последствия.

Филипп нарушил клятву “не вступаться в опричнину” и должен был понести наказание. Опричники схватили, его бояр и, водя по улицам Москвы, забили насмерть железными палицами. Очевидно, раздор с митрополитом побудил царя отдать давно подготовленный приказ о расправе с “заговорщиками”.

В соответствии с официальной версией, конюший Челяднин готовился произвести переворот с помощью своих многочисленных слуг и подданных, будто бы посвященных в план заговора. Немудрено, что опричники подвергли вооруженную свиту конюшего и его челядь беспощадному истреблению. Царские телохранители совершили несколько карательных походов во владения Челяднина. Ближние вотчины конюшего разгромил Малюта Скуратов. Заслуги палача были оценены должным образом, и с этого момента началось его быстрое возвышение в опричнине. После разгрома ближних вотчин настала очередь дальних владений. Челяднин был одним из самых богатых людей своего времени. Ему принадлежали обширные владения в Бежецком Верху неподалеку от Твери. Туда царь явился собственной персоной со всей опричной силой. При разгроме боярского двора “кромешники” посекли боярских слуг саблями, а прочую челядь и домочадцев согнали в сарай и взорвали на воздух порохом. Об этих казнях повествует следующая документальная запись синодика: “В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек да 12 человек скончавшихся ручным усечением”.

Погром не прекращался в течение нескольких месяцев — с марта по июль. Летом опричники подвели своеобразный итог своей деятельности со времени раскрытия “заговора”. “Отделано 369 человек и всего отделано июля по 6-е число” — читаем в синодике. Примерно 300 человек из указанных в “отчете” были боярскими слугами и холопами.

Непрекращавшееся кровопролитие обострило конфликт

между царем и церковью. Следуя примеру митрополита Афанасия, Филипп в знак протеста против действий царя покинул свою резиденцию в Кремле и демонстративно переселился в один из столичных монастырей. Однако в отличие от своего безвольного предшественника Колычев отказался сложить сан митрополита.

Открытый раздор с главой церкви ставил Грозного в исключительно трудное положение. Он вынужден был удалиться в слободу и заняться там подготовкой суда над Филиппом. Опричные власти поспешили вызвать из Новгорода преданного царю архиепископа Пимена. Специально подобранная из опричников и духовных лиц комиссия произвела розыск о жизни Филиппа в Соловецком монастыре и с помощью угроз и подкупа получила показания, порочившие бывшего игумена. Состряпанное комиссией обвинение оказалось все же столь сомнительным, что самый авторитетный член комиссии епископ Пафнутий отказался подписать его. Противодействие епископа грозило сорвать суд над Филиппом. Исход дела должно было определить теперь обсуждение в Боярской думе, многие члены которой сочувствовали Колычеву.

Конфликт достиг критической фазы. 11 сентября 1568 г. Грозный отдал приказ о казни четырех бояр и окольных. При разгроме “заговора” Челяднина пролилось значительно больше крови, чем в первые месяцы опричнины. На основании записей синодика можно установить, что с конюшим погибло до 150 дворян и приказных людей и вдвое большее число их слуг и холопов. Репрессии носили в целом беспорядочный характер. Хватали без разбора друзей и знакомых Челяднина, уцелевших сторонников Адашева, родню находившихся в эмиграции дворян и т. д. “Побивали” всех, кто осмеливался протестовать против опричнины. Недовольных же было более чем достаточно, и они вовсе не хотели молчать. Записанный в синодик дворянин Митнев, будучи на пиру во дворце, бросил в лицо царю резкий упрек: “Царь, воистину яко сам пиешь, так и нас принуждаешь,

окаянный, мед, с кровию смешанный братии наших... пити!”. Тут же во дворце он был убит опричниками. Помимо дворян, пострадавших от опричных выселении, недовольство выражали казанские ссыльные, разоренные конфискацией родовых вотчин. Полоса амнистий безвозвратно миновала, и теперь некоторые из “прощенных” княжат были убиты. В числе их были трое Хохолковых, Ф. И. Троекуров, Д. В. Ушатый и Д. Ю. Сицкий. Расправы с княжеской знатью были осуществлены как бы мимоходом: большинство репрессированных принадлежало к нетитулованному дворянству.

Самыми видными подсудимыми на процессе о “заговоре” в земщине были члены знатнейших старомосковских нетитулованных фамилий — И. П. Челяднин, Шеины-Морозовы, Сабуровы, Карповы, казначей Х. Ю. Тютин, несколько видных дьяков, а также бывшие старицкие вассалы В. Н. Борисов, И. Б. Колычев, Ф. Р. Образцов. Невозможно поверить тому, что все казненные были участниками единого заговора. Подлинные сторонники Старицкого уже покинули политическую сцену. Что же касается Челяднина, то он в дни династического кризиса 1553 г. выступал решительным противником князя Владимира и более всех других способствовал его разоблачению. Окольничий М. И. Колычев также доказал свою лояльность в деле Старицких. Недаром он был послан в Горицкий монастырь для надзора за Ефросинией Старицкой тотчас после ее пострижения.

Обвинение насчет связей с “крамольником” князем Владимиром служили не более чем предлогом для расправы с влиятельными боярскими кругами, способными оказать сопротивление опричной политике. Попытки открыли перед властями путь к подтверждению вымышленных обвинений. Арестованных заставляли называть имена “сообщников”. Оговоренных людей казнили без суда. Исключение было сделано только для конюшего И. П. Челяднина и для М. И. Колычева. Впрочем, их судили скорым судом. Царь собрал в

парадных покоях большого кремлевского дворца членов думы и столичное дворянство и велел привести осужденных. Конюшему он приказал облечься в царские одежды и сесть на трон. Преклонив колени, Грозный напутствовал несчастного иронической речью: “Ты хотел занять мое место, и вот ныне ты великий князь, наслаждайся владычеством, которого жаждал!”. Затем по условному знаку опричники убили конюшего, выволокли его труп из дворца и бросили в навозную кучу. Фарс, устроенный в Кремле, и вымыслы по поводу того, что конюший домогался короны, показали, что опричному правительству не удалось доказать выдвинутые против него обвинения. Главные “сообщники” Челяднина — нарвский воевода окольник М. М. Лыков, свияжский воевода боярин А. И. Катырев и казанский воевода Ф. И. Троекуров — были казнены без судебной процедуры.

Как правило, следствие проводилось в строгой тайне, и смертные приговоры выносились заочно. Осужденных убивали дома или на улице, на трупе оставляли краткую записку. Таким образом “преступления заговорщиков” доводились до всеобщего сведения.

Гибель Челяднина решила судьбу Филиппа. Вернувшись с Соловков следственная комиссия представила боярам материалы о “порочной жизни” митрополита. Оппозиция в думе была обезглавлена, и никто не осмелился высказать вслух свои сомнения. Покорно следуя воле царя, земская Боярская дума вынесла решение о суде над главою церкви. Чтобы запугать Филиппа, царь послал ему в монастырь зашитую в кожаный мешок голову окольного М. И. Колычева, его троюродного брата. Филиппа судили в присутствии Боярской думы и высшего духовенства. Филипп отверг все обвинения и попытался прекратить судебное разбирательство. Он объявил о том, что слагает с себя сан по своей воле. Царь отказался признать отречение. Он не забыл пережитого унижения и желал скомпрометировать опального главу церкви в глазах народа.

Филипп вынужден был служить службу после того, как соборный суд вынес ему приговор. В середине службы в Успенский собор ворвались опричники. При общем замешательстве Басманов огласил соборный приговор, порочивший митрополита. С Колычева содрали клобук и мантию, бросили его в простые сани и увезли в Богоявленский монастырь. Признанный виновным в “скарредных делах”, Колычев по церковным законам подлежал сожжению, но Грозный заменил казнь вечным заточением в монастырской тюрьме.

Смолкли голоса недовольных в земщине. На страну опустилась мгла. Не только мнимых заговорщиков, но и всех заподозренных в сочувствии им постигала суровая кара. Вожди опричины торжествовали победу. Но ближайшие события показали, что их торжество было преждевременным. Прошел год, и усиливавшийся террор поглотил не только противников опричины, но и тех, кто стоял у ее колыбели.

Из-за раздора с митрополитом Грозный покинул столицу и переселился в Александровскую слободу, затерянную среди густых лесов и болот. Так он жил затворником за прочными и высокими стенами вновь выстроенного “града”. Подступы к слободе охраняла усиленная стража. Никто не мог проникнуть в царскую резиденцию без специального пропуска — “памяти”. Вместе с Иваном IV в слободе обосновалась вся опричная дума. Там “кромешники” принимали иностранных послов и вершили важнейшие дела, а в свободное от службы время монашествовали. Перемены в московском правлении были разительными, и царские дипломаты получили приказ объяснять иноземцам, что русский царь уехал в “село” по своей воле “для своего прохлады”, что его резиденция в “селе” расположена вблизи Москвы, поэтому царь “государство свое правит и на Москве и в слободе”. В действительности Грозный не “прохлаждался”, а прятался в слободе, гонимый страхом перед боярской крамолой. Под влиянием страха царь велел

сыновьям передать очень крупные суммы денег в Кириллов монастырь на устройство келий. Теперь в случае необходимости вся царская семья могла укрыться в стенах затерянного среди дремучих лесов монастыря. Во время очередного посещения Вологды Иван IV распорядился ускорить строительство опричной крепости. Одновременно он успешно завершил переговоры с послом Рандольфом о предоставлении его семье убежища в Англии.

Тщательно наблюдая за положением дел в стране, Грозный и его приспешники повсюду видели признаки надвигающейся беды. Царь был уверен, что лишь случай помог ему избежать литовского плена. Между тем король с помощью эмигрантов продолжал вести тайную войну против России. В начале 1569 г. немногочисленный литовский отряд при загадочных обстоятельствах захватил важный опорный пункт обороны на северо-западе — неприступную Изборскую крепость. Глухой ночью изменник Т. Тетерин, переодевшись в опричные одежды, велел страже открыть ворота Изборска. После освобождения этой крепости опричники объявили изборских подьячих сообщниками Тетерина и предали их казни, что засвидетельствовано синодиком.

Изборская измена бросила тень на всю приказную администрацию и жителей Пскова и Новгорода. Возникло подозрение, что Псков и Новгород последуют примеру Изборска. Чтобы предотвратить измену, опричные власти отдали приказ о выселении всех неблагонадежных лиц из новгородской и псковской земли. В результате было выселено 500 семей из Пскова и 150 семей из Новгорода. В изгнание отправилось примерно 2 — 3 тысячи горожан, считая женщин и детей. Затяжное Грозным переселение напоминало аналогичные меры его деда. Но если Иван III подверг гонениям привилегированные новгородские верхи, то Иван IV обрушился на средние и низшие слои. Незадолго до выселения горожан царь Иван получил от своих послов подробную информацию о перевороте в Швеции, в результате которого его союзник Эрик XIV был свергнут с

престола. Шведские события усилили собственные страхи царя. Сходство ситуаций было разительным. Эрик XIV, по словам царских послов, казнил много знатных дворян, после чего стал бояться “от своих бояр убивства”. Опасаясь мятежа, он тайно просил царских послов взять его на Русь. Произошло это в то самое время, когда царь Иван втайне готовился бежать в Англию. Полученная в Вологде информация, по-видимому, повлияла на исход изборского следствия. Псковские впечатления причудливо сплелись со шведскими в единое целое. Послы уведомили царя, что накануне мятежа Эрик XIV просил находившихся в Стокгольме русских послов “проведывати про стекольских (стокгольмских) людей про посадских измену, что оне хотят королю изменить, а город хотят здати королевичем”, т. е. королевским братьям. В конце концов измена стокгольмского посада погубила шведского короля.

Руководители опричнины, напуганные изборской изменой, стали исходить из предположения, что посадские люди Пскова и Новгорода готовы последовать примеру Стокгольма и поддержать любой антиправительственный мятеж. Роль мятежных шведских герцогов должен был сыграть на Руси князь Владимир Андреевич. Он и его отец держали в Новгороде двор-резиденцию, имели там вассалов и, будучи соседями новгородцев, пользовались их симпатиями. Подозрения насчет сговора Старицкого с Новгородом подкреплялись и тем, что некоторые новгородские помещики были незадолго до того казнены как сообщники конюшего И. П. Челяднина-Федорова.

Подозрения и страхи по поводу изборских событий и шведские известия предрешили судьбу Старицких. Царь вознамерился покончить раз и навсегда с опасностью мятежа со стороны брата. Такое решение выдвинуло перед Иваном некоторые проблемы морального порядка. Братоубийство считалось худшим преступлением, и царь не без колебаний решился на него. Прежние провинности князя Владимира казались недостаточными, чтобы оправдать

осуждение его на смерть. Нужны были более веские улики. Вскоре они нашлись. Опричные судьи сфабриковали версию о покушении князя Владимира на жизнь царя. Версия нимало не соответствовала характерам действующих лиц и поражала своей нелепостью. Современники, наблюдавшие процедуру собственными глазами, замечают, что к расследованию были привлечены в качестве свидетелей ближайшие льстецы, прихлебатели и палачи, что и обеспечило необходимый результат.

После гибели конюшего Челяднина князь Владимир был отослан с полками в Нижний Новгород. Опричники задались целью доказать, будто опальный князь замыслил отравить царя и всю его семью. Они арестовали дворцового повара, ездившего в Нижний Новгород за белорыбицей для царского стола, и обвинили его в преступном сговоре с братом царя. При поваре “найден” был порошок, объявленный ядом, и крупная сумма денег, якобы переданная ему Владимиром Андреевичем. Уже после расправы со Старицкими власти официально заявили о том, что Владимир с матерью хотели “испортить” государя и государевых детей. Инсценированное опричниками покушение на жизнь царя послужило предлогом для неслыханно жестоких гонений и погромов.

Грозный считал тетку душой всех интриг, направленных против него. Неудивительно, что он первым делом распорядился забрать Ефросинию Старицкую из Горицкого монастыря. Многолетняя семейная ссора разрешилась кровавым финалом. По-видимому, из-за отсутствия доказательств причастности Ефросинии к новгородскому “заговору” Иван IV велел отравить опальную угарным газом, в то время как ее везли на речных стругах по Шексне в слободу.

Князь Владимир в те же самые дни получил приказ покинуть Нижний Новгород и прибыть в слободу. На последней ямской станции перед слободой лагерь Владимира Андреевича был внезапно окружен опричными войсками. В шатер к

удельному князю явились опричные судьи Малюта Скуратов и Василий Грязной и объявили, что царь считает его не братом, но врагом. После короткого разбирательства Владимир Андреевич и его семья были осуждены на смерть. Из родственного лицемерия царь не пожелал прибегнуть к услугам палача и принудил брата к самоубийству. Безвольный Владимир, запуганный и сломленный морально, выпил кубок с отравленным вином. Вторым браком Владимир был женат на двоюродной сестре беглого боярина Курбского. Мстительный царь велел отравить ее вместе с девятилетней дочерью. Царь, однако, пощадил старших детей князя Владимира — наследника княжича Василия и двух дочерей от первого брака. Спустя некоторое время он вернул племяннику отцовский удел.

Записи синодика опальных помогают воссоздать картину гибели Старицких во всех подробностях. Синодик показывает, что главные свидетели обвинения, повар Молява с сыновьями и рыболовы, якобы участвовавшие в нижегородском заговоре, были убиты до окончания суда над удельным князем. Источники, таким образом, опровергают версию опричников Таубе и Крузе, будто свидетели с самого начала вошли в тайный сговор с опричными судьями и их лишь для вида брали к пытке. Вместе со свидетелями обвинения палачи казнили новгородского подьячего А. Связева, показания которого положили начало более широкому расследованию новгородской измены. Как видно из дела, хранившегося в царском архиве, Связева погубил донос из земщины. Донос был доставлен в опричнину земским дьяком В. Степановым, который пережил Связева всего на полгода.

Учиненный после казни Старицких разгром Новгорода ошеломил современников. Мало кто знал правду о причинах трагедии: с самого начала новгородское дело окружено было глубокой тайной. Опричная дума приняла решение о походе на Новгород в декабре 1569 г. Царь созвал в Александровской слободе все опричное воинство и объявил

ему весть о “великой измене” новгородцев. Не мешкая, войска двинулись к Новгороду. 8 января 1570 г. царь прибыл в древний город. На Волховском мосту его встречало духовенство с крестами и иконами. Но торжество было испорчено в первые же минуты. Царь назвал местного архиепископа Пимена изменником и отказался принять от него благословение. Будучи человеком благочестивым, царь не пожелал пропустить службу. Церковники должны были служить обедню, невзирая на общее замешательство. После службы Пимен повел гостей в палаты “хлеба ясти”. Коротким оказался этот невеселый пир. Возопив гласом великим “с яростью”, царь велел страже схватить хозяина и разорить его подворье. Опричники ограбили Софийский собор, забрали драгоценную церковную утварь и иконы, выломали древние “Корсунские врата”. Грабя Софийский дом, Иван IV как бы завершил вековую борьбу с новгородским православием, которую начали московские иерархи после завоевания Новгорода. Новгородская епархия была древнейшей на Руси. Предания о корсунских древностях, отметил А.Поппе, должны были подкрепить претензии новгородских владык на особое место в русской церковной иерархии. Князь Владимир Киевский крестился в Корсунь. Там началась “Святая Русь”. Согласно новгородскому преданию, первый епископ прибыл в Новгород из Корсуня и оттуда же была привезена одна из самых знаменитых софийских реликвий — “Корсунские врата”. (В действительности врата были изготовлены в Магдебурге в 1153 г. и привезены в Новгород из Западной Европы). Отбирая у Софийского дома “Корсунские врата” и некоторые старинные иконы, царь стремился искоренить доказательства древности и самобытности местной церкви.

После разграбления главного храма опричники арестовали слуг архиепископа и многих должностных лиц Новгорода и увезли их в царский лагерь на Городище.

Последующие расправы подробно описаны неизвестным новгородцем, автором “Повести о гибели Новгорода”,

сохранившейся в составе новгородской летописи. Немецкий источник о разгроме Новгорода, составленный на основании показаний очевидцев и опубликованный уже в 1572 г. во Франкфурте-на-Майне, рисует картину опричных деяний, в деталях совпадающую с летописной. Опричные судьи вели дознание с помощью жесточайших пыток. Согласно новгородскому источнику, опальных жгли на огне “некоею составною мукою огненной”. Немецкий источник добавляет, что новгородцев “подвешивали за руки и поджигали у них на челе пламя”. Оба источника утверждают, что замученных привязывали к саням длинной веревкой, волокли через весь город к Волхову и спускали под лед. Избивали не только подозреваемых в измене, но и членов их семей. Связанных женщин и детей бросали в воду и заталкивали под лед палками.

Летописец весьма точно определяет круг лиц, привлеченных к дознанию на Городище. Опричники допросили архиепископских бояр, многих новгородских служилых людей — детей боярских, а также гостей и купцов. Жертвами судилища стало примерно 200 дворян и более 100 домочадцев, 45 дьяков и приказных и столько же членов их семей.

Суд над главными новгородскими “заговорщиками” в царском лагере на Городище явился центральным эпизодом всего новгородского похода. По-видимому, суд на Городище продолжался три-четыре недели и завершился в конце января. С этого момента новгородское дело вступило во вторую фазу. Описав расправу на Городище, местный летописец замечает: “По окончании того государь со своими воинскими людьми начат ездити около Великого Новгорода по монастырям”.

Считая вину черного духовенства доказанной, царь решил посетить главнейшие из монастырей в окрестностях города не ради богомолья, а для того, чтобы самолично присутствовать при изъятии казны, заблаговременно

опечатанной опричниками. Сопровождавший царя Г. Штаден писал: “Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству”. Опричники забирали деньги, грабили кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство, секли скотину. Настоятелей и соборных старцев били по пяткам палками с утра до вечера, требуя с них особую мзду. В итоге опричного разгрома духовенство было ограблено до нитки. В опричную казну перешли бесценные сокровища Софийского дома. По данным новгородских летописей, опричники конфисковали казну у 27 старейших монастырей. В некоторых из них Грозный побывал лично. Царский объезд занял самое малое несколько дней, может быть, неделю.

Участники опричного похода и новгородские авторы-очевидцы единодушно свидетельствуют о том, что новгородский посад жил своей обычной жизнью, пока царь занят был судом на Городище и монастырями. В это время нормально функционировали городские рынки, на которых опричники имели возможность продавать награбленное имущество. Положение изменилось после окончания суда и монастырского объезда.

Внимательное чтение источников опровергает традиционное представление, будто опричники пять-шесть недель непрерывно громили посад. На самом деле царь закончил суд над монахами за несколько дней до отъезда в Псков. В эти дни опричники и произвели форменное нападение на город. Они разграбили новгородский торг и поделили самое ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лен, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров, предназначенные для торговли с Западом. Ограблению подверглись не только торги, но и дома посадских людей. Опричники ломали ворота, выставляли двери, били окна. Горожан, которые пытались противиться насилию, убивали на месте, с особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в

Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь велел выгнать их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода.

Опричные санкции против посада преследовали две основные цели: пополнить опричную казну и терроризировать низшие слои городского населения, чтобы ослабить опасность народного возмущения. В истории кровавых “подвигов” опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного населения сделали самое понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

Разделавшись с новгородцами, опричное воинство двинулось к Пскову. Жители этого города поспешили выразить полную покорность. Вдоль улиц, по которым должен был проследовать царский кортеж, стояли столы с хлебом-солью. Царь не пощадил Пскова, но всю ярость обрушил на местное духовенство. Печерскому игумену, вышедшему навстречу царю с крестами и иконами, отрубили голову. Псковские церкви были ограблены дочиستا. Опричники сняли с соборов и увезли в слободу колокола, забрали церковную утварь. Перед отъездом царь отдал город на разграбление. Но опричники не успели завершить начатое дело.

Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники опричного похода сообщали, будто на улицах Пскова Грозный встретил юродивого Николу и тот подал ему совет ехать прочь из города, чтобы избежать большого несчастья. Блаженный будто бы поучал царя “ужасными словесы, еже престати от велия кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя Божия церкви”. Не слушая юродивого, Иван велел снять колокол с Троицкого собора. В тот же час под царем пал конь. Пророчества Николы стали сбываться. Царь в ужасе бежал.

Полоумный псковский юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся открыто перечить Грозному. Его слова, возможно, ускорили отъезд опричников: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени.

Псков избежал участи Новгорода по причинам, которые долгое время ускользали от внимания историков и открылись лишь после реконструкции текста синодика опальных царя Ивана Грозного. Незадолго до опричного похода власти выселили из Пскова несколько сот семей, заподозренных в измене. Этих переселенцев опричники застали под Тверью и в Торжке. По приказу царя опричники устроили псковичам кровавую баню, перебив 220 мужчин с женами и детьми. Царя вполне удовлетворила эта резня, и только потому он пощадил прочих жителей Пскова. Из Пскова Грозный уехал в Старицу, а оттуда в слободу. Карательный поход был окончен.

Кто был повинен в ужасной трагедии? Об этом даже многие очевидцы и участники событий имели смутное представление. Новгородцы, не смея винить благочестивого государя, сочинили легенду о зловредном бродяге Петре Волынце. Некто Петр Волынец задумал отомстить новгородцам и для того сочинил ложную грамоту об их измене. Получив от него донос, царь предал город разграблению. Новгородцы, которым предъявлена была грамота Петра, растерянно сказали: “От подписей рук наших отпереться не можем, но что мы королю польскому поддаться хотели или думали, того никогда не было”. Так излагал события поздний летописец, который мало что знал и не мог отличить вымысла от действительности. Но записанные им новгородские предания все же хранили в себе крупицу истины. Как раз в дни новгородского разгрома в Москву прибыл венецианец аббат Джерио, которому удалось собрать ценные сведения о происходивших тогда событиях. По словам аббата, царь разорил Новгород “вследствие поимки гонца с изменническим письмом”. Нетрудно

усмотреть аналогию между современным известием о поимке гонца и поздним преданием о бродяге Петре, литовском лазутчике из Волыни. Можно указать еще на один источник, упоминающий об “изменной грамоте”. Это подлинная опись царского архива 70-х гг. XVI в. Она упоминает о некоем загадочном документе — отписке “из Новгорода от дьяков Андрея Безсонова да от Кузьмы Румянцева о польской памяти”.

Итак, новгородские дьяки сами известили царя о присылке им из Польши письма — “памяти” и вскоре приняли смерть за мнимую измену в пользу поляков. Тотчас после расправы с новгородцами Посольский приказ составил подробный наказ для русских дипломатов в Польше. Если поляки спросят о казнях в Новгороде, значилось в наказе, то на их вопрос должно отвечать ехидным контрвопросом:

“Али вам то ведомо?” и “Коли вам то ведомо, а нам что и сказывати? О котором есте лихом деле с государскими изменниками через лазутчиков ссылались и Бог ту измену государю нашему объявил и потому над теми изменниками так и случилось”. Как видно, лазутчики доставили в Новгород “изменническое” письмо (польскую “память”), дьяки поспешили донести об этом в Москву, но подозрительный царь увидел во всем этом доказательство неверности своих подданных. Посольские наказы обнаруживают всю степень его ослепления. Становится очевидным, что Грозный и его окружение стали жертвой беспримерной мистификации. Усилия литовской секретной службы, имевшие целью скомпрометировать новгородцев с помощью подложных писем, увенчались полным успехом. Утратив доверие к подданным, царь использовал войска, предназначавшиеся для войны с Польшей, на то, чтобы громить свои собственные города. Чтобы окончательно развязать себе руки, он спешно заключил перемирие и через своих послов самонадеянно заявил полякам, что ему сам Бог открыл их сговор с новгородцами.

По иронии судьбы имя главнейшего из новгородских “заговорщиков” кануло в Лету. Из всех современников Грозного один Шлихтинг ненароком обмолвился о нем. Но его рассказ не слишком определен. Вкратце он сводится к следующему. У некоего Василия Дмитриевича (фамилии его Шлихтинг не знал) служили литовские пленники пушкари. Они пытались бежать на родину, но были пойманы и под пытками показали, будто бежали с ведома господина. Опричники вздернули на дыбу Василия Дмитриевича, и тот повинился в измене в пользу польского короля.

Шлихтинг описал гибель безвестного Василия Дмитриевича как вполне заурядное происшествие. Однако русские документы позволяют установить, что автор “Сказаний” умолчал о самом важном. Первые указания на этот эпизод можно обнаружить в подлинной описи царского архива 70-х гг. XVI в. Среди прочих сыскных дел в архиве хранилась отписка “ко государю в Васильеве деле Дмитриева о пушкарях о беглых о Мишках”. Архивная отписка вполне удостоверяет версию Шлихтинга. Из отписки царь впервые узнал о поимке беглых пушкарей — слуг Василия Дмитриевича. Дорисовать картину помогает синодик опальных, в котором Василий Дмитриевич записан среди лиц, казненных опричниками во время суда на Городище под Новгородом. “Василия Дмитриевича Данилова, Андрея Безсонова дьяка, Васильевых людей два немчина: Максима литвин, Ропнемчин, Кузьминых людей Румянцева” и пр. Приведенная запись синодика вводит нас в самое сердце грандиозного политического процесса, получившего наименование “новгородского изменного дела”. Она позволяет установить, что главной фигурой этого процесса был Василий Дмитриевич Данилов, выдающийся земский боярин периода опричнины. В синодике его окружают главный новгородский дьяк А. Безсонов, слуги второго новгородского дьяка К. Румянцева и, наконец, люди боярина Данилова — беглый литовский пленник Максим, в русской транскрипции “пушкарь Мишка”. Его донос погубил земского боярина, но и сам он разделил участь своей жертвы.

Внимательное сличение источников обнаруживает многие неизвестные ранее факты. Мифический бродяга Петр Волынец принужден уступить место знаменитому боярину Данилову. По существу, новгородское дело, как можно теперь установить, повторило в более широких масштабах дело о заговоре Челяднина. В одном случае удар обрушился на головы митрополита и конюшего, в другом — на архиепископа новгородского и боярина В. Д. Данилова. Как и в деле Челяднина, правительство искало заговорщиков преимущественно в среде нетитулованной старомосковской знати. В Новгороде погибли А. В. Бутурлин, Г. Волынский, несколько Плещеевых. Вопреки целям и стремлениям инициаторов опричнины опричная политика окончательно утратила первоначальную антикняжескую направленность.

Участников “заговора” боярина Данилова обвинили в двух преступлениях. Они будто бы хотели “Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси хотели злым умышлением извести, а на государство посадить князя Володимера Андреевича”. Нетрудно заметить, что официальная версия объединяла два взаимоисключающих обвинения. Если новгородцы надеялись посадить на трон удобное им лицо — двоюродного брата царя Владимира Андреевича, то, спрашивается, зачем надо было им “подаваться” в Литву под власть католического государя? Подобный простой вопрос, видимо, не особенно затруднял тех, кто руководил розыском, — Малюту Скуратова и его друзей.

Современники утверждали, будто в новгородском погроме погибло то ли 20, то ли 60 тысяч человек. Историки попытались уточнить масштабы трагедии. Поскольку, рассуждали они, опричники избивали в день в среднем тысячу новгородцев (эту цифру сообщает летописец), а экзекуция длилась пять недель, значит, погибло около 40 тысяч человек. Приведенная цифра лишена какой бы то ни было достоверности. В основе расчета лежат ошибочные

исходные данные. Сведения летописи о гибели тысячи человек в день, очевидно, являются плодом фантазии летописца. Помимо всего прочего, опричники не могли истребить в Новгороде 40 тысяч человек, так как даже в пору расцвета его население не превышало 25 — 30 тысяч. Ко времени погрома из-за страшного голода множество горожан покинуло посад либо умерло голодной смертью.

Самые точные данные о новгородском разгроме сообщает синодик опальных царя Ивана Грозного. Составители синодика включили в его текст подлинный “отчет”, или “сказку” Малюты Скуратова, главного руководителя всей карательной экспедиции. Запись сохранила грубый жаргон опричника: “По Малютине скаске в новгороцкой посылке Малюта отделал 1490 человек (ручным усечением), ис пищали отделано 15 человек” В большинстве своем “отделанные” Малютой “православные христиане” принадлежали к посадским низам. Их имена опричников не интересовали. К дворянам отношение было более внимательным. В синодике значатся имена и прозвания нескольких сот убитых дворян и их домочадцев. Суммируя все эти данные, можно сделать вывод о том, что в Новгороде погибло примерно 3 тысячи человек.

Опричный разгром не затронул толщи сельского населения Новгорода. Разорение новгородской деревни началось задолго до нашествия опричников. Погром усугубил бедствие, но сам по себе он не мог быть причиной упадка Новгородской земли.

Санкции против церкви и богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода продиктованы были скорее всего корыстными интересами опричной казны.

Непрекращавшаяся война и дорогостоящие опричные затеи требовали огромных средств. Государственная казна была между тем пуста. Испытывая финансовую нужду, власти все чаще обращали взоры в сторону обладателя самых крупных богатств — церкви. “Изменное дело” послужило удобным

предлогом для ограбления новгородско-псковского архиепископства. Но опричнина вовсе не ставила целью подорвать влияние церкви: она не осмелилась наложить руку на главное богатство церкви — ее земли.

Полагают, что погром Новгорода был связан с необходимостью для государства покончить с последними форпостами удельной децентрализации (А. А. Зимин). Едва ли это справедливо. В период ликвидации Новгородской “республики”, в конце XV в. московское правительство экспроприировало земли всех местных феодалов (бояр, купцов и “житых людей”) и водворило на их место московских дворян-помещиков. Ко времени опричнины в Новгородской земле прочно утвердились московские порядки. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгорода, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель. Влияние бюрократии на местное управление значительно усилилось после упразднения новгородского наместничества в начале 60-х гг. Местный приказной аппарат, целиком зависевший от центральной власти, служил верной опорой монархии. То же самое можно сказать и относительно новгородской церкви. В годы опричнины новгородский архиепископ Пимен оказал много важных услуг царю и его приспешникам. Однако, несмотря на безусловную лояльность новгородской администрации по отношению к опричнине, царь Иван и его сподвижники не очень доверяли новгородцам и недолюбливали Новгород, что объяснялось разными причинами.

По мере того как углублялся раскол между опричниной и земщиной, опричная дума с растущим беспокойством следила за настроениями новгородской “кованой рати” — поместного ополчения, по численности вдвое превосходившего всю опричную армию. Политическое влияние новгородского дворянства было столь значительным, что при любом кризисе боровшиеся за власть группировки старались добиться его поддержки.

В годы боярского правления новгородцы в массе не поддержали Старицкого, и его мятеж был подавлен. Несколько лет спустя новгородцы “всем городом” выступили на стороне бояр Шуйских, которые смогли осуществить переворот и захватить в свои руки бразды правления. Царь закрыл новгородцам доступ на опричную службу, и они испытали на себе произвол опричнины. Неудивительно, что уже в первых опричных процессах замелькали имена новгородцев.

Одной из причин антиновгородских мероприятий опричнины было давнее торговое и культурное соперничество между Москвой и Новгородом. Но несравненно более важное значение имело обострение социальных противоречий в Новгородской земле, связанное с экономическим упадком конца 60-х гг. В жизни некогда независимых феодальных “республик” Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Московские выселения конца XV в. вовсе не затронули основной толщи местного посадского населения, “меньших” людей, оставшихся живыми носителями демократических традиций новгородской старины. В этой среде сохранился изрядный запас антимосковских настроений, питаемых и поддерживаемых злоупотреблениями власть имущих. “Сказание о градех”, известный памятник новгородского происхождения XV в., сообщает о всевозможных непорядках, самый большой их коих — непослушание и буйство “меньших” людей: бояре в Новгороде “меньшими людьми наряжати не могут, а меньшие их не слушают, а люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, только их бог блюдет за их глупость”. Подобные обличения не утратили актуальности и ко времени опричнины. Голод, охвативший Новгородскую землю накануне опричного нашествия, усилил повсюду элементы недовольства. Опричные власти, сознавая опасность положения, обрушили на низы террор.

В дни новгородского разгрома Грозный уведомил

митрополита Кирилла об “измене” новгородского архиепископа. Митрополит и епископы поспешили публично осудить жертву опричнины. Они отправили царю сообщение, что приговорили “на соборе новгородцкому архиепископу Пимену против государевы грамоты за его бесчинье священная не действовати”. Пимен был выдан опричнине головой. Но высшее духовенство переусердствовало, угождая светским властям. В новом послании Кириллу царь предложил не лишать Пимена архиепископского сана “до подлинного сыску и до соборного уложения”.

Хотя Иван IV и не ждал противодействия со стороны напуганного духовенства, все же накануне суда он предпринял шаги, которые послужили предостережением для недовольных церковников. Опричники обезглавили рязанского архимандрита и взяли под стражу еще несколько членов священного собора. Всем памятно было, что Пимен председательствовал на соборе, осудившем Филиппа. Теперь он разделил участь своей жертвы. Покорно следуя воле царя, высшие иерархи церкви лишили новгородского архиепископа сана и заточили в небольшом монастыре под Тулой, где он вскоре же умер.

Арестованные в Новгороде “сообщники” Пимена в течение нескольких месяцев томились в Александровской слободе. Розыск шел полным ходом. Царь делил труды с Малютой Скуратовым, проводя дни и ночи в тюремных застенках. Опальные подвергались мучительным пыткам и признавались в любых преступлениях. Как значилось в следственных материалах, “в том деле с пыток (!) многие (опальные) про ту измену на новгородского архиепископа Пимена и на его советников и на себя говорили”.

Кровавый погром Новгорода усилил раздор между царем и верхами земщины. По возвращении из новгородского похода Грозный имел длительное объяснение с государственным печатником Иваном Висковатым. Выходец из низов, Висковатый сделал блестящую карьеру благодаря редкому

уму и выдающимся способностям. С первых лет казанской войны дьяк возглавлял Посольский приказ. Иван IV, как говорили в Москве, любил старого советника, как самого себя. Печатник отважился на объяснение с Грозным после того, как опричники арестовали и после жестоких пыток казнили его родного брата. Он горячо убеждал царя прекратить кровопролитие, не уничтожать своих бояр. В ответ царь разразился угрозами по адресу боярства. “Я вас еще не истребил, а едва только начал, — заявил он, — но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось!”.

Дьяк выразил вслух настроения земщины, и это встревожило Грозного, Оппозиция со стороны высших приказных чинов, входивших в Боярскую думу, явилась неприятным сюрпризом для царских приспешников. Чтобы пресечь недовольство в корне, они арестовали Висковатого и нескольких других земских дьяков, объявив их “советниками” Пимена. Так новгородский процесс перерос в “московское дело”. Суд над московской верхушкой завершился в течение нескольких недель. 25 июля 1570 г. осужденные были выведены на рыночную площадь, прозывавшуюся в народе Поганой лужей. Царь Иван явился к месту казни в окружении конных стрельцов. Приготовления к экзекуции и появление царя с опричниками вызвали панику среди столичного населения. Люди разбегались по домам. Такой оборот дела озадачил Грозного, и он принялся увещевать народ “подойти посмотреть поближе”. Паника понемногу улеглась, и толпа заполнила рыночную площадь. Обращаясь к толпе, царь громко спросил: “Правильно ли я делаю, что хочу покарать своих изменников?”. В ответ послышались громкие крики:

“Живи, преблагой царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!”. “Всенародное одобрение” опричной расправы было, конечно, фикцией.

Стража вывела на площадь примерно 300 опальных людей, разделенных на две группы. Около 180 человек были

отведены в сторону и выданы на поруки земцам. Царь “великодушно” объявил народу об их помиловании. Вслед за тем дьяк стал громко “вычитывать вины” прочим осужденным, и начались казни. Печатника Висковатого привязали к бревнам, составленным наподобие креста. Распятому дьяку предложили повиниться и просить царя о помиловании. Но гордый земец ответил отказом. “Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!” — таковы были его последние слова. Печатника разрезали на части живьем. Государственный казначей Никита Фуников также отказался признать себя виновным и был заживо сварен в кипятке. Затем палачи казнили главных дьяков московских земских приказов, бояр архиепископа Пимена, новгородских дьяков и более 100 человек новгородских дворян и дворцовых слуг.

Казнь московских дьяков была лишь первым актом “московского - дела”. За спиной приказных людей маячила боярская знать. Висковатый и Фуников получили свои чины благодаря покровительству бояр Захарьиных, сосредоточивших в своих руках управление земщиной и распорядившихся при дворе наследника царевича Ивана, их родственника по материнской линии.

Опричники готовились учинить в Москве такой же погром, как и в Новгороде. В день казни Висковатого царь объявил народу с Лобного места, что в мыслях у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них гнев. Перспектива повторения в столице новгородских событий пугала руководителей земщины. Возможно, Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору.

Отношения между царем и наследником были натянутыми. Вспыльчивый и деспотичный отец нередко поколачивал сына. Между тем царевичу исполнилось семнадцать лет, и он обладал нравом не менее крутым, чем отец. Грозный

давно не доверял Захарьиным и боялся, как бы они не впутали его сына в придворные распри.

Подозрения царя насчет тайных интриг окружавшего царевича боярства зашли столь далеко, что за месяц до московских казней он публично объявил о намерении лишить сына прав на престол и сделать своим наследником “ливонского короля” Магнуса. Достаточно проницательные современники отметили, что царь хотел лишь нагнать страху на земских бояр и припугнуть строптивного сына. Однако его опрометчивые заявления, сделанные в присутствии бояр и послов, вызвали сильное раздражение в окружении наследника.

В памяти народа сохранилось предание о том, как и почему грозный царь разгневался на сына. Из уст в уста передавали народные сказители историю о том, как царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и призадумался над тем, как бы вывести измену из каменной Москвы! Малюта — злодей Скуратов сказал тогда царю, что не вывести ему изменушку до веку, пока сидит Супротивник (сын) супротив него. Поверив Малюте, Грозный велел казнить наследника, но за него вступился боярин Никита Романович:

“Ты, Малюта, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься!”. Благодаря заступничеству дяди царский сын был спасен.

В основе “сказов” лежали реальные факты. Бежавший в Польшу слуга царского лейб-медика, осведомленный обо всех дворцовых тайнах, сообщил полякам, что после новгородского похода в царской семье начался глубокий раздор: “Между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии!”. Так как сила была на стороне царя, он подверг сторонников сына жестоким

гонениям. Боярин С. В. Яковлев-Захарьин состоял в родстве с наследником. Опричники убили его вместе с малолетним сыном Никитой. Московское дело скомпрометировало земского боярина В.М.Юрьева-Захарьина. Сам Юрьев несколько лет как умер, но царь выместил гнев на членах его семьи. Он велел убить дочь Юрьева и его внука и не позволил похоронить их тела по христианскому обычаю. Для царевича Ивана казнь троюродной сестры должна была послужить уроком.

На рубеже 1560 — 1570-х годов в России воцарилась разруха. Причиной ее были стихийные бедствия, приведшие к двухлетнему неурожаю. Голодная смерть, а затем эпидемия чумы косили население городов и деревень.

Соседи использовали ослабление России. В 1571 г. крымский хан со своей ордой вторгся в русские пределы и сжег дотла Москву, В следующем году татары попытались захватить русскую столицу, но были наголову разгромлены объединенным земским и опричным войском в многодневном сражении на подступах к Москве.

Стихийные бедствия и татарские набеги приносили неописуемые бедствия. Но опричники были в глазах народа страшнее татар. Царь оправдывал введение опричнины необходимостью искоренить “неправду” бояр-правителей. Как говорят очевидцы, земские суды получили от царя распоряжение, которое дало новое направление всему правосудию. Распоряжение гласило: “Судите праведно, наши виноваты не были бы”. Следуя таким указаниям, судьи перестали преследовать грабителей и воров из числа опричников. В годы опричнины процветали, как никогда, политические доносы. Опричник мог подать жалобу на земца, будто тот позорит его и всю опричнину. Земца в этом случае ждала тюрьма, а его имущество доставалось доносчику. В разоренной чумой и голодом стране, где по дорогам бродили нищие и бродяги, а в городах не успевали хоронить мертвых, опричники безнаказанно грабили и

убивали людей. Разумеется, царь Иван и его приспешники не поощряли прямой разбой, но они создали опричные привилегии и подчинили им право и суд, возвели кровавые погромы в ранг государственной политики. Следовательно, на них лежала главная вина за беззакония опричнины.

Историческое значение опричнины определялось тем, что она ускорила становление самодержавных порядков в России. Ее террор нанес большой ущерб экономике и культуре страны. От казней Грозного пострадали прежде всего города, являвшиеся центрами средневековой цивилизации. Кровавый кошмар наложил печать на все стороны политической жизни русского общества.

Существенным следствием опричной политики было расширение фонда государственной земельной собственности в России. Важное значение имели также массовые выселения помещиков из опричных уездов.

Вотчина существовала на Руси в течение столетий. Традиции и правовые нормы вотчинной земельной собственности, разработанные значительно лучше, чем нормы поместного права, оказывали прямое воздействие на поместную практику. Помещики стремились превратить поместье в традиционную наследственную форму собственности. Однако преодолеть сопротивление государства им не удалось. Опричнина с ее насильственными массовыми переселениями помещиков из одних уездов в другие стала важнейшим этапом истории формирования государственной земельной собственности в России. Опричные насилия явились веским доказательством того, что после столетнего существования поместной системы казна сохранила реальное право собственности на все поместные земли и распоряжалась ими, нисколько не считаясь с правами временных держателей земли — помещиков. В поместной практике уже в XVI в. появились черты, сближавшие ее с вотчинной формой землевладения. Но процесс сближения поместной и вотчинной

собственности резко усилился лишь в XVII в.

Нарастание самодержавных тенденций в XVI в. было неразрывно связано с образованием и расширением колоссального фонда государственной земельной собственности.

Новгородское дело вызвало страх и замешательство среди вождей опричнины, сохранивших способность сообразовывать свои действия со здравым смыслом. Афанасий Вяземский тайно предупредил новгородского архиепископа Пимена о грозившей ему опасности. Открыто возражать против планов царя Вяземский не решился. Только поэтому он и смог сопровождать Грозного в новгородском походе. Но в опричном правительстве были люди, значительно более независимые в своих суждениях и поступках, чье влияние основывалось на подлинных заслугах. К их числу принадлежал выдающийся воевода боярин А. Д. Басманов, не участвовавший в карательном походе. Когда царь дознался, что Вяземский поддерживал тайные сношения с Пименом, он окончательно убедился, что измена проникла в его ближайшее опричное окружение. Воображение рисовало Грозному картину грандиозного заговора, объединившего против него всех руководителей земщины и опричнины.

Падение старого опричного руководства, несомненно, было следствием интриг со стороны руководства сыскного ведомства опричнины — Малюты Скуратого-Бельского и Василия Грязнова. Эти люди были типичными представителями низшего дворянства, выдвинувшегося в годы опричнины. В отличие от Басмановых и Вяземского они не играли никакой роли при учреждении опричнины. Лишь разоблачение новгородской “измены” позволило им получить низшие думные чины, а затем устранить старых и наиболее авторитетных вождей опричнины и захватить руководство опричным правительством.

Те, кто затеял опричный террор, сами стали его жертвами. Боярин А. Д. Басманов был умерщвлен собственным сыном, послушно выполнившим царский приказ. Оружничий Вяземский умер в тюрьме, ясельничий Зайцев был повешен на воротах собственного дома. Среди высших дворцовых чинов уцелел один постельничий Дмитрий Годунов. Его выручил свояк Малюта Скуратов.

Падение старого опричного руководства разрушило круговую поруку, связывавшую членов опричной думы. Состав думы пополнился земцами, многие из которых испытали злоупотребления опричнины. Члены новой опричной думы, по-видимому, стали сознавать опасность деморализации охранного корпуса. Опричники, повествует Штаден, творили в земщине такие беззакония, что сам великий князь объявил наконец: “Довольно!”. Казнь Басманова ознаменовала конец целой полосы в истории опричнины. Подвергнув опале тех, кто создал опричнину, царь велел подобрать жалобы земских дворян и расследовать самые вопиющие преступления опричников.

Московские князья пролили немало крови, чтобы сокрушить великокняжеские столицы и Новгородскую “республику”. К 1569 г. Иван IV собрал в опричнине почти все великокняжеские столицы Владимиро-Суздальской земли — Суздаль, Ярославль, Ростов. Осенью 1571 г. в опричнину была зачислена половина Новгорода Великого. Опричнина все более напоминала некую антимосковскую коалицию, противостоящую оплоту боярской крамолы — столице.

Царь отменил опричнину в конце лета 1572 г. При этом он сохранил “двор”, включавший “дворовую думу” и реорганизованный охранный корпус. Желая предотвратить критику сумасбродной затеи, самодержец запретил подданным упоминать самое имя опричнины.

Отмена опричнины означала прекращение чрезвычайного положения. Чтобы сохранить неограниченную власть и

помешать московкой Боярской думе вернуть себе прежнее влияние, царь сделал новый неожиданный ход. Он решил противопоставить боярской Москве поместный Новгород и тем самым ограничить влияние “царствующего града”. Виднейшие руководители “двора” и многие “дворовые” дети боярские отказались от поместий в опричных уездах и получили обширные поместья в земских пятинах Новгорода. В начале 1574 г. в Литве стало известно, что Иван IV посадил наследника “на царство на Новгороде Великом”. Пожалование носило скорее всего формальный характер, но оно возвело царевича Ивана в ранг соправителя отца. Грозный не забыл, что его отец Василий III получил сначала новгородский, а затем московский трон.

Поели гибели М. Скуратова иерархию дворовых чинов возглавил В. И. Умного-Колычев, ставший “дворовым” боярином. Первое послеопричное правительство просуществовало около трех лет. Борьба в недрах “дворовой” думы разрешилась кровью. Одержав верх, Б. Бельский, Нагие и Годуновы послали на эшафот В. И. Умного. Розыск о “заговоре” дворовых чинов вылился во второе “новгородское дело”. В измене были заподозрены лица из ближайшего окружения наследника царевича Ивана. Как правитель Новгорода царевич был тесно связан с высшими должностными лицами города. В конце опричнины в Новгород был прислан архиепископ Леонид, а опричную администрацию Новгорода возглавил А. Старого-Милюков. В 1575 г. Леонид был арестован и умер в заточении, а Милюков казнен. Несколько позже царь приказал убить П. В. Юрьева-Захарьина, брата и придворного наследника престола.

Страх перед множившейся изменой преследовал царя, как кошмар. “Двор” утратил в глазах мнительного самодержца значение надежной военной силы. Б. Бельский и другие ближние люди настаивали на возрождении опричнины. Но Иван IV не мог учредить опричнину без санкции Боярской думы. Чтобы сохранить видимость законности в Русском

государстве, царь прибегнул к мистификации. Он отрекся от трона в пользу служилого татарского “царя” Симеона Бекбулатовича. Однако вместо царского титула хан получил лишь титул великого князя. Вслед за тем князь “Иванец Московский” обратился к Симеону со смиренной просьбой разрешить ему выкроить себе “удел” и “перебраться людишек”. Переход в удел сопровождался введением в государстве чрезвычайного положения. Санкция на это была получена не от Боярской думы, а от “великого князя”, фиктивно возглавившего земщину. В удел попали древний Ростов, Псков, Дмитров, Старица, Зубцов, Ржев. Большая часть удельных владений не была в опричнине. Отбор земель в удел выразил недоверие царя к бывшим опричникам.

Сформировав удельное войско, Иван IV произвел аресты и казни в земщине. Репрессии вновь обрушились на высший орган монархии — Боярскую думу. Казни подверглись старейший член думы князь А. П. Куракин, боярин И. А. Бутурлин, окольниковые Д. А. Бутурлин и Н. В. Борисов, трое высших чинов из приказов. Отрубленные головы были подброшены на двор к митрополиту Антонию, подворья Мстиславского и Шереметева. На Романовых-Юрьевых был наложен огромный штраф. Большинство казненных ранее успешно служили в опричнине.

Вторая опричнина просуществовала год, после чего самодержец “свел” Симеона из Москвы на великое княжество Тверское. Учреждение удела не привело к массовой резне и погромам. Трагедия обернулась фарсом. Опасаясь остаться без преторианцев, самодержец сохранил реорганизованный “двор” до последних дней жизни.

Массовые конфискации поместий и перемещения помещиков из уезда в уезд при “удельном” правительстве дали дворянам-землевладельцам новые доказательства того, что казна не намерена поступиться своими правами в качестве реального собственника всего фонда государственных поместных земель. Организация поместной системы помогла

преодолеть кризис боярского сословия в XV в. Но процесс дробления имений, породивший этот кризис, не прекратился в последующее время. Данные новгородских писцовых книг показывают, сколь быстро дробились и мельчали поместья в 1500 — 1540-х годах. Кризис поместной системы был усугублен “великим разорением” 1570 — 1580-х годов, вызванным крупными стихийными бедствиями, военным поражением и другими причинами. Разорение не только приостановило рост поместных земель, но и привело к резкому сокращению поместного фонда. Между тем биологический процесс размножения дворянских семей оставался во второй половине XVI в. столь же интенсивным, как и в первой половине. Число мелких поместий в Новгороде, почти удвоившееся в первой половине столетия, должно было удвоиться во второй половине. Но этого не произошло. Массовое разорение измельчавших поместий привело к тому, что к началу 1580-х годов в Новгороде запустело около 43% всего поместного фонда, а из списков помещиков, известных по писцовым книгам 1540-х годов, исчезло около 220 фамилий (63%). (Эти данные приведены в “Аграрной истории Северо-Запада России”). Некоторые помещичьи семьи стали жертвами опричных казней и выселения. Но репрессии затронули прежде всего знатных помещиков, численность которых была сравнительно невелика. Многочисленное мелкопоместное дворянство Новгорода пострадало не столько от террора, сколько от экономических бед.

Превращение государственной (поместной) собственности в ведущую форму землевладения изменило систему налогообложения в стране. Казна реализовала право собственника земли через высокие платежи и повинности. Чрезмерный рост податей стал одной из главных причин упадка деревни во второй половине XVI в. Судя по новгородским материалам, крестьяне в последней трети столетия резко сократили свои пашенные наделы, не имея средств для уплаты податей. В старину единицей обложения было одно крестьянское хозяйство (обжа). Теперь в обжу

кляли 2, 3, 5 и более крестьянских хозяйств. Собрать деньги с карликовых наделов было практически невозможно. Казна повышала поборы, а крестьяне сокращали запашку. В итоге и государство, и подданные несли огромные убытки. После ста лет московского владычества Новгородская земля превратилась в огромный пустырь.

Царь Иван был одним из первых правителей, стремившихся всемерно развивать торговые связи со странами Западной Европы через Белое и Балтийское моря. В ходе Ливонской войны 1558 — 1583 гг. Россия предприняла попытку завоевать земли Ливонского ордена в Прибалтике. Однако в конфликт были вовлечены Литва и Польша, Швеция и Дания. Польский король Стефан Баторий в ходе трех военных кампаний нанес поражение России. Оставшись без союзников, царь не смог вести одновременную войну с Речью Посполитой, Швецией и степными Ордами.

Поражение в Ливонской войне и изгнание русских из Прибалтики положили начало крушению империи. Лишь на Востоке Россия добилась ряда успехов.

В середине XVI в. сибирский хан Едигер признал себя вассалом царя, завоевавшего Казань. Благодаря этому обстоятельству богатые купцы-солепромышленники Строгановы, не встречая сопротивления со стороны сибирского хана, утвердились в Приуралье, построив там укрепленные городки. Сибирь порвала вассальные отношения с Россией после того, как Едигер был изгнан из своей столицы ханом Кучумом из Бухары. Воспользовавшись катастрофическим поражением России в конце Ливонской войны, Кучум попытался изгнать русских с Урала. Войска Кучума пришли на помощь местным племенам, восставшим против власти русских. Строгановы послали гонцов на Волгу и наняли на службу атамана Ермака Тимофеевича с отрядом вольных казаков. Получив отпор со стороны казаков, сибирские татары покинули владения Строгановых и устремились на север, где приступили к осаде города

Чердынь. В Сибири не осталось крупных воинских сил, и Ермак поспешил использовать это обстоятельство. Бросив Строгановых на произвол судьбы, он отправился за Урал, рассчитывая захватить там богатую добычу. Согласно летописям XVII в., Ермак покорил Сибирь в 1581 г. Со времен Н. М. Карамзина эта дата приобрела значение аксиомы. Критический анализ писем Грозного к Строгановым за 1581 — 1582 гг. позволяет выяснить происхождение ошибки Н.М.Карамзина. Ермак отправился в поход на легких речных судах. Поход начался 1 сентября 1582 г., а уже 26 октября казаки захватили Кашлык. Ермак не был послан в Сибирь ни царем, ни Строгановыми. Ввиду неудач на западных границах Иван IV пытался избежать войны с Кучумом и послал вслед Ермаку приказ прекратить поход за Урал. Однако приказ запоздал. Пять казачьих сотен нанесли поражение Сибирской орде, так как Кучум не имел сил для обороны. Вся его армия в момент нападения Ермака была занята осадой Чердыни. Захватив Кашлык, казаки не имели возможности покинуть Сибирь с добычей, так как наступила зима и реки покрылись льдом. После зимовки казаки объявили Сибирь владениями царской короны и обложили местные племена данью. Завоевание Сибири положило начало продвижению русских в глубь великого Азиатского континента.

Влияние личности Ивана Грозного на события его времени было неодинаковым в разные периоды. Будучи человеком душевно неуравновешенным, легко поддающимся внушениям, царь постоянно подчинялся влиянию фаворитов. Без их совета он не мог обойтись при решении как политических, так и личных дел. Сильвестр был первым учителем жизни Ивана. Адашев увлек его замыслом обширных реформ. Алексей Басманов, один из лучших воевод XVI в., внушил ему мысль об опричнине — правлении, основанном на неограниченном насилии. Но сколь бы долго ни подчинялся Грозный влиянию временщиков, он в конце концов безжалостно уничтожал их.

Предки Грозного принадлежали к древним аристократическим фамилиям. Среди них были варяжский конунг Игорь, византийская императорская династия Палеолог, ордынские “цари” Чингизиды, литовские князья и сербские владетели. К XVI веку четко обозначились признаки вырождения московской династии. Брат Ивана IV был глухонемым от рождения идиотом, его старший сын страдал сильной неврастенией, средний — слабоумием, младший — эпилепсией.

В дни отречения от престола царь пережил сильное нервное потрясение, вызвавшее тяжелую болезнь. Внезапные вспышки ярости, невероятная подозрительность, мстительность и нечеловеческая жестокость свидетельствовали о каком-то нервном заболевании. По мнению ряда историков, Иван IV с юности страдал паранойей, и именно развитие недуга привело к террору. Такое суждение вызывает сомнение. Во-первых, судить о царской болезни достаточно трудно ввиду отсутствия “истории болезни”. Черпать сведения о психическом состоянии Грозного приходится из памфлетов, написанных его противниками. Во-вторых, террор имел свои механизмы, и его фазы не соответствовали фазам заболевания монарха. Кровавые репрессии достигли апогея за 14 лет до смерти Ивана. Симптомы же заболевания появились в конце жизни царя, когда казни прекратились. Жестокость Грозного объяснялась не одними только патологическими причинами. Вся мрачная, затхлая атмосфера средневековья была проникнута культом насилия, пренебрежения к достоинству и жизни человека, пропитана всевозможными грубыми суевериями. Царь Иван Васильевич не был исключением в длинной веренице средневековых правителей-тиранов.

Немало мифов было порождено многочисленными браками Ивана IV. Суждения о личности российского самодержца были бы неполными без фактов такого рода. Первую свадьбу царь отпраздновал в шестнадцать лет. Правительство провело перепись невест по всей стране, но

те не успели собраться в Москву на смотрины. Ивану сосватали сироту боярышню Романову. Первый брак Грозного был по-своему счастливым и во всяком случае самым длительным. Он продолжался тринадцать лет. Царица родила в браке шесть детей, но четверо из них умерли в младенческом возрасте.

Второй брак Ивана IV длился восемь лет. Мария Черкасская родила сына, но тот умер в младенчестве. Две первые жены Грозного умерли, не дожив до 30 лет. Едва Иван IV овдовел, в государстве провели новую перепись невест. Нисколько не считаясь с волей родителей, гонцы свезли в Слободу 2000 девушек. Страну захлестнул террор, который смел все моральные запреты в жизни Грозного. Богодачный государь растлевал девственниц, затем выдавал их замуж за своих опричных слуг. В результате смотрин невестой царя стала 16-летняя коломенская дворянка Марфа Собакина. После обручения Марфа внезапно заболела, но царь “положился на Бога” и сыграл свадьбу. Так и не став фактической женой государя, Собакина умерла. Свахами Марфы были жена и дочь Малюты Скуратова. Видимо, обер-палач сосватал Грозному свою родственницу и тем самым породнился с царской семьей. Скуратов внушил Ивану IV мысль, что Марфу отравили “изменники”. Четвертым браком монарх был женат на Анне Колтовской, пятым — на Анне Васильчиковой. Оба брака были непродолжительными. Царицы были насильственно пострижены и закончили жизнь в монастыре. Некоторое время царь жил с вдовой дьяка Василисой Мелентьевой, которую он искренне любил. Василиса вскоре же умерла. Новый фаворит А. Ф. Нагой сосватал Грозному свою племянницу Марию. Невзирая на рождение сына Дмитрия, Иван IV готовился расторгнуть брак с Нагой, чтобы жениться на английской принцессе. Смерть помешала седьмому браку благочестивого монарха.

Характерной чертой Грозного была его склонность к юродству и покаянию. В письмах к духовным пастырям самодержец признавался во всевозможных грехах —

пьянстве, блуде, прелюбодействе, убийствах, грабежах, всяком злодействе. Случалось, что на пирушках в кругу друзей Грозный бахвалился грехами. Если верить английскому современнику Горсею, пользовавшемуся доверием царской семьи, Иван IV хвастался тем, что “испортил” тысячу девственниц и лишил жизни тысячи своих незаконнорожденных детей. Известно, что монарх в порыве гнева избил наследника царевича Ивана и его беременную жену. Сноха разродилась мертвым сыном, а царевич умер от страшного потрясения. Грозный убил наследника нечаянно. Незаконнорожденных детей он губил вполне сознательно, считая их порождением греха и ада.

Завоевательные войны Грозного заложили основы “Московского царства” — Российской империи. Опричнина определила внутренний строй самодержавной монархии. Россия пережила первую в своей истории эпоху террора, который оказал огромное влияние на ее политическую культуру и традиции.

Грозный верил в свою исключительную миссию на земле. Он “сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти” (В. О. Ключевский). Доктрина Грозного не была плодом исключительно его фантазии и высокомерия. Для массового сознания средневековья характерна была вера в священный характер власти монарха и святость его особы. Все искусство той эпохи было связано с литургией и богословием. Этим определялась роль монарха и его двора в художественном творчестве своего времени. Великий государь стоял в центре всех церковных церемоний и пользовался высшим авторитетом в религиозных делах. Казна располагала средствами, без которых невозможно было осуществить крупные культурные и художественные проекты. Инициатива таких проектов исходила в XVI в. чаще всего от царского двора, действовавшего вместе с церковным руководством.

В период раздробленности церковная жизнь в разных землях утратила единообразие. В княжествах появились свои святые и житийная литература, свой круг церковного чтения, возникли черты своеобразия в обрядах. Московские власти были озабочены тем, чтобы привести страну к единой вере. Подчинившись Москве, Новгород остался крупнейшим культурным центром России, с Новгородом связан один из самых значительных проектов XVI в., ставивших целью преодоление разобщенности в церковной жизни страны. Будучи архиепископом, Макарий взялся за составление полного собрания всех “святых книг, которые в Русской земле обретаются”. Прежде ежемесячное чтение — “Минеи четьи” — включали почти исключительно “Жития” святых и некоторые поучения. Макарий объединил усилия книжников, переводчиков и писцов, чтобы собрать из разных мест, перевести и “исправить”, переработать или сочинить заново десятки и сотни священных книг, слов, житий, посланий. В предисловии к “Минеям” Макарий сообщал читателю, что собирал “святые великие книги” двенадцать лет. Первый экземпляр был изготовлен в Новгороде для Софийского дома. После избрания Макария на митрополичью кафедру работы по составлению “Миней” приобрели более широкий размах. Проект заинтересовал царя Ивана, и он заказал том “Миней” для себя лично. Еще один том был изготовлен для Успенского собора в Кремле. О значении Новгорода как центра книжной культуры свидетельствует тот факт, что основная работа над так называемыми московскими томами “Миней” была проведена в новгородских книжных мастерских, а в столице названные тома “Миней” лишь получили окончательное оформление.

Первые московские иерархи, присланные в Новгород на епископство, стремились навязать новгородцам культ московских святых. Митрополит Макарий первым осознал необходимость создания единого пантеона чудотворцев ради объединения церкви. В 1547 г. и 1549 г. Макарий провел два церковных собора, учредивших культ 39 чудотворцев (старых было немногим более двадцати, не

считая местных святых). Среди вновь канонизированных чудотворцев самую большую группу составляли новгородские подвижники (5 новгородских епископов, 3 игуменов и юродивых из Новгородско-Псковской епархии). При своей жизни почти все они выступали как сторонники независимости Новгорода и противники Москвы. Канонизировав их, руководство московской митрополии совершило мудрый шаг.

В 1551 г. в Москве собрался церковный собор, на который съехалось духовенство со всех концов России. Роль этого собора в истории московского православия отдаленно напоминала роль Тридентского собора в истории католического мира. Царь Иван IV обратился к собору со ста вопросами, резко и без обиняков указывая на церковные беспорядки. Духовенство дало ответ на царские вопросы в ста главах, отчего и сам собор получил наименование Стоглавого.

Новгород выступил с инициативой объединения церковных традиций и святынь, поэтому и царские вопросы, и ответы духовенства пестрят ссылками на новгородские обряды и новгородскую старину. Однако примирение новгородской и московской старины оказалось делом сложным. Москвичи крестились двумя перстами и пели “Аллилуйю” дважды в отличие от новгородцев, которые осеняли себя троеперстным знаменем и возглашали тройную “Аллилуйю”. Будучи на архиепископстве в Новгороде, Макарий всецело признавал обряды новгородцев. Однако, оказавшись в Москве на митрополии, он должен был отступить от новгородского канона. При решении вопросов об обрядности московское духовенство не сочло необходимым обратиться к греческим уставам и практике греческой церкви. Постановления Стоглавого собора доказывали, что Русь все больше отходила от византийского наследия. Местная русская старина энергично вытесняла греческие предания. Стоглавый собор без обсуждения принял постановление о двоеперстном знаменнии, видимо,

вследствие вмешательства светских властей. Превращение России в Святорусское царство усилило зависимость церкви от государства. Поведение самодержца и его ближайшего окружения само по себе стало эталоном религиозного благочестия. Никакие преступления и грехи не могли поколебать репутацию Грозного как великого и благочестивейшего государя.

Ориентация общества на русскую старину приобретала многообразные формы. В середине XVI в. любимец царя Сильвестр составил “Домострой” (наставления для домашней жизни). Идеал “Домостроя” — расчетливый хозяин, который властно вершит семейные дела в соответствии с христианскими нормами морали. “Домострой” требовал почитания главы семьи, царя земного, а более всего царя небесного, ибо “сей (царь) времен, а небесный вечен”. Сочинения Сильвестра превратились со временем в символ патриархальности Московской Руси.

Приход на митрополию Макария и реформы благоприятствовали оживлению церковной мысли. После двадцатилетнего заточения получил свободу Максим Грек, вновь взявшийся за перо. Ратуя за духовное возрождение общества, Максим выступил с яркой обличительной проповедью против монастырских стяжаний, ростовщичества, лихоимства. Ученики Нила Сорского, затаившиеся после расправы с Вассианом Патрикеевым в своих скитах на Белоозере, подняли голову. Их признанным вождем стал старец Артемий из Порфирьевой пустыни. По инициативе сторонников реформ Артемий был вызван с Белоозера и занял пост игумена Троице-Сергиева монастыря. Монастырь был один из крупнейших землевладельцев страны, и из-за разногласий с монахами старцу пришлось вскоре покинуть свой пост. Вслед за своим учителем Нилом Артемий осуждал мысль о греховности чтения Евангелия простыми людьми, не видел еретичества во всякой вольной мысли, стремящейся познать истину. Артемий не признавал авторитет учителя осифлян Иосифа

Санина, настоявшего на сожжении еретиков в 1504 г. В кругу учеников Артемий выражал сомнения по поводу вины казненных вольнодумцев. Выступления Артемия воскресили давний конфликт между нестяжателями и осифлянами. Конфликт имел принципиальное значение для судеб русской духовной культуры. Победа нестяжателей обеспечила бы более свободное развитие русской мысли. Однако верх одержали осифляне, организовавшие суд над московскими вольнодумцами Матвеем Башкиным и знатными дворянами Борисовыми. Поборник Евангелия Башкин отстаивал идеи любви к ближнему и равенство людей. Подобно Максиму Греку, Ивану Пересветову и Сильвестру Башкин заявлял о недопустимости рабства (холопства). Он освободил своих холопов и призывал других сделать то же. На суде Башкина и Борисовых обвинили в том, что они “развратно” толковали Евангелие, “хулили” Христа, утверждая его неравенство с Богом-отцом, называли иконы “идолами окаянными”, считали баснословием “все божественное писание”. Получив донос на Башкина, царь решил поручить розыск о ереси Максиму Греку и Артемию. Однако те отказались быть судьями. Тогда за розыск взялись осифляне. Не выдержав пыток, Башкин признал себя виновным и сказал, что принял “злое учение” из Литвы. Осифляне были недостаточно осведомлены о взглядах протестантов и поспешили объявить Башкина и его учителей “латинниками” (католиками). Однако Курбский называл русских вольнодумцев лютеранами. Взгляды Башкина и Борисовых служили эхом Реформации, бушевавшей в Европе.

Во время суда и розыска Артемий без ведома царя уехал из столицы на Белоозеро. За такое самовольство он был арестован и доставлен в Москву под стражей. Артемий не считал злоумышленником Башкина, не считал его толкования Евангелия еретическими, а потому старца сочли единомышленником еретика. С обвинениями против Артемия выступили игумен Кирилло-Белозерского монастыря Симеон, бывший игумен Ферапонтова монастыря Нектарий и др. Заволжские старцы лишились поддержки

северного центра русской духовности — Кирилло-Белозерского монастыря, что и предопределило судьбу нестяжательства в целом. Артемий был отлучен от церкви и сослан на Соловецкие острова. Власти арестовали также “сообщника” Артемия Феодосия Косого. Беглый холоп Феодосии подвергал самой решительной критике институт рабства и с позиций рационализма критиковал священное писание: отвергал догмат о Троице, видел в Христе не Бога, а человека, отрицал бессмертие души, не верил в чудеса.

При Иване III разоблачение вольнодумцев завершилось их сожжением на костре. Иван IV, увлеченный идеями реформ, воспротивился казням. Башкин попал в тюрьму, старец Артемий — в Соловецкий монастырь. Большинству осужденных удалось впоследствии бежать в Литву. Некоторые из них примкнули к Реформации. Один из русских еретиков заслужил в Литве название “второго Лютера”. В Москве его должны были сжечь на костре, но, по словам еретика, царь отменил смертный приговор.

Процесс Башкина воздвиг барьер на пути западных культурных влияний, шедших на смену византийской традиции. Показательна история введения на Руси книгопечатания.

Иван IV начал хлопотать о заведении типографии в Москве после своей коронации и первых церковных реформ. В 1548 г. по его поручению саксонец Г. Шлитте взялся нанять на царскую службу и привезти из Германии в Москву печатника, гравера, переплетчика и бумажного мастера. Два года спустя Иван IV просил датского короля Кристиана III прислать ему мастера для заведения типографии. В мае 1552 г. король известил Ивана, что направляет в Россию Г. Миссенгейма с книгами, предназначенными для перевода и издания в Москве. Мастер прибыл в Россию не позднее осени 1552 г., подтверждением чему служат слова русских первопечатников о том, что в Москве начали “изыскивати мастеров печатных книг” (начали учиться типографскому

делу) в 7061 году от сотворения мира. Названный год начинался как раз осенью 1552 г. Король писал, что Миссенгейм может напечатать несколько тысяч экземпляров книг, а следовательно, у мастера были с собой все необходимые принадлежности. Однако попытка основать типографию в Москве на первых порах не удалась. Датчанин явился в Москву с Библией и двумя другими книгами, “в коих (как сообщал Кристиан III) содержится сущность нашей христианской веры”. Ознакомившись с датскими книгами, русское духовенство убедилось, что христианская вера короля весьма далеко отстоит от православной веры. Будучи лютеранином, Кристиан III надеялся увлечь царя идеей борьбы с католицизмом. Но его надежды не оправдались. Московские власти категорически воспротивились переводу и публикации протестантских книг. Введение книгопечатания на Руси было надолго задержано процессом Башкина 1553 г., показавшим, что протестантская ересь уже проникла на Русь и дала обильные всходы. Датского печатника не изгнали из Москвы, но и не приняли на царскую службу, невзирая на королевскую рекомендацию. Миссенгейм получил возможность работать, видимо, как частное лицо. По общему правилу иностранным мастерам вменяли в обязанность учить русских учеников. Прошло три-четыре года, и в Москве появились первые русские “мастера печатных книг”. Самые первые московские издания носили, по-видимому, пробный характер. В книгах не было указано, где, кто и по чьему благословению издал их. Без прямого участия зарубежных мастеров московские книги никогда бы не вышли в свет. Но духовенство не желало, чтобы в православных книгах значилось имя печатника-иноверца. Благодаря пробным изданиям московские печатники получили подготовку, отвечающую европейскому уровню.

Типография в России не могла быть основана без крупных правительственных субсидий. Правитель Алексей Адашев проводил реформы под флагом ортодоксальной веры. Он был предан постам и молитвам и оставался равнодушным к достижениям европейской цивилизации. Лишь после его

отставки казна наконец выделила субсидии на типографию. Первопечатник Иван Федоров писал с полной определенностью, что его типография была учреждена вследствие покровительства и щедрости царя, тогда как гонителями печатников выступили “многие начальники и священноначальники”, подозревавшие книжных мастеров во “многих ересьях”. Духовенство решительно воспротивилось тому, чтобы принять из рук еретиков изобретение европейской цивилизации. Однако защитники книгопечатания нашли способ обойти затруднение, прибегнув к посредничеству единоверцев-греков в Константинополе. Итальянский купец Барберини своими глазами наблюдал за работой Федорова на Печатном дворе в 1564 г. и принял от него заказ на бумагу и краску. Барберини записал, что русские привезли печатный станок из Константинополя. Свидетельство самого Ивана Федорова подтверждает слова Барберини. При заведении типографии в Москве, утверждал первопечатник, царь был одержим мыслью, “како бы изложити печатные книги, яко же в Греках и в Венеции и во Фригии и в прочих языцех”. Московские печатники должны были следовать образцу православных греческих и итальянских мастеров, прежде всего мастеров Венеции. Слова Федорова находят себе объяснение. Давно замечено, что русские печатники употребляли термины (штанба-типография и пр.) итальянского происхождения. По-видимому, Москва закупила у греков оборудование итальянского производства. Поскольку греки выступили посредниками, учреждение типографии приобрело характер сугубо ортодоксального начинания.

Иван IV распорядился отвести место в центре столицы и на нем построить Печатный двор, выделил щедрое жалование печатникам. Первым известным по имени московским печатником был Нефедьев. Но он так и не смог реализовать своих знаний и навыков. В качестве главного мастера на Печатный двор был приглашен кремлевский дьякон Иван Федоров. Его помощником стал Петр Мстиславец. Федоров, очевидно, прошел хорошую школу у приглашенных в Москву

иностранных мастеров. Ко времени вступления в должность он был уже зрелым мастером. 19 апреля 1563 г. первопечатники приступили к печатанию Апостола, а 1 марта 1564 г. завершили дело. По своим полиграфическим качествам Апостол значительно превосходил ранее изданные московские книги. Федоров принадлежал к числу наиболее образованных русских людей своего времени и ставил целью издать исправленный текст Апостола, для чего надо было привлечь различные рукописные списки, устранить ошибки, уточнить перевод. Исправление древнерусского канонического текста по греческим оригиналам вызывало яростные споры в Москве со времен суда над Максимом Греком. Иван Федоров продолжил традицию Максима, что вызвало подозрения ревнителей старины. После смерти Макария ортодоксы из числа бояр и иерархов стали, по признанию печатников, притеснять их. Тем временем Иван IV учредил опричнину и наложил контрибуцию на земщину. Земская казна опустела, и Печатный двор надолго лишился субсидий. Иван Федоров уехал за рубеж, где продолжал печатать книги. Свой отъезд первопечатник оценил как изгнание. Вину за изгнание он всецело возлагал на бояр и официальное руководство церкви. Что касается царя Ивана IV, он проявлял неустанный интерес к западным новшествам в разных областях культуры и военной техники. После отпуска Федорова в Литву московская типография продолжала свою деятельность. В 1568 г. мастера Невежа Тимофеев и Никифор Тарасиев издали Псалтырь. Тимофеев использовал те же шрифты, что и Федоров, но он отказался от принципов исправления текста, которым следовал его предшественник. После опричнины Иван IV распорядился перевести типографию из Москвы в свою бывшую опричную резиденцию Александровскую слободу. Невежа (Андронник) Тимофеев смог в 1577 г. переиздать в слободе Псалтырь в новом варианте, имевшем явные признаки возврата к стилю Ивана Федорова (А. И. Рогов). Введение книгопечатания стало крупной вехой в развитии русской культуры XVI века.

С образованием империи — Святорусского царства летописные работы в Москве приобрели грандиозный размах и одновременно изменился самый характер русского летописания. Составление летописей было передано Посольскому приказу. Вместе с послушной монарху бюрократией в работе над летописью участвовала также митрополичья канцелярия. Местные летописные центры окончательно пришли в упадок. Самым выдающимся летописным памятником времени Ивана IV и митрополита Макария был Никоновский Лицевой свод (его называют так по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из списков свода). Летопись имеет более 10 тысяч листов и 16 тысяч миниатюр (летопись “в лицах”, отсюда “Лицевой свод”). Первые тома посвящены библейской истории, далее следует хронограф (всемирная история), а затем летопись, посвященная собственно русской истории. Авторы свода создали обширную компиляцию, включив в его текст большое количество различных повестей и сказаний. Стремясь подчинить изложение единой цели, составители произвольно исправляли ранние летописные тексты. Свод эпохи Грозного выделяется среди прочих летописей своей крайней тенденциозностью. Составители свода использовали византийские источники, чтобы соединить историю Византии и Руси. Возникновение Российского царства они старались представить как закономерный итог всемирно-исторического процесса. Царь Иван IV был в их глазах прямым потомком и преемником римских и византийских императоров. Вместе с Макарием составлением летописных сводов, ставших своего рода исторической энциклопедией Московии, руководил правитель Алексей Адашев. После отставки Адашева просмотром и исправлением летописи занялся Иван IV. Его правка на полях “Царственной книги” и черновики лицевой летописи имела целью оправдать идеологию и практику самодержавия. Существует мнение, что Грозный занимался летописями в последние годы жизни (С. О. Шмидт). Такое представление нуждается в уточнении. Официальная история царствования Ивана IV доведена лишь до 1567 г.

Иначе говоря, монарх не позаботился о том, чтобы осветить события последних шестнадцати лет своего правления. Таким образом, в конце жизни он просто утратил интерес к летописям. Будучи детищем Посольского приказа, официальное летописание процветало до той поры, пока на бюрократию не обрушились удары опричного террора. Но первые симптомы упадка летописания обнаружилось раньше. Когда митрополит Афанасий без разрешения самодержца ушел в монастырь, это немедленно сказалось на летописании. Царские дьяки перестали включать в свою летопись официальные церковные материалы — речи митрополитов при посвящении в сан и пр. Суд над Филиппом Колычевым окончательно разрушил традиционный порядок составления московской летописи. В разгар опричнины Грозный отстранил от работы над летописью церковное руководство, а затем приказал изъять приготовленные летописные материалы из земского Посольского приказа, “Арестованные” летописные материалы были увезены в опричную Александровскую слободу и подвергнуты там редакции. В опричнине не нашлось людей, подготовленных для продолжения летописных работ. Казнь дьяка Ивана Висковатого, ведавшего летописным делом, довершила катастрофу. Культурная традиция, насчитывавшая много веков, подверглась уничтожению.

Реформам XVI в. сопутствовал расцвет общественной мысли. Крупнейшими публицистами того времени были Иван Пересветов и Ермолай Еразм. Бежавший из России князь Андрей Курбский положил начало русской эмигрантской литературе. Польская реформация не поколебала религиозных убеждений Курбского, но неизмеримо раздвинула его умственный горизонт. Наблюдая за тем, как протестантские идеи и католическая пропаганда теснят православие на Украине и в Белоруссии, Курбский убедился в том, что православным, чтобы отстоять свою веру, необходим более высокий уровень образованности. “Мы неискусны, и учиться ленивы, а вопрошати о неведомых (неизвестных вещах) горды”, — писал он. Творениями

“наших учителей чуждые (иноземцы) наслаждаются, а мы гладом духовным таем (худеем от духовного голода), на свои (богатства) зряче”.

Царь Иван IV относился к успехам западной культуры и цивилизации прагматически. Он старался привлечь в страну английских купцов, выписывал в Москву иноземных мастеров и врачей, хлопотал о приобретении гаваней на Балтийском море и развитии торговли со странами Западной Европы. Но его доктрина и бесконечные завоевательные войны неизбежно вели к изоляции России от западного мира. Курбский недаром упрекал царя, что тот “затворил” Русь “как бы во адове твердыни”. Считая свое царство главным и последним оплотом истинной веры во вселенной, Иван IV с недоверием относился к западной латинской премудрости. Курбский не уступал ему в ортодоксальности, но относился к Западу совсем иначе. Из сочинений Максима Грека князь уяснил, что после падения православного Византийского царства многие бесценные творения отцов церкви были увезены в Италию и переведены там на латинский язык. Именно в Италии Курбский пытался искать латинские переводы греческих книг в целях возрождения византийской традиции. Будучи уже немолодым, писатель засел за изучение латинского языка. Православные, писал князь, плохо знают святоотеческую литературу по причине лени и из-за отсутствия славянских переводов. От своего учителя Максима Грека Курбский унаследовал восприимчивость к влиянию византийско-итальянского просвещения и гуманизма. Оказавшись в Литве, Курбский стал собирать вокруг себя “бакаляров” (ученых людей) и составил обширную программу переводов, включавшую “все оперы” Иоанна Златоуста, сочинения Дамаскина, Кирилла Александрийского и др. Некоторых “бакаляров” он отправил в Италию для ознакомления с “вышними” (высшими) науками. Через Дамаскина Курбский перешел к изучению философов, среди которых первое место занимал Аристотель. Князя привлекали также сочинения Цицерона. Собравшимся за рубежом русским людям удалось

осуществить лишь небольшую часть намеченных планов. Они перевели сборник Поучений Иоанна Златоуста под названием “Новый Маргарит”, начали перевод “Богословия” и других сочинений Дамаскина. Судя по подбору сводов и текстов, Курбский и его помощники основательно готовились к прениям с польскими антитринитариями (арианами).

Дух веротерпимости и религиозной свободы, царивший в польском обществе, благоприятствовал деятельности православных писателей и богословов. Крупным событием явилось издание полного славянского библейского свода — Острожской библии (1580 г.). В основу свода была положена новгородская Геннадиева библия, выписанная из Москвы. Однако в отличие от новгородских текстов, сверенных с латинскими текстами, Острожская библия опиралась на греческие сочинения. Среди других в Остроге трудился московский первопечатник Иван Федоров. Князь Острожский, руководивший работой над библейским сводом, использовал греческие рукописи, привезенные из Италии, а также из греческих, болгарских и сербских монастырей. Наметившийся возврат к византийской традиции, имевший место на Украине, со временем оказал значительное влияние на развитие московской православной культуры.

Подавление местных духовных центров, торжество самодержавных порядков, отход от византийского наследия не могли не сказаться на развитии русского искусства в эпоху Грозного.

Покорение Казани явилось апогеем завоевательных войн Грозного. В честь этого события был сооружен храм Покрова Богородицы в Китай-городе подле главных ворот Кремля. Церковь именовали также Троицким собором ввиду того, что мусульманская Казань после взятия была освящена в честь православной Троицы. Первоначально на Красной площади была построена деревянная Троицкая церковь, на месте которой в 1555 — 1561 гг. воздвигли каменный собор. Руководили строительством зодчий Барма и псковский

мастер Постник Яковлев. Храм, получивший позднее наименование Василия Блаженного, объединял воедино девять храмов-столпов, из которых центральный был увенчан высоким шатром, а восемь храмов-приделов — куполами.

Опричнина неблагоприятно сказалась на развитии архитектурных форм. Решающее значение приобрели пристрастия Ивана IV. Покинув Москву, государь решил сделать своей новой опричной столицей Вологду, затерявшуюся в северных лесах. Он лично наблюдал за строительством вологодского храма Святой Софии (1568 — 1570). Построенный в подражание Успенскому собору Кремля, этот храм должен был затмить главную московскую святыню.

В эпоху Московского царства идеи государственности приобрели в живописи особое звучание. Одним из самых значительных произведений московской живописи середины XVI в. была большая, в четыре метра длиной, картина “Благословенно воинство небесного царя”, известная также под названием “Церковь воинствующая”. Ее тема — завоевание Казани и прославление победителя неверных Ивана Грозного. Во главе войска государь возвращается из победоносного похода. Перед ним скачет на красном коне предводитель небесного воинства Архангел Михаил. Православное воинство направляется к “Горнему Сиону” (Москве), перед которым восседает Богоматерь с младенцем на коленях. Позади воинства — огненный “Содом” (горящая Казань). На заднем плане — в торжественном шествии движутся прославленные предки царя от Владимира Святославича до Александра Невского и Дмитрия Донского с конными и пешими полками.

Старые фресковые росписи Кремля были уничтожены грандиозным пожаром 1547 г. Работы по их восстановлению развернулись в 1547 — 1552 гг. Красочными фресками были покрыты стены царского дворца — Золотой палаты Кремля.

По желанию царя росписью палаты руководил Сильвестр. За мастерами присматривал митрополит Макарий, который сам владел кистью и писал иконы. Митрополит и Сильвестр постарались привлечь в Москву лучших псковских и новгородских мастеров.

Стоглавый собор указал на московскую традицию как образец для подражания в живописи. Ссылки на Рублева содержали в себе косвенное осуждение манеры, преобладавшей в новых московских росписях. На большее члены собора не могли решиться, так как роспись Золотой палаты была одобрена самим царем. Однако в Москве нашлись люди, не побоявшиеся вслух выразить сомнения, возникшие у многих московских ортодоксов. Дьяк Иван Висковатый, талантливый и образованный дипломат, три года “возмущал народ” против вновь написанных икон. Особое негодование у дьяка вызвала четырехчастная икона, принадлежавшая кисти псковских мастеров Остани и Якушки. Икона иллюстрировала догмат воплощения Христа и предназначалась для семейного храма царя — Благовещенского собора. Висковатый отстаивал московскую художественную традицию. Но главный спор касался не художественной, а богословской стороны. Давнее расхождение между новгородско-псковской религиозной культурой, более открытой для западных влияний, и московским ортодоксальным православием вновь дало о себе знать. Через два года после Стоглавого собора московские власти осудили за принадлежность к западной ереси дворянина Башкина. Воспользовавшись этим, дьяк Висковатый открыто заявил, что новые псковские иконы и роспись Золотой палаты заражены той же ересью. Дьяк усомнился в каноничности изображения Христа в виде воина, сидящего на кресте, или нагого ангела, укрытого крыльями. Ему претили аллегории в виде нагих и полунагих фигур, а равно и жанровые картинки, низводившие “божественное” на бытовой уровень. Висковатому казалось недопустимым помещать поблизости от фигуры Христа аллегорические изображения “блуда” в образе

“женки” (женщины), которая “спустя рукава, кабы (как будто) пляшет”. (Парадные русские платья имели длину рукава, превышающую длину рук).

Висковатого обычно считают защитником косной старины. Однако, как отметил Г. Флоровский, смысл спора об иконах был шире и глубже, чем принято думать. XVI век был временем перелома в русском иконописании, и раньше всего этот перелом сказался в Новгороде и Пскове. Наметился распад старого иконного письма. Икона стала изображать скорее идеи, чем лики. Висковатый уловил перемену и решительно восстал против нее. Дьяка ужаснули не столько новизна, сколько замысел новой иконографии, возвращение от евангельской истины к Ветхому Завету, к пророческим образам. “Не подобает, — говорил Висковатый, — почитать образ паче истины”. В отступлении от византийских образов дьяк усматривал “латинскую ересь”, т.е. влияние западных образцов живописи.

При Грозном в художественных мастерских Кремля были изготовлены новые царские регалии. Среди них наибольшей известностью пользуется так называемая “шапка Мономаха”. Историю этой короны традиционно связывают с историей “шапки золотой”, принадлежавшей московским князьям. Уже Иван I Калита завещал наследнику парадные одежды (“порты”) — кафтан, расшитый жемчугом, и “шапку золотую”. В раздробленной Руси старшим государем считался великий князь Владимирский, унаследовавший регалии от Владимира Мономаха. Но московские князья могли распоряжаться только своей короной, так как Владимирским княжеством распоряжалась Орда. Василий II завещал Ивану III крест Петра чудотворца и шапку, которую он в отличие от всех своих предков не назвал “золотой”. Иван III впервые мог распорядиться русской короной без оглядки на хана. Но он благославил Василия III крестом Петра, ни слова не упомянув об отцовской “шапке”. Как видно, вопрос о регалиях не приобрел актуальность в начале XVI в. Завещание Василия III не сохранилось, но известно, что короной ему

служила “шапка Мономаха”. По словам австрийского посла, она была нарядно убрана золотыми бляшками, которые колыхались, извиваясь змейками. Неясно, была ли это московская или владимирская корона. Во всяком случае, она была скроена по восточному, а не по византийскому образцу.

Лишь при Иване IV получила официальное признание легенда о византийском происхождении царской короны. В своем завещании царь благословил наследника “шапкой Мономаха”, присланной византийским царем Константином из Царьграда. На царской “шапке Мономаха” полностью отсутствовали золотые бляшки, что мешает отождествить ее с “шапкой Мономаха” Василия III. Хранящаяся в Оружейной палате корона носит на себе следы многократных переделок. Ее основа была изготовлена приблизительно в XIV в. в Средней Азии или на арабском Востоке (по некоторым предположениям, в Византии, что менее вероятно). Эта древняя часть шапки состоит из 8 золотых пластин, украшенных тончайшим тканым узором с зернью. Много позже к древней основе была добавлена вершина с золотым крестом, украшенным крупными жемчужинами.

Глава 5

СМУТА В РОССИИ

Здание самодержавной монархии, воздвигнутое Грозным, оказалось непрочным. Когда трон перешел к царю Федору Ивановичу, началось крушение сильной власти. Сын Грозного отличался слабоумием, и даже исполнение внешних ритуалов дворца давалось ему с трудом. Он не пользовался и тенью авторитета у бояр. Аристократия

постаралась использовать момент и вернуть себе привилегии и права, которыми она пользовалась до опричнины. Любимец Грозного Богдан Вольский пытался упредить боярскую крамолу, возродив опричные порядки. Однако в Москве произошли народные волнения, и по настоянию Боярской Думы Бельский был отправлен в ссылку.

При царе Федоре функционировал опекунский совет, которым практически руководил боярин Н. Романов. После его смерти власть перешла в руки Бориса Годунова.

Годунов принадлежал к числу знаменитых деятелей русской средневековой истории. Полагают, что Борис принадлежал к дворянскому роду татарского происхождения. О происхождении Годуновых сообщает весьма поздний источник “Сказание о Чете”, известное по родословным записям начала XVII в. Согласно этому источнику, татарский царевич Чет-Мурза из Золотой Орды стал родоначальником трех фамилий: Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых. Чет приехал из Орды на службу в Москву при великом князе Иване Калите. Достоверность приведенного “Сказания”, как выяснил С. Б. Веселовский, невелика. Родословную сказку о царском происхождении Годуновых сочинили скорее всего монахи костромского Ипатьевского монастыря, служившего родовой усыпальницей Годуновых. Направляясь из Орды в Москву, татарский царевич якобы успел, остановившись в Костроме, основать там православный Ипатьевский монастырь. После воцарения Бориса “Сказание” приобрело особую актуальность. Оно исторически обосновывало “царское” происхождение династии Годуновых, а заодно подтверждало извечную связь новой династии с Ипатьевским монастырем в Костроме.

Годуновы происходили из старинного костромского боярского рода. К XVI в. они растеряли земельные богатства и превратились в заурядных помещиков. Служба в опричнине открыла перед ними блестящие перспективы. Дядя Бориса Дмитрий Годунов возглавил дворцовую стражу

в опричнине Грозного. Когда на политическом небосклоне засияла звезда Малюты Скуратова, Дмитрий Годунов женил племянника Бориса на дочери опричного палача. Годуновы окончательно упрочили свое положение при дворе, сосватав сестру Бориса Ирину царевичу Федору. В конце Ливонской войны произошли события, круто изменившие судьбу Годуновых. В царской семье произошла ссора. Царь жестоко избил наследника-сына и его беременную жену Елену Шереметеву. Елена родила мертвого сына. От страшного нервного потрясения царевич Иван занемог и через несколько дней умер.

Смерть наследника открыла перед его братом царевичем Федором путь к трону.

В браке с Ириной Годуновой у Федора не было детей. Это отвечало высшим государственным интересам, пока был жив наследник престола царевич Иван. После гибели Ивана бесплодие царицы Ирины стало внушать опасения Грозному, так как обрекало династию на исчезновение. Царь подумывал о разводе Федора с Годуновой, но не успел осуществить свой план. Опасаясь, что Борис будет сопротивляться разводу, Иван IV отказался назначить его опекуном слабоумного Федора. Годунов стал правителем государства благодаря царице Ирине и боярам Романовым, подвергшимся нападкам княжеской аристократии. Интригу против Годуновых и Романовых возглавили князья Шуйские. Они спровоцировали народные беспорядки в столице и пытались разгромить двор правителя. Кремль перешел на осадное положение, а Борис принужден был отправить гонца в Лондон с просьбой о предоставлении ему убежища в Англии.

Род Калиты вырождался. Ирина Годунова неоднократно была беременна, но все ее дети рождались мертвыми. Бояре Шуйские пытались использовать “бесплодие” царицы, чтобы развести ее с мужем и тем самым покончить с влиянием Бориса при дворе. Член регентского совета князь

И. П. Шуйский вместе с митрополитом Дионисием обратились к царю Федору с прошением, чтобы он отправил Ирину в монастырь и ради “чадородия” (рождения наследника) вступил во второй брак.

В молодости Федора угнетал страх перед отцовскими побоями. Но даже своему равному деспоту отцу не удалось принудить безвольного сына к разводу. Еще меньше шансов на успех имели бояре и митрополит, предпринявшие попытку вмешаться в его семейную жизнь.

13 октября 1586 г. митрополит Дионисий был лишен сана, пострижен в монахи и сослан в Хутынский монастырь в Новгороде. Сторонники Шуйских из московских гостей были казнены, а сами бояре Шуйские отправлены в ссылку. Регент И. П. Шуйский в конце Ливонской войны стяжал славу лучшего полководца России. Он руководил обороной Пскова от войск польского короля Стефана Батория и спас страну от полного разгрома. Борис завидовал славе Шуйского и боялся за свою власть, поскольку Иван Грозный назначил воеводу, а не Бориса опекуном слабоумного сына Федора. По приказу правителя И. П. Шуйский был насильственно пострижен в монахи и увезен в Кирилле-Белозерский монастырь, где вскоре же его тайно убили.

Сколь бы критической ни казалась ситуация, убийство Шуйского было продиктовано не трезвым политическим расчетом, а чувством страха. Пострижение регента покончило с его светской карьерой, ибо в мир он мог вернуться лишь расстригой. По словам Горсея, все оплакивали знаменитого воеводу. Репутация Годунова была загублена на раз и навсегда. Отныне любую смерть, любую беду молва мгновенно приписывала его злой воле.

При жизни Бориса его обвиняли в отравлении двух царей — Ивана IV и Федора Ивановича, сестры царицы Ирины, герцога Ганса Датского — жениха Ксении Годуновой, а также дочери герцога Магнуса Датского и многих других лиц.

Однако простой перечень “жертв” Годунова свидетельствует о том, что он сам стал жертвой политической клеветы. Бориса винили в том, что он убил младшего сына Грозного царевича Дмитрия, погубив тем самым законную династию Ивана Калиты, правившую Русью в течение трехсот лет. Сохранилось следственное дело о смерти Дмитрия в Угличе, что дает возможность проверить, сколь основательны были обвинения против Годунова.

Борьба за власть столкнула Годуновых как с боярской знатью, так и с их бывшими соратниками по опричной службе. Сразу после смерти Ивана IV царь Федор по совету опекунов отправил на “удел” в Углич своего младшего брата царевича Дмитрия вместе с его матерью Марией Нагой. Ликвидировав опекунский совет, Борис Годунов не только не оказал внимания семье вдовы Грозного, но еще больше стеснил ее. По наущению Бориса царь прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского. Дьяк был наделен самыми широкими полномочиями. Фактически царевич Дмитрий и его мать царица Мария Нагая лишились почти всех прерогатив, которыми они обладали в качестве удельных владык. Все деньги удельная семья стала получать из рук дьяка. Его постоянная опека вызывала возмущение вдовы Грозного и ее братьев. На этой почве происходили постоянные ссоры и брань,

Царевич погиб в Угличе в полдень 15 мая 1591 года. Согласно официальной версии, он нечаянно нанес себе рану, которая оказалась смертельной. Комиссия боярина Шуйского, расследовавшая дело по свежим следам, пришла именно к такому заключению. “Обыск” (следственное дело) Шуйского сохранился до наших дней. Но вид неловко разрезанных и склеенных листов давно вызывал подозрения у историков.

По слухам, царевич Дмитрий был злодейски зарезан людьми, подосланными Борисом Годуновым. Версия насильственной смерти Дмитрия получила официальное

признание при царе Василии Шуйском и при Романовых. Она оказала огромное влияние на историографию. Это влияние сказывается и по сей день.

Смерть Дмитрия Угличского сопровождалась бурными событиями. В Угличе произошел народный бунт. Подстрекаемые царицей Марией и Михаилом Нагим угличане разгромили Приказную избу, убили государева дьяка Битяговского, его сына и др. Четыре дня спустя прибыла следственная комиссия. Она допросила сто сорок свидетелей. Протоколы допросов, а также заключение комиссии о причинах смерти Дмитрия сохранились до наших дней. Однако существует мнение, что основная часть угличских материалов дошла до нас в виде белой копии, составители которой то ли ограничивались простой перепиской имевшихся в их распоряжении черновых документов, то ли произвели из них некую выборку, а возможно, подвергли редактированию. Тщательное палеографическое исследование текста “обыска”, проведенное сначала В. К. Клейном, а затем А. П. Богдановым, в значительной мере рассеивает подозрения насчет сознательной фальсификации следственных материалов в момент составления их белой копии. Основной материал переписан семью разными почерками. Входившие в комиссию подьячие провели обычную работу по подготовке следственных материалов к судопроизводству. В подавляющем большинстве случаев показания свидетелей-угличан отличались краткостью, и подьячие, записав их, тут же предлагали грамотным свидетелям приложить руку. По крайней мере двадцать свидетелей подписали на обороте свои “речи”. Их подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности, довольно точно соответствовавшую их общественному положению и роду занятий. В следственную комиссию вошли очень авторитетные лица, придерживавшиеся разной политической ориентации. Скорее всего, по инициативе Боярской думы руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва

ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. Его помощником стал окольный А. П. Клешнин. Он поддерживал дружбу с правителем, хотя и доводился зятем Григорию Нагому, состоявшему при царице Марии в Угличе. Вся практическая организация следствия лежала на главе Поместного приказа думном дьяке Е. Вылузгине и его подьячих. По прошествии времени следователь В. Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Составленный следственной комиссией “Обыск” сохранил не одну, а по крайней мере две версии гибели царевича Дмитрия. Версия насильственной смерти всплыла в первый день дознания. Наиболее энергично ее отстаивал дядя царицы Марии Михаил Нагой. Он же называл убийц Дмитрия: сына Битяговского Данилу, его племянника Никиту Качалова и др. Однако Михаил не смог привести никаких фактов в подтверждение своих обвинений. Его версия рассыпалась в прах, едва заговорили другие свидетели. Когда позвонили в колокол, показала вдова Битяговского, “муж мой Михаиле и сын мой в те поры ели у себя на подворьишке, а у него ел священник... Богдан”. Поп Богдан был духовником Григория Нагого и изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев, утверждая, что те не причастны к убийству дьяка, погубленного посадскими людьми. Хотя показания попа откровенностью не отличались, он простодушно подтвердил перед Шуйским, что обедал за одним столом с Битяговским и его сыном, когда в городе ударили в набат. Таким образом, в минуту смерти царевича его “убийцы” мирно обедали у себя в доме вдалеке от места преступления. Они имели стопроцентное алиби. Преступниками их считали только сбитые с толку люди.

Показания свидетелей позволяют выяснить еще один любопытный факт: Михаил Нагой не был очевидцем происшествия. Он прискакал во дворец “пьян на коне”,

“мертв пьян”, после того, как ударили в колокол. Протрезвев, Михаил осознал, что ему придется держать ответ за убийство дьяка, представлявшего в Угличе особу царя. В ночь перед приездом Шуйского он велел преданным людям разыскать несколько ножей и палицу и положить их на трупы Битяговских, сброшенные в ров у городской стены. Комиссия, расследовавшая дело по свежим следам, без труда разоблачила этот подлог. Городовой приказчик Углича Русин Раков показал, что он взял у посадских людей в Торговом ряду два ножа и принес их к Нагому, а тот велел слуге зарезать курицу и вымазать ее кровью оружие. Михаил Нагой был изобличен, несмотря на запирательство. На очной ставке с Раковым слуга Нагого, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. Михаила Нагого окончательно выдал брат Григорий, рассказавший, как он доставал из-под замка “ногайский нож” и как изготовлены были другие “улики”.

Версия нечаянного самоубийства Дмитрия исходила от непосредственных очевидцев происшествия. В полдень 15 мая царевич под наблюдением взрослых гулял с ребятами на заднем дворе и играл ножичком в тычку. При нем находились боярыня Волохова, кормилица Арина Тучкова, ее сын Баженко, молочный брат царевича, постельница Марья Колобова, ее сын Петрушка и еще два жильца (придворные служители, отобранные в свиту царевича из числа его сверстников). Шуйский придавал показаниям мальчиков исключительное значение и допрашивал их с особой тщательностью. Прежде всего он выяснил, “кто в те поры за царевичем были”. Жильцы отвечали, что “были за царевичем (возле царевича) в те поры только они, четыре человека, да кормилица, да постельница”. На заданный “в лоб” вопрос, “были ли в те поры за царевичем Осип Волохов и Данило Битяговский”, они дали отрицательный ответ. Мальчики прекрасно знали людей, о которых их спрашивали (сын дьяка был их сверстником, а Волохов и Качалов служили жильцами в свите царевича и были постоянными товарищами их игр). Они кратко, точно и живо рассказали о

том, что произошло на их глазах: “... играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож”.

Может быть, мальчики сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому? Такое предположение убедительно опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — показали следующее: когда царица села обедать, они стояли “в верху за поставцом, ажио, деи, бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился, деи, царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла, деи, на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом сам и оттого умер”. Итак, Петрушка Колобов сообщил комиссии то же самое, что и дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили Марья Колобова, мамка Волохова и кормилица Тучкова. Свидетельство кормилицы отличалось удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она называла себя виновницей несчастья: “...она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...”.

Спустя некоторое время нашелся восьмой очевидец гибели царевича. Приказной царицы Протопопов на допросе показал, что услышал о смерти Дмитрия от ключника Толубеева. Ключник, в свою очередь, сослался на стряпчего Юдина. Всем троим тотчас устроили очную ставку. В результате выяснилось, что в полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях “у поставца” и от нечего делать смотрел в окно, выходящее на задний двор. По словам Юдина, царевич играл в тычку и накололся на нож. Юдин знал, что Нагие толковали об убийстве, и благоразумно решил уклониться от дачи показаний следственной комиссии. Если

бы его не вызвали на допрос, он так ничего бы и не сказал.

Версия нечаянной гибели царевича содержит два момента, каждый из которых поддается всесторонней проверке. Во-первых, болезнь Дмитрия, которую свидетели называли “черным недугом”, “падучей болезнью”, “немочью падучею”. Судя по описаниям припадков и их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали свидетели, “прежде тово... на нем (царевиче. — *Р.С.*) была ж та болезнь по месяцем безпрестанно”. Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до его кончины. Перед “великим днем”, показала мамка Волохова, царевич во время приступа “объел руки Ондрееве дочке Нагова, едва у него... отняли”. Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий в великое говенье у дочери его “руки переел”, а прежде “руки едал” и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича “как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье за что попадетца” О том же говорила и вдова Битяговского: “Многажды бывало, как ево (Дмитрия. — *Р.С.*) станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой, и кормилица, и боярони, и он... им руки кусал или, за что ухватил зубом, то объест”.

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник. На третий день царевичу “маленько стало полежче”, и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ.

Во-вторых, согласно версии о самоубийстве, царевич в момент приступа забавлялся с ножичком. Свидетели описали забаву подробнейшим образом: царевич “играл через черту ножом”, “тыкал ножом”, “ходил по двору, тешился сваею (остроконечный нож. — *Р.С.*) в кольцо”. Правила игры были несложными: в очерченный на земле круг игравшие поочередно втыкали нож, который следовало взять за острие лезвием вверх и метнуть так ловко, чтобы

он, описав в воздухе круг, воткнулся в землю торчком. Следовательно, когда с царевичем случился припадок, в руках у него был остроконечный нож. Жильцы, стоявшие подле Дмитрия, показали, что он “набросился на нож”. Василиса Волохова описала случившееся еще точнее: “.. бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло”. Остальные очевидцы утверждали, что царевич напоролся на нож, “бьuchia” или “летячи” на землю. Таким образом, все очевидцы гибели Дмитрия единодушно утверждали, что эпилептик уколол себя в горло, и расходились только в одном: в какой именно момент царевич уколол себя ножом — при падении или во время конвульсий на земле.

Могла ли небольшая рана повлечь за собой гибель ребенка? На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. При повреждении одного из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Прокол яремной вены влечет за собой почти мгновенную смерть, при кровотечении из сонной артерии агония может затянуться.

После смерти Дмитрия Нагие сознательно распространили слух о том, что царевича зарезали подосланные Годуновым люди. Правитель Борис Годунов использовал первый же подходящий случай, чтобы предать Нагих суду. Таким случаем явился пожар Москвы. Обвинив Нагих в поджоге столицы, власти заточили Михаила Нагого и его братьев в тюрьму, а вдову Грозного насильно постригли и отправили “в место пусто” — на Белоозеро.

При Грозном в России сложилась имперская система власти. Учредив опричнину, царь разделил дворянское сословия надвое, натравив одну половину на другую. Непосредственный эффект его политики был огромен: царь утвердил свою неограниченную личную власть. Но долговременные последствия его политики были катастрофическими. Политическая опора монархии

оказалась расщеплена, вследствие чего структура власти лишилась стабильности. Раскол дворянского сословия не был преодолен после отмены опричнины. Он продержался 20 лет сначала в виде “удела”, а затем в виде “двора”. Пока существовал “двор”, существовала опасность возврата к террору. После смерти Ивана IV Б. Я. Бельский пытался совершить переворот, но потерпел неудачу. Борис Годунов проявил подлинную государственную мудрость, распустив “двор” в 1587 г. и покончив тем самым с политическим наследием Грозного. Последующее столкновение его с аристократией не привело к возрождению опричнины. Конфликт был разрешен без погромов и резни. Вскоре после гибели бояр И. П. Шуйского и А. И. Шуйского Борис вернул из ссылки Василия, Дмитрия и Ивана Шуйских и даже поручил Василию розыск о смерти царевича Дмитрия.

Преодолев политический кризис, правитель Борис Годунов провел в жизнь крупнейшие социальные реформы, консолидировавшие дворянское сословие. Он освободил от подати (“обелил”) барскую запашку в дворянских усадьбах. Его реформа провела резкую разграничительную линию между привилегированным дворянским сословием и податными низшими сословиями.

В годы правления Годунова произошли кардинальные перемены в положении крестьян на Руси. В середине XVI в. крестьяне имели право уйти от землевладельца по окончании сельских работ в Юрьев день (в конце ноября), Однако в конце века они утратили это право.

Как и при каких обстоятельствах сформировался крепостнический режим в конце XVI века? Для русской истории этот вопрос имеет первостепенное значение. Феодальные архивы сохранили важнейшие крестьянские законы, изданные в правление Ивана Грозного, Бориса Годунова и первых Романовых. В длинной цепи недостает лишь одного, но зато самого важного звена — закона об отмене Юрьева дня, покончившего с крестьянской свободой.

Ученые ищут решения проблемы закрепощения уже более 200 лет. В ходе дискуссии были выдвинуты две основные концепции. Одна воплотилась в теории “указного” закрепощения крестьян, другая — в теории “безуказного” закрепощения.

Известный русский историк В. Н. Татищев считал, что крестьян закрепостил Годунов специальным законом 1592 г. После смерти злосчастного Бориса текст его закона был затерян, да так основательно, что никто не смог его разыскать.

Слабость “указной” теории заключалась в том, что она опиралась не на строго проверенные факты, а на догадки. Отметив это обстоятельство, В. О. Ключевский назвал исторической сказкой мнение об установлении крепостной неволи Годуновым. Не правительственные распоряжения, утверждал он, а реальные условия жизни, задолженность крестьян положили конец крестьянским переходам.

Благодаря трудам Б. Д. Грекова в советской историографии утвердилась гипотеза, согласно которой Юрьев день был упразднен в России указом Ивана Грозного о введении “заповедных лет”, изданным в 1581 г., но не разысканным до сего дня. В работах советских историков “указная теория” закрепощения возродилась, но закрепощение стали связывать с именем Ивана IV.

Чем значительнее историческое явление, тем больше вероятность того, что оно отразится в источниках и в памяти современников. Утрата, быть может, самого значительного из указов Грозного удивительна сама по себе. В источниках времени Ивана IV отсутствуют какие бы то ни было указания на “заповедные годы”. Впервые это понятие фигурирует в документах эпохи Бориса Годунова. В 1590 г. Поместный приказ выдал жалованную грамоту городу Торопцу, в которой можно обнаружить четкие сведения о нормах

“заповедных лет”. На основании грамоты жители Торопца получили разрешение вернуть на посад своих тяглецов (людей, плативших государеву подать — тягло), которые ушли на земли помещиков и монастырей “в заповедные лета”. Торопецкая грамота вносит поправку в теорию “заповедных лет”. Основной “заповедной” нормой считали формальное упразднение Юрьева дня. Однако торопецкий документ говорит не о крестьянах, а о посадских людях, никакого отношения к Юрьеву дню не имевших. Наряду с городами нормы “заповедных лет” распространялись на сельскую местность. Известно, что помещики возвращали себе крестьян, ушедших от них в “заповедные годы”. Достоверные источники приказного происхождения 1590 — 1592 гг. позволяют обнаружить наиболее характерные черты “заповедного” режима, находившегося в то время в процессе формирования: “заповедь” имела в виду налогоплательщиков города и деревни; механизм “заповедного” режима приводила в движение инициатива отдельных землевладельцев и феодальных городов; “заповедные лета” функционировали как система временных мер. Можно отметить и еще одну характерную особенность. В большинстве правительственных распоряжений о возвращении тяглых горожан и крестьян на старое место жительства нет термина “заповедные лета”. Как видно, нормы “заповедных лет” возникли не из законодательного акта, а из практических распоряжений властей. Финансы стали одной из главных пружин этого механизма.

К концу царствования Грозного податные поступления в казну резко сократились, финансовая система пришла в полный упадок. При Федоре власти проводили в отношении податных сословий такую политику, которая определялась в первую очередь необходимостью укрепления финансовой системы. Таким образом, возврат крестьян и посадских людей на тяглые участки был связан поначалу не с законодательной отменой Юрьева дня, а с упорядочением налоговой системы и временным прикреплением налогоплательщиков к государеву тяглу. “Заповедь”

рассматривалась как частная, преходящая мера, призванная помочь возрождению расстроенной налоговой системы. Временные меры, преследовавшие узкофинансовые цели, очевидно, не нуждались в развернутом законодательстве. Поначалу едва ли кто-нибудь предвидел, к каким последствиям приведет новая налоговая политика.

То, что ученым не удалось отыскать закон об отмене Юрьева дня, нисколько не удивительно. Значительная часть архивов XVI в. исчезла бесследно. Необъяснимо другое. При вступлении на трон Лжедмитрий I (1605 — 1606) велел собрать законы всех своих предшественников и объединить их в Сводный судебник. Его приказ выполняли дьяки, возглавлявшие суды при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. В их руках были нетронутые архивы. Тем не менее они не смогли найти и включить в свод законов указ, аннулирувавший Юрьев день. Эта странная неудача может иметь лишь одно объяснение: разыскиваемый указ, по-видимому, никогда не был издан. Узкофинансовая мера — временное прикрепление налогоплательщиков к дворам и пашенным участкам — имела неодинаковые последствия для горожан и сельских жителей. В городах она не прижилась, зато в деревне помещики оценили все выгоды, вытекавшие из прикрепления крестьян к имениям, и сделали все, чтобы превратить временные распоряжения в постоянно действующий порядок. Не правительство, а дворянское сословие провело в жизнь закрепощение крестьян.

Количество споров из-за крестьян множилось. Помещики годами ждали решения суда по своим делам. Чтобы покончить с нараставшими трудностями, власти должны были ограничить давность исков о крестьянах пятью годами. С обычной ссылкой на царя Поместный приказ в мае 1594 г. предписал судьям “старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати”. Так, в ходе длительной судебной практики была выработана новая юридическая норма — пятилетние “урочные годы”. Появление ее показало, что временные

распоряжения властей начали превращаться в постоянное узаконение. Сознание современников чутко уловило этот рубеж. В 1595 г, новгородские монахи смогли написать: “Ныне по государеву указу крестьяном и бобылем выходу нет”.

Чтобы верно интерпретировать источник, надо прежде всего уточнить понятия, употребленные в нем. Для современников Годунова понятие “царский указ” не совпадало с понятием “закон”. Любое частное решение власть выносила от имени царя посредством формулы “по государеву указу”. Отсюда следует, что слова новгородских монахов об “указе” Федора не обязательно имели в виду развернутый законодательный акт против крестьянского выхода.

Распоряжение о пятилетних “урочных годах” получило законодательное подтверждение в 1597 г., когда царь издал указ, предоставивший всем помещикам право разыскивать бежавших от них крестьян и возвращать со всем имуществом в течение пяти “урочных” лет.

При царе Василии Шуйском в 1607 г. Поместный приказ издал пространное Уложение о крестьянах, в текст которого была включена своего рода историческая справка. “При царе Иоане Васильевиче, — утверждали дьяки, — крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоанович по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьяном заказал, и у кого колико тогда крестьян где было, книги учинил”.

Компетентность составителей Уложения не вызывает сомнения. Уложение вышло из стен того самого Поместного приказа, который издавал и хранил все законы о крестьянах. Этот источник имеет первостепенное значение. Он окончательно разрушает представление о том, что крестьяне утратили выход при Грозном. Предполагали, что царь Иван, введя “заповедь”, провел перепись земель, чтобы закрепить крестьян за землевладельцами. По Уложению, перепись

провел не Иван, а Федор. Факты целиком подтверждают эту версию. При Грозном писцы побывали лишь в Новгороде. Общее описание государства было сделано после его смерти.

Составители справки 1607 г., очевидно, имели в виду указ царя Федора от 1597 г. В тексте указа не было положения об отмене Юрьева дня. Но указ исходил из того, что нормы выхода крестьян утратили силу. Издание закона 1597 г. означало, что система мер по упорядочению финансов окончательно переродилась в систему прикрепления к земле. Таким был механизм закрепощения многомиллионного русского крестьянства.

Крепостной закон 1597 г. был издан от имени царя Федора. Но Федор доживал свои последние дни, и современники отлично знали, от кого исходил именной указ. Крепостнический курс доставил Борису широкую поддержку со стороны феодального дворянства.

Царь Федор" умер 6 января 1598 г. Древнюю корону — шапку Мономаха — надел на себя Борис Годунов, одержавший победу в борьбе за власть. Среди современников и потомков многие сочли его узурпатором. Но такой взгляд был основательно поколеблен благодаря работам В. О. Ключевского. Известный русский историк утверждал, что Борис был избран правильным Земским собором. Мнение Ключевского разделял С. Ф. Платонов. Воцарение Годунова, писал он, не было следствием интриги, ибо Земский собор выбрал его вполне сознательно и лучше нас знал, за что выбирал.

Земскими соборами в России называли представительные учреждения. Правительство созывало соборы для решения важных политических и финансовых вопросов. На соборы приглашали помимо Боярской думы и высшего духовенства также представителей дворянства, духовенства и верхов посадского населения.

Избирательная документация Годунова сохранилась. Авторы ее старательно описали историю восшествия Бориса на престол, но им не удалось избежать недомолвок и противоречий. Историки до сих пор не могут ответить на простой вопрос: “Сколько людей участвовало в соборном избрании Годунова?”. Н. М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С. М. Соловьев — 474, Н. И. Костомаров — 476, В. О. Ключевский — 512, а современная исследовательница С. П. Мордовина — более 600. Эти расхождения поистине удивительны. Они порождают мысль о возможности подлога (фальсификации) в избирательной документации Бориса Годунова. Попытаемся исследовать этот вопрос со всей возможной тщательностью.

Сохранилось не одно, а два соборных постановления об утверждении Бориса в царском чине. На первом имеется дата — “июль 1598 г.”, на втором — “1 августа 1598 г.”. Если брать эти даты на веру, тогда неизбежным будет вывод, что обе “утвержденных грамоты” были составлены практически в одно и то же время. Однако тщательное сопоставление текста двух соборных постановлений порождает сомнения в правильности такого вывода. Во-первых, в грамотах не совпадают имена членов собора — “выборщиков”, якобы утвердивших избрание Бориса Годунова на трон. Во-вторых, грамоты по-разному освещают ход избирательной борьбы.

Ранняя “утвержденная грамота” явно состоит из частей, составленных в разное время. Ее основная часть имеет традиционную концовку, включающую формулу о присяге членов собора на верность Годунову и формулу проклятия по адресу всех непослушных. Затем следует заключительная фраза: “А у сей утвержденной грамоты сидели...” (иначе говоря, эту грамоту обсуждали и утвердили в качестве соборного приговора). Ниже приведен список членов избирательного собора.

Со временем грамоту дополнили обширной припиской,

имевшей совершенно такую же концовку, как и основной текст. Ее составители повторили формулу верности Борису и проклятия по адресу слушников. Они же датировали грамоту, пометив, что она “уложена и написана бысть лета 7106 июля в ... день”.

Можно предположить, что эта дата указывала на время составления приписки, а не основного текста.

К какому же времени относится основной текст приговора об избрании Бориса? В грамоте можно обнаружить самые точные данные на этот счет. Патриарх Иов, сказано в ней, 9 марта 1598 г. предложил собору составить грамоту об утверждении Бориса на царство:

“Да будет впредь неколебимо, как во утвержденной грамоте написано будет”. 30 апреля Борис въехал в царский дворец, после чего “сию утвержденную грамоту, по мале времени написавши, принесоша к Иеву”. Значит, утвержденная грамота была составлена в марте — начале мая 1598 г. В пользу этой даты говорит и то, что соборный приговор день за днем описывает избирательную кампанию с января до апреля, но полностью умалчивает о последующих событиях. Так обнаруживается первый подлог в избирательной документации Годунова. Вопреки точным указаниям начального текста, редакторы произвольно передвинули время ее составления с весны на июль, выставив эту дату в приписке к тексту грамоты.

Второй приговор об избрании Бориса помечен 1 августа. В отличие от первого он скреплен подписями не только церковников, но и всех светских чиновников, участвовавших в выборах. В. О. Ключевский первым заметил несоответствие между списками и подписями избирателей Годунова и попытался объяснить расхождение тем, что списки были составлены при созыве собора в феврале — марте, а подписи собраны при закрытии собора в августе. Гипотеза В. О. Ключевского кажется, однако,

неубедительной.

Тщательная проверка списков и подписей избирателей позволяет установить иную дату составления грамоты. После коронации, в первых числах сентября, Борис пожаловал чинами многих знатных дворян, участвовавших в выборах. Основной факт состоит в том, что избирательная грамота Годунова отразила состав Боярской думы не на 1 августа 1598 г., а на январь 1599 г. Новые бояре и окольничие поименованы в грамоте с теми чинами, которые пожаловал им Годунов в конце 1598 г.

Новая датировка объясняет, почему далеко расходятся между собой списки церковного собора в двух утвержденных грамотах. Не две-три недели, а год разделял две редакции грамоты, и в этот период сменились настоятели ряда монастырей. Возникла даже новая епископская кафедра в Кореле, и она впервые названа в поздней редакции “утвержденной грамоты”.

Факты позволяют обнаружить второй подлог в избирательных документах Годунова. Цели и мотивы этого подлога можно понять. Окружение нового царя ориентировалось на прецедент — избрание царя Федора. Земский собор “избрал” на трон слабоумного царского отпрыска ровно за месяц до его коронации. Годуновская канцелярия стремилась доказать, что и Борис короновался на царство через месяц после избрания на Земском соборе.

А теперь рассмотрим историю Земского собора 1598 г. по существу.

Царь Федор Иванович не оставил после себя завещания. Неясно, помешал ли ему правитель или по своему умственному убожеству он и сам не настаивал на необходимости “совершить” духовную. В ходе избирательной борьбы возникли различные версии насчет его последней воли. Носились слухи, будто Федор назвал в качестве

преемника Романова, одного из своих братьев. Официальная версия, исходившая от Годуновых, была иной. Как значилось в утвержденной грамоте ранней редакции, Федор “учинил” после себя на троне жену Ирину, а Борису “приказал” царство и свою душу в придачу. Окончательная редакция той же грамоты гласила, что царь оставил “на государствах” супругу, а патриарха Иова и Бориса Годунова назначил душеприказчиками. Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх тщетно напоминал Федору о необходимости назвать имя преемника. Царь по обыкновению отмалчивался и ссылался на волю Божью. Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона. По словам очевидцев, Федор наказал Ирине “принять иноческий образ” и закончить жизнь в монастыре. Как видно, “благоуродивый” (юродивый) Федор действовал в полном соответствии с церковными предписаниями и стариной.

Каждый из родственников царя имел свою причину негодовать на его поведение. В итоге Федор умер в полном небрежении. Вскрытие гробницы показало, что покойника обрядили в скромный мирской кафтан, перепоясанный ремнем, и даже сосуд для миро ему положили не по-царски простой. “Освятованный” царь, проведший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения. А между тем в роду Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времен Василия III и Ивана IV. Но с Федором начали обращаться, как с брошенной куклой, еще до того, как он испустил дух.

Борис отказался исполнить волю царя относительно пострижения вдовы-царицы и пытался закрепить за ней трон. Тотчас после кончины мужа Ирина издала закон о всеобщей и полной амнистии, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, татей (воров), разбойников и прочих сидельцев.

Преданный Борису Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. Обнародованный в церквах

пространный текст присяги вызвал общее недоумение. Подданных заставляли принести клятву на верность патриарху Иову и православной вере, царице Ирине, правителю Борису и его детям. Под видом присяги церкви и царице правитель фактически потребовал присяги себе и своему наследнику. Он явно не рассчитал своих сил и вынужден был отступить.

Исполняя волю покойного государя, Ирина Годунова приняла пострижение и удалилась в Новодевичий монастырь.

Среди претендентов на трон современники называли Федора и Александра Никитичей Романовых, двоюродных братьев умершего царя. Несколько меньшими шансами обладал глава Боярской думы князь Федор Мстиславский, хотя в его жилах текла кровь литовских великих князей, и он был праправнуком Ивана III.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с открытыми нападками на правителя. Бояре прибегли к клевете, чтобы восстановить против Бориса столичное население. Кто-то пустил слух, что царь Федор был отравлен по его приказу. Опасаясь за свою жизнь, Годунов перестал ездить в Боярскую думу и укрылся сначала на своем подворье, а затем в стенах хорошо укрепленного Новодевичьего монастыря.

Бегство Годунова из Кремля явилось свидетельством неудачи. Многие ожидали немедленной отставки Бориса с поста правителя.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам нового царя. Патриарх созвал на своем подворье соборное совещание, принявшее решение об избрании на трон Бориса. На совете присутствовали бояре Годуновы, их родня Сабуровы и Вельяминовы, некоторые младшие чины думы. Противники

правителя на собор приглашены не были.

В то время как сторонники Годунова заседали на подворье патриарха, руководство думы созвало свое особое совещание в Большом кремлевском дворце. Боярская дума была высшим государственным органом России, и только этот орган мог решить вопрос о престолонаследии. Но в думе царил раздор. Не только Мстиславский и Романов, но и другие великородные бояре метили на трон. Спорам не было конца. Наконец, бояре пришли к компромиссному решению. Лучший оратор думы дьяк Щелкалов вышел на Красное крыльцо и от имени бояр предложил народу принести присягу на имя думы. Попытка ввести в стране боярское правление, однако, не встретила поддержки в народе.

Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход всевозможные средства — от агитации до подкупа, стараясь заручиться поддержкой столичного населения.

Собор оказался более расторопным. 20 февраля патриарху удалось организовать шествие в Новодевичий монастырь. Борис благосклонно выслушал речи соборных чинов, но на все их “моления” отвечал отказом. Выйдя к толпе, правитель со слезами на глазах клялся, что и не мыслил посягнуть на “превысочайший царский чин”. Мотивы отказа Годунова от короны нетрудно понять. Как видно, его смущала малочисленность толпы. А кроме того, он хотел покончить с клеветой насчет цареубийства. Чтобы вернее достичь этой цели, Борис распустил слух о своем скором пострижении в монахи. Настроения в столице стали меняться, на этот раз в пользу правителя.

Патриарх и члены собора постарались использовать наметившийся успех. По распоряжению патриарха столичные церкви открыли двери перед прихожанами с вечера 20 февраля до утра следующего дня. Расчет

оказался правильным. Ночное богослужение привлекло множество народа. Наутро духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и со всей “святостью” двинулось крестным ходом в Новодевичий.

Выйдя к народу, Годунов обернул шею тканым платком и дал понять всем, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Жест произвел большое впечатление на толпу. С еще большим усердием люди кричали: “Сжалесь, государь Борис Федорович, будь нам царем-государем!”. Их крики огласили все Новодевичье поле. Притворно продолжая упорствовать, правитель покинул церковную паперть и скрылся в келье сестры. Тогда некий мальчик, посаженный взрослыми, взобрался на стену между зубцами напротив домика царицы и принялся кричать: “Пусть царица разрешит брату быть царем!”.

Расчетливо выждав момент, Борис вышел наконец из кельи и великодушно объявил о своем согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

30 апреля 1598 года Годунов окончательно вернулся в столицу. За Неглинной его ждали духовенство и народ. Борис отстоял службу в Успенском соборе, затем прошел в царские палаты и там сел “на царском своем престоле”. Дьяки поспешили завершить работу над утвержденной грамотой о соборном избрании Бориса на трон. В текст грамоты была включена вся прогoduновская документация, составленная в ходе деятельности избирательного собора. По приказу Иова грамоту зачитали членам ‘священного собора, которые вслед за тем поставили на ней свои подписи. Для того чтобы документ получил силу закона, его должны были скрепить подписями члены высшего государственного органа — Боярской думы. Однако позиция, занятая думой, весьма мало благоприятствовала осуществлению замыслов Бориса и Иова.

Переезд Годунова в царские апартаменты положил конец разногласиям в стане оппозиции. Бояре начали понимать, что им не удастся остановить Годунова, если они не примут немедленных мер. Выступление боярской оппозиции возглавил Богдан Вольский. Знаменитый временщик Грозного обладал огромным опытом по части политических интриг, и ему удалось добиться бесспорного успеха. Как доносили из России литовские разведчики, в апреле “некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их и Федор Никитич со своим братом и немало других, однако не все, стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона”. Как видно, Вольскому удалось примирить претендентов на трон и уговорить их действовать сообща.

Крещеный татарский хан Симеон по прихоти Грозного занимал некогда московский трон, а затем стал великим князем Тверским. “Царская” кровь и благословение царя Ивана IV давали Симеону большие преимущества перед худородным Борисом. Симеон понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации Бориса. Их цель по-прежнему сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз посредством подставного лица.

Борис не осмелился возражать Боярской думе, но постарался помешать ее деятельности под предлогом опасности татарского вторжения. 1 апреля Разрядный приказ объявил, что Крымская орда движется на Русь. Легко догадаться, кому понадобился ложный слух. В обстановке военной тревоги правителю нетрудно было разыграть роль спасителя отечества и добиться послушания от бояр.

Годунов объявил, что лично возглавит поход на татар. К началу мая полки были собраны, а бояре поставлены перед выбором. Им предстояло либо занять высшие командные посты в армии, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинение в измене. В такой ситуации

руководство Боярской думы предпочло на время подчиниться.

Отдав приказ о соборе под Москвой всего дворянского ополчения, Годунов в начале мая выехал к полкам в Серпухов. Правителю не пришлось отражать неприятельского нашествия, тем не менее он пробыл на Оке два месяца. При нем находились вызванные из Москвы архитекторы и строители. Они воздвигли под Серпуховом целый город из белоснежных шатров с невиданными башнями и воротами. В этом городе Борис устроил поистине царский пир по случаю благополучного окончания своего предприятия.

В июле патриаршая канцелярия обновила утвержденную грамоту об избрании Бориса на трон. В ее тексте появились новые подписи духовных лиц. Однако и на этот раз Борис не решился передать документ на подпись в думу. В конце концов он предпочел ограничиться церемонией присяги.

Серпуховский поход смел последние преграды на пути к общей присяге. Вековой обычай предписывал проводить присягу в зале заседаний высшего государственного органа — Боярской думы. Церемонией могли руководить только старшие бояре. Дума цепко держалась за старину. Но Борис не посчитался с традицией и велел целовать себе крест не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви, где распоряжался преданный ему патриарх Иов. Текст летней присяги состоял из пространный перечня обязанностей подданных по отношению к “богоизбранному” царю. Подданные обещали “не думать, не дружить, не ссылаться с царем Симеоном” и немедленно выдать Борису всех, кто хочет “посадить Симеона на Московском государстве”. В этом пункте заключался главный политический смысл присяги. Ловким ходом Годунов разрушил планы оппозиции, замышлявшей передать трон “царю” Симеону.

В сентябре Годунов венчался на царство в Успенском соборе в Кремле. Патриарх Иов возложил на его голову шапку Мономаха. Боярин Мстиславский осыпал его золотыми монетами в дверях церкви. Новый “помазанник Божий” нарушил торжественную церемонию речью, не предусмотренной ритуалом. “Отец мой, великий патриарх! — воскликнул он посреди литургии. — Бог тому свидетель, не будет отныне в моем царстве нищих и бедных”. Сжимая ворот расшитой рубахи и ударяя себя в грудь, Борис промолвил, что поделится со всеми последней сорочкой.

Новый государь дал пир на всю Москву, продолжавшийся двенадцать дней. За праздничным столом кормили всех, от мала до велика. В Кремле для народа были выставлены большие чаны со сладким медом и пивом. Служилые люди по всей стране вновь получили денежное жалованье. Многим знатным дворянам царь пожаловал высшие боярские и думные чины. В числе удостоенных особых милостей были Романовы и Бельский. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный (не бывший ни для кого секретом) обет не проливать крови в течение пяти лет. Казна на два года освободила от торговых пошлин столичных купцов, в особенности тех, которые вели крупную торговлю. Народ получил освобождение от годовой подати. Вдовам и сиротам роздали милостыню, платье и припасы.

Однако положение Годунова оставалось достаточно шатким и после коронации. За рубежом то и дело распространялись слухи о том, что царь Борис убит своими подданными. Вести оказывались недостоверными, но в них слышался отзвук продолжавшихся раздоров между Годуновым и враждебной ему группировкой бояр.

Через полгода после коронации правительство созвало в столице новый Земский собор. На нем присутствовали в полном составе вся Боярская дума, многие дьяки и приказные люди, дворянство, стрелецкие головы, богатые столичные купцы, посадские старосты столицы и даже

несколько нечиновных помещиков, представлявших провинцию. Вся функция последнего собора свелась к тому, что его члены заслушали и подписали документ, закрепивший избрание Бориса Годунова и его наследников на трон.

Годунов поклялся, что в его царстве не будет нищих, но не смог выполнить своих обещаний.

В начале XVII в. на Россию обрушились стихийные бедствия, а затем началась гражданская война. В 1601 — 1603 годах страшный голод охватил всю страну. Два года подряд дожди и ранние морозы начисто истребляли все крестьянские посеы. Население быстро исчерпало имевшиеся у него запасы хлеба. Чтобы заглушить муки голода, люди ели лебеду и липовую кору. Смерть косила народ по всей стране. Современники считали, что за три года “вымерла треть царства Московского”.

В литературе прочно утвердилась гипотеза, согласно которой в 1603 году в России произошел взрыв классовой борьбы и началась первая Крестьянская война. На какие факты опирается эта гипотеза? В 1602 — 1603 гг. власти отправили более двух десятков дворян на борьбу с разбойниками в города Владимир, Рязань, Вязьму, Можайск, Коломну и др. Самый большой отряд разбойников во главе с предводителем Хлопком был разбит в окрестностях Москвы осенью 1603 г. Предполагалось, что “восстание Хлопка” одновременно охватило огромное пространство в центре России и правительству с трудом удалось подавить движение крестьян и холопов, перераставшее в Крестьянскую войну, которая угрожала основам феодального строя. Однако такое представление не находит опоры в источниках. Современники четко указывали на то, что шайки разбойников возглавляли холопы. Никаких доказательств массового участия крестьян в разбое в источниках нет. Во-вторых, дворян посылали для поимки разбойников на короткое время и в разные сроки — за год, за полгода до

появления Хлопка. Представление о мощном восстании, одновременно охватившем весь Центр, не более чем мираж.

Когда в России начался голод, Борис открыл царские житницы и стал раздавать голодающим хлеб. Множество крестьян хлынуло в столицу, надеясь на царскую милостыню. Столичные запасы были быстро израсходованы, и тогда Годунов велел разыскивать запасы хлеба по всей стране и везти их в Москву. Однако на дорогах появились многочисленные шайки разбойников, грабившие царские обозы. Попытки очистить главнейшие дороги от грабителей и обеспечить беспрепятственную доставку продовольствия в Москву в 1602 — 1603 гг. не дали результатов. “Движение” разбойников вовсе не было началом Крестьянской войны. Действия мнимых борцов с феодальным гнетом привели к тому, что в Москве погибло 120 тыс. людей. Захватывая обозы с продовольствием, разбойники обрекали на голодную смерть городскую бедноту и беженцев-крестьян, собравшихся в столицу из окрестных уездов.

В годы голода Годунов дважды, в 1601 и 1602 гг., издавал указы о временном возобновлении выхода крестьян в Юрьев день. Таким путем он желал разрядить недовольство народа. Однако действие указа не распространялось на владения бояр и церкви, а также на столичный уезд. Указ Годунова вызвал негодование провинциальных детей боярских помещиков, не желавших подчиниться воле царя и силой удерживавших своих крестьян. Считаясь с волей землевладельцев, Борис отказался возобновить Юрьев день в 1603 г.

Социальная ломка, связанная с утверждением крепостного права, болезненно отозвалась на положении народа и стала одной из существенных причин Смуты начала XVII в.

Крепостничество не могло окончательно восторжествовать в центре, пока существовали вольные окраины, служившие прибежищем для беглого населения. На протяжении

нескольких десятилетий правительство добивалось подчинения казачьих земель, строя остроги на Дону, Северном Донце, Волге, Тереке и Яике. Казаки всеми силами противились властям. Они отказывались выдавать им беглых людей, не принимали воевод в свои городки, не давали проводить перепись их земель. Когда появился самозванный Лжедмитрий I, вольные казаки выступили на его стороне. Борису Годунову пришлось расплачиваться за политику подчинения вольных казачьих окраин.

Важнейшей предпосылкой гражданской войны явился кризис дворянского сословия. Государство смогло ввести принцип обязательной службы с земли лишь после того, как обязалось обеспечить поместьями всех членов дворянского сословия. Но выполнить свое обязательство оно не смогло. К началу XVII в. большинство детей боярских владели поместьями, которые были значительно меньше положенных им поместных окладов. Владельцы измелъчавших поместий испытали последствия голода 1601 — 1603 гг. в той же мере, что и крестьяне.

В начале XVI в. помещики были хорошо обеспечены землей и несли службу в тяжеловооруженной коннице (“полковая служба”). На исходе столетия в России появился новый социальный персонаж — пеший сын боярский с пищалью (ружьем). Ружье было традиционным оружием стрельцов, но не дворян. Отказ от рыцарского вооружения и переход в пехоту означали для измелъчавших помещиков нечто большее, чем смену оружия или рода войск. Их принадлежность к привилегированным сословиям приобретала все более формальный характер. В большом числе пешие дети боярские несли службу в гарнизонах южных крепостей. В 1604 г. Орловский уезд мог выставить в поле 287 детей боярских с пищалью и всего 129 детей боярских полковой службы.

Московские власти искали новые земли, чтобы пополнить поместный фонд и найти выход из кризиса. Они начали

спешно насаждать поместную систему на вновь присоединенных степных окраинах от Воронежа до Белгорода. Казацкая колонизация степи (“дикого поля”) опережала правительственную. Испытывая острый недостаток в воинских людях, правительство стало предоставлять казакам земельное обеспечение и привлекать их для охраны южных границ.

“Дикое поле” издавна служило пастбищем для кочевников. Распаханных земель там было совсем немного, крестьянское население оставалось крайне малочисленным. По этой причине дворяне неохотно переселялись из центральных уездов в черноземную полосу. Не имея возможности набрать необходимое число детей боярских, власти стали раздавать поместья казакам, крестьянским детям и пр. Получив имение, наполовину состоявшее из нераспаханного “дикого поля”, степные помещики сплошь и рядом должны были обрабатывать землю собственным трудом. Имея низшие поместные оклады, такие помещики нередко служили “с пищалью без денег”, не получая никакого жалованья. В степных городах Курске и Ельце мелкопоместных детей боярских привлекали к отбыванию барщинных повинностей на государевой пашне.

Насаждая поместье на вновь присоединенных территориях, власти рассчитывали создать для себя прочную опору на юге России. Однако их поспешные действия привели к обратным результатам. Южные уезды стали своего рода пороховой бочкой. Мятеж в южных гарнизонах послужил толчком к гражданской войне.

В состав дворянского ополчения входили помимо детей боярских их слуги-холопы. Дворян в ополчении было значительно меньше, чем холопов. По случаю ожидавшегося нашествия крымских татар в 1601 г. Годунов приказал, чтобы дворяне выставили в поле не по одному, а по два холопа “с поместий и с вотчин сполна — со ста четвертей по человеку по конному да по человеку пешему с пищалями”. Изменение

норм службы с земли неизбежно вело к снижению удельного веса дворян в ополчении. Холопов стали вооружать не только холодным, но и огнестрельным оружием, что превратило их в серьезную военную силу. В годы великого голода господа не желали или не могли прокормить своих военных слуг. Оставшись без средств к существованию, холопы шли на разбой или бежали на вольные степные окраины и становились казаками. Фактически поместное ополчение распалось. Во всяком случае, оно утратило значение надежной опоры монархии.

Главной причиной Смуты явилась не классовая борьба, а раскол, поразивший дворянство и вооруженные силы государства в целом. Годуновская династия пала после того, как против нее выступили гарнизоны южных крепостей, произошел мятеж в дворянском ополчении и в столице.

Гражданская война в России началась в 1604 г. в результате вторжения в пределы государства Лжедмитрия I.

История самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, принадлежит к числу самых драматических эпизодов того времени.

Избрание Бориса не положило конец боярским интригам. Сначала знать пыталась противопоставить Годунову хана Симеона, позже — самозваного Дмитрия. Полузабытого царевича вспомнили на другой день после кончины царя Федора. Одни толковали, будто Дмитрий жив и прислал им письмо, другие — будто Борис велел убить Дмитрия, а потом стал держать при себе его двойника с таким расчетом: если самому не удастся овладеть тронном, он выдвинет лжецаревича, чтобы забрать корону его руками. Небылицы сочиняли враги Годунова. Они старательно чернили нового царя, а его противников, бояр Романовых, превозносили. Передавали, что старший из братьев Романовых открыто обвинил Бориса в убийстве двух сыновей Грозного и пытался собственноручно покарать злодея.

Всем этим толкам невозможно верить. Слишком много в них несообразностей. Но они помогают установить, кто оживил призрак Дмитрия. То были круги, близкие к Романовым.

После коронации Бориса рассказы о самозванце заглохли сами собой. Но вскоре царь тяжело заболел. Борьба за трон казалась неизбежной, и призрак Дмитрия воскрес вторично. В 1603 г. таинственная и неуловимая тень обрела плоть: в пределах Польско-Литовского государства появился человек, назвавшийся именем погибшего царевича.

В России объявили, что под личиной Дмитрия скрывается беглый чернец Чудова монастыря Гришка Отрепьев. Может быть, московские власти произнесли первое попавшееся имя? Нет, это не так. Поначалу они называли самозванца “безвестным вором” и “баламутом” и, лишь проведя тщательное расследование, установили его имя. Доказать тождество Гришки и лжецаревича с полной неопровержимостью власти, конечно, не могли. Но они собрали подробные сведения о похождениях реального Отрепьева, опираясь на показания его матери, дяди и прочих родственников-галичан. Мелкий галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве инок Григорий, постригся в одном из русских монастырей, после чего сбежал в Литву.

Свою первую версию русские власти адресовали польскому двору. Полякам заявили буквально следующее: “Юшка Отрепьев, як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многожда и, заворовався, постригсе у черницы”. Автором назидательной новеллы о беспутном дворянском сынке был, по-видимому, его дядя Смирной Отрепьев, ездивший в Польшу.

В послании венскому двору Борис писал по поводу беглого монаха: Юшка Отрепьев “был в холопах у дворянина нашего,

у Михаила Романова, и, будучи у него, учал воровата, и Михаиле за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернцах Григорием”. В Вене московские дипломаты впервые назвали покровителя самозванца. Правда, связав воедино имена Отрепьева и Романова, дипломаты тут же попытались рассеять подозрение, будто авантюриста выдвинула влиятельная боярская партия.

Разъяснения за рубежом были сделаны в то время, когда в самой России имя самозванца находилось под запретом. Все толки о чудесно спасшемся царевиче беспощадно пресекались. Но когда Лжедмитрий вторгся в страну, молчать стало невозможно. Враг оказался значительно опаснее, чем думали в Москве, и, хотя он терпел поражение в открытом бою, никакая сила не могла изгнать его за пределы государства.

Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, больше никого не могли убедить. Измышления дипломатов рушились сами собой. Тогда-то за обличение еретика взялась церковь. Патриарх объявил народу, что Отрепьев “жил у Романовых во дворе и заворовался, от смертныя казни постригся в чернцы и был по многим монастырям”, служил на патриаршем дворе, а потом сбежал в Литву. Чтобы уяснить себе, как современники восприняли откровения патриарха, надо знать, что в старину воровством называли чаще всего неповиновение властям, измену и прочие политические преступления. Дипломатические документы называли в качестве причин пострижения Гришки пьянство и воровство. Из патриаршей же грамоты следовало, что он постригся из-за преступлений, совершенных на службе у Романовых.

После гибели Годуновых и смерти Лжедмитрия I царь Василий Шуйский, вождь заговора против самозванца,

нарядил новое следствие по делу Отрепьева. Он огласил историю Гришки с большими подробностями, чем Борис. В частности, Шуйский сообщил полякам, что Юшка Отрепьев “был в холопех у бояр Микитиных, детей Романовича, и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы”.

Дело об “измене” Романовых и Черкасских было самым крупным политическим процессом времен Годунова. Розыск начался по доносу дворянина Бартенева, служившего казначеем у Александра Романова. Бартенев донес, что Романовы хранят у себя в казне волшебные коренья, намереваясь “испортить” (умертвить колдовством) царскую семью. Подлинные документы о ссылке Романовых подтверждают сведения о том, что они стали жертвами “колдовского” процесса. Приставы (стража) говорили Романовым, закованным в железа: “Вы, злодеи-изменники, хотели царство достать ведовством (волшебством) и кореньем”. Из дневника польского посольства следует, что отряд царских стрельцов совершил вооруженное нападение на подворье Романовых 26 октября 1600 г. Братья Романовы были арестованы. Боярская комиссия во главе с Салтыковым произвела обыск на захваченном подворье и обнаружила коренья. Найденные улики были доставлены на патриарший двор, где собрались дума и высшее духовенство. Суд признал Романовых виновными в покушении на жизнь царя и государственной измене. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Борис долго колебался, не зная, как поступить с Романовыми. В конце концов Федор Никитич Романов был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета, а его братья Александр, Михаил, Василий, Иван и зятья князя Черкасские и Сицкие отправлены в ссылку.

Причиной расправы с Романовыми и Черкасскими явился не столько “боярский заговор”, сколько болезнь царя Бориса. Один из современников Бориса заметил, что тот царствовал

шесть лет, “не царствуя, а всегда болезнуй”. К осени состояние здоровья Годунова резко ухудшилось. В Москве ждали его кончины со дня на день. В столице поднялась тревога. Тогда Борис распорядился отнести себя на носилках из дворца в Успенский собор, чтобы покончить со слухами о своей кончине. Романовы поспешили вызвать в Москву многочисленную вооруженную свиту. Они надеялись на то, что вскоре вновь смогут вступить в борьбу за обладание короной. Малолетний наследник Бориса царевич Федор имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного самодержца оставалось единственное средство ее спасения: он постарался избавиться от претендентов на трон и отдал приказ о штурме романовского подворья.

При Романовых была сочинена романтическая история о том, что юный Отрепьев принял постриг под влиянием душеспасительной беседы с вятским игуменом, случайно встреченным им в Москве. На самом деле не случайная встреча, а служба у бояр Романовых привела Юрия Отрепьева в монастырь. Ему грозила смерть за участие в “боярском заговоре”. Александр, Михаил и Василий Романовы, а также Борис Черкасский погибли в ссылке. Отрепьев счастливо избежал их участи, укрывшись в монастыре. При Шуйском власти установили, что Гришка определенно побывал в двух провинциальных монастырях — в Суздале и Галиче, а потом “был он в Чюдове монастыре в дияконех 3 год”.

Произведем теперь несложный арифметический подсчет. Отрепьев бежал за рубеж в феврале 1602 г., провел в Чудове монастыре примерно год, т.е. поступил в него в самом начале 1601 г., а надел куколь незадолго до этого, значит, он постригся в 1600 г. Цепь доказательств замкнулась. В самом деле, Борис разгромил бояр Романовых и Черкасских как раз в 1600 г. Версия, согласно которой пострижение Отрепьева было непосредственно связано с крушением романовского круга, получает

надежное подтверждение. И вот еще одно красноречивое совпадение: именно в 1600 г. по всей России распространилась молва о чудесном спасении царевича Дмитрия, которая, вероятно, и подсказала Отрепьеву его роль.

Юшке Отрепьеву угрожала опала. Патриарх говорил, что он спасся в монастыре “от смертные казни”. Борис выражался еще определеннее: боярского слугу ждала виселица! Страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетнему дворянину, полному надежд, сил и энергии, пришлось покинуть свет, забыть мирское имя. Отныне он стал смиренным чернецом Григорием.

В Чудове монастыре способный инок быстро сделал карьеру. “Живучи-де в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, — рассказывал он знакомым монахам, — да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе”. После этого Пафнутий произвел его в дьяконы. Роль келейника влиятельного чудовского архимандрита могла удовлетворить любого, но не Отрепьева. Покинув архимандричью келью, чернец переселился на патриарший двор. Своим приятелям чернец говорил так: “Патриарх-де, видя мое досужество, и учал на царскую думу вверх с собою меня имати, и в славу-де вшел великую”. Заявление Отрепьева насчет его великой славы нельзя считать простым хвастовством.

Потерпев катастрофу на службе у Романовых, Отрепьев поразительно быстро приспособился к новым условиям жизни. Случайно попав в монашескую среду, он преуспел в ней. Юному честолюбцу помогли выдвинуться не подвиги аскетизма, а необыкновенная восприимчивость природы. В течение месяца Григорий усваивал то, на что другие тратили жизнь. Церковники сразу оценили живой ум и литературные способности Отрепьева. Но было в этом юноше и еще что-то, что притягивало и подчиняло других людей.

Розыск о похождениях Григория Отрепьева в пределах России не потребовал от московских властей больших усилий. Зато расследование его деятельности за рубежом сразу натолкнулось на непреодолимые трудности. Лишь через два года власти заполучили в свои руки “Извет” — сочинение монаха Варлаама, бежавшего вместе с Отрепьевым в Литву.

Старец Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших жизнь и приключения Гришки Отрепьева. Стремясь снять с себя подозрения в пособничестве Отрепьеву, Варлаам одновременно старался возможно более точно изложить факты, касавшиеся “исхода” трех бродячих монахов в Литву. Беглецы миновали рубеж без всяких приключений. Сначала монахи, как о том повествует Варлаам, провели три недели в Печерском монастыре в Киеве, а потом перешли во владения князя Константина Острожского, в Острог.

Показания Варлаама относительно пребывания беглецов в Остроге летом 1602 г. подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в Остроге в 1594 г., с надписью: “Лета от сотворения миру 7110-го (1602 г. — *Р.С.*), месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з братею, с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во светом крещении Василей, Божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский”. Как видно, Отрепьев, проведя лето в Остроге, успел снискать расположение магната и получил от него щедрый подарок.

Неизвестная рука сделала в книге Василия Великого дополнение к дарственной надписи. Над словом “Григорию” кто-то вывел слова “царевичю московскому”. Автором новой подписи мог быть либо один из трех владельцев книги, либо кто-то из их единомышленников, уверовавших в “царевича”.

Поправка к дарственной надписи замечательна не сама по себе, а всего лишь как подтверждение показаний Варлаама.

Для проверки “Извета” Варлаама П. Пирлинг впервые привлек один любопытный источник — исповедь самозванца. Когда Адам Вишневецкий известил короля о появлении московского “царевича”, тот затребовал подробные объяснения. И князь Адам записал рассказ самозванца о его чудесном спасении.

“Интервью” претендента производит самое странное впечатление. Самозванец довольно подробно повествует о тайнах московского двора, но тут же начинает неискусно фантазировать, едва переходит к изложению обстоятельств своего чудесного спасения. По словам Дмитрия, его спас некий воспитатель, который, узнав о планах жестокого убийства, подменил царевича мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Мать-царица, прибежав в спальню и глядя на убитого, лицо которого стало свинцово-серым, не распознала подлога.

В момент, когда решалась его судьба, самозванцу надо было выложить все аргументы, но “Дмитрий” не сумел привести ни одного серьезного доказательства своего царственного происхождения.

“Царевич” избегал называть точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признался, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая мать, томившуюся в монастыре в России.

Знакомство с рассказом “Дмитрия” обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Это значит, что бояре Романовы непосредственного участия в подготовке самозванца не принимали. Им жизнь двора была известна в деталях. Неосведомленность царицы насчет

этих деталей очевидна. Некий монах, по собственному признанию претендента, “вызнал” в нем царевича по нраву и героической осанке. Монахом этим был, по-видимому, инок Варлаам, бежавший вместе с Отрепьевым в Литву. О Варлааме известно, что он был вхож в дом бояр Шуйских. Самозванческая интрига родилась в кремлевском Чудовом монастыре. Кто стоял за спиной иноков из патриаршего монастыря, установить не удастся.

Новоявленный “царевич” жил в Литве у всех на виду, и любое его слово было легко тут же проверить. Если бы “Дмитрий” попытался скрыть известные всем факты, он прослыл бы явным обманщиком. Так, все знали, что москвит явился в Литву в рясе. О своем пострижении “царевич” рассказал следующее. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. “Верный друг” держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Юноша так и сделал. Он обошел многие монастыри Московии, и наконец один монах опознал в нем царевича. Тогда “Дмитрий” решил бежать в Польшу.

История самозванца напоминает, как две капли воды, историю Григория Отрепьева в московский период его жизни. Вспомним, что Гришка воспитывался в дворянской семье и обошел Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, “царевич” упомянул о пребывании у Острожского, переходе к Габриэлю Хойскому в Гощу, а потом в Брачин, к Вишневецкому. Там, в имении Вишневецкого в 1603 г. и был записан его рассказ. Замечательно, что спутник Отрепьева Варлаам называет те же самые места и даты: в 1603 г. Гришка “очутился” в Брачине, у Вишневецкого, а до того был в Остроге и Гоще. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это замечательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества личности Отрепьева и Лжедмитрия I.

В самом деле, поскольку в рассказах самозванца и Варлаама одинаково переданы обстоятельства места и времени, возможность случайного совпадения исключается. Варлаам не мог знать секретный доклад Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

Помимо исповеди “Дмитрия”, важный материал для суждения о личности самозванца дают его автографы. Двое ученых, И. А. Бодуэн де Куртенэ и С. Л. Пташицкий, подвергли палеографическому анализу письмо “царевича” к папе и установили парадоксальный факт. “Дмитрий” владел изысканным литературным слогом, но при этом допускал грубейшие ошибки. Вывод напрашивается сам собой: самозванец лишь переписал письмо, сочиненное для него иезуитами. Графологический анализ письма показал, что Лжедмитрий был великороссом, плохо знавшим польский язык. По-русски же он писал свободно. Более того, его почерк отличался изяществом и имел характерные особенности, присущие школе письма московских приказных канцелярий. Это еще одно совпадение, подтверждающее тождество Лжедмитрия и Отрепьева. Мы помним, что почерк Отрепьева был весьма хорош, и потому сам патриарх взял его к себе для “книжного письма”. На Руси грамотность никого не удивляла, но каллиграфы попадались среди грамотеев чрезвычайно редко. С точки зрения удостоверения личности, изящный почерк в те времена имел исключительное значение.

Будучи иноком поневоле, Отрепьев тяготился затворнической жизнью. И в самозванце многое выдавало бывшего невольного монаха. Беседуя с иезуитами, “Дмитрий” не мог скрыть злости и раздражения, едва заходила речь о монахах.

Анализируя биографическую информацию об Отрепьеве и самозваном царевиче, мы замечаем, что она совпадает по

многим важным пунктам. След реального Отрепьева теряется на пути от литовского кордона до Острога — Гощи — Брачина. И на том же самом пути в то же самое время обнаруживаются первые следы Лжедмитрия I. На названном строго очерченном отрезке пути и произошла метаморфоза — превращение бродячего монаха в царевича. Свидетелей этой метаморфозы было достаточно.

Варлаам наивно уверял, будто расстался с Гришкой до того, как последний назвался царевичем. Он сообщил, что Отрепьев учился в Гоще у протестантов и зимовал там у князя Януша Острожского. Князь Януш подтвердил все это собственноручным письмом, В 1604 г. он писал, что знал “Дмитрия” несколько лет, что тот жил довольно долго в монастыре его отца, в Дермане, а потом пристал к анабаптистам (очевидно, гощинским). Письмо уличает Варлаама во лжи. Оказывается, и в Гоще, и еще раньше, в Дермане, князь Януш знал Отрепьева только под именем царевича Дмитрия.

По-видимому, Отрепьев уже в Киево-Печерском монастыре пытался выдать себя за царевича Дмитрия. В книгах Разрядного приказа находим любопытную запись о том, как Отрепьев разболелся “до умертвия” и открылся печерскому игумену, сказав, что он царевич Дмитрий. “А ходит бутто в ыскусе, не пострижен, избегаючи, укрываясь от царя Бориса...”. Печерский игумен, по словам Варлаама, указал Отрепьеву и его спутникам на дверь. “Четыре-де вас пришло, — сказал он, — четверо и подите”.

Кажется, Отрепьев не раз пускал в ход один и тот же неловкий трюк. Он прикидывался больным не только в Печерском монастыре. По русским летописям, Григорий “разболелся” и в имении Вишневецкого. На исповеди он открыл священнику свое “царское происхождение”. Впрочем, в докладе Вишневецкого королю никаких намеков на этот эпизод нет. Так или иначе, попытки авантюриста найти поддержку у православного духовенства в Литве потерпели

полную неудачу. В Киево-Печерском монастыре ему не поверили. В Остроге и Гоще не признали. Самозванец не любил вспоминать это время. На исповеди у Вишневецкого “царевич” сообщил кратко и неопределенно, будто бежал к Острожскому и Хойскому и “молча там находился”.

Совсем по-другому излагали дело иезуиты. Они утверждали, что претендент обращался за помощью к Острожскому, но тот будто бы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота. Сбросив монашеское платье, “царевич” лишился верного куска хлеба и, по словам иезуитов, стал прислуживать на кухне у пана Хойского. Никогда еще сын московского дворянина не опускался так низко, до положения кухонного мужика. Растеряв разом всех своих прежних покровителей, Григорий, однако, не пал духом. Тяжелые удары судьбы могли сломить кого угодно, только не Отрепьева.

“Расстрига” очень скоро нашел новых покровителей, и весьма могущественных, в среде польских и литовских магнатов. Первым из них был Адам Вишневецкий. Он снабдил Отрепьева приличным платьем, велел возить его в карете в сопровождении своих гайдуков. Авантюрой магната заинтересовались король и первые сановники государства, в их числе Лев Сапега. На службе у канцлера подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший в Москву в годовалом возрасте как пленник. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. При встрече с самозванцем Петрушка, однако, не нашелся, что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, сам “узнал” бывшего слугу и с большой уверенностью стал расспрашивать его. Тут холоп также признал “царевича” по характерным приметам: бородавке около носа и неравной длине рук. Как видно, приметы Отрепьева сообщили холопу заранее те, кто подготовил инсценировку. Сапега оказал самозванцу неоценимую услугу. Одновременно ему стал

открыто покровительствовать Юрий Мнишек. Один из холопов Мнишека также “узнал” в Отрепьеве царевича Дмитрия.

Таковы были главные лица, подтвердившие в Литве “царское происхождение” Отрепьева. К ним присоединились московские изменники, братья Хрипуновы. Эти дворяне бежали в Литву в первой половине 1603 г. Варлаам очертил весь круг лиц, “вызнавших царевича” за рубежом. Он забыл упомянуть лишь о двух первых сподвижниках авантюриста — о себе и Мисаиле.

Едва ли могли убедить кого-нибудь наивные сказки претендента и речи собравшихся вокруг него свидетелей. Во всяком случае Вишневецкий и Мнишек не сомневались в том, что имеют дело с неловким обманщиком. Поворот в карьере авантюриста наступил лишь после того, как за его спиной появилась некая реальная сила.

Отрепьев с самого начала обратил свои взоры в сторону запорожцев. Этот факт засвидетельствован многими. Ярославец Степан, державший иконную лавку в Киеве, показал, что к нему заходили казаки и с ними Гришка, который был еще в монашеском платье. У черкас (казаков) днепровских в полку видел Отрепьева, но уже “розстрижена”, старец Венедикт: Гришка ел с казаками мясо (очевидно, дело было в пост, что и вызвало осуждение старца) и “назывался царевичем Дмитрием”.

Поездка в Запорожье связана была с таинственным исчезновением Отрепьева из Гощи. Перезимовав в Гоще, Отрепьев, как писал Варлаам, с наступлением весны “из Гощи пропал безвестно”. Замечательно, что расстрига общался как с гощинскими, так и с запорожскими протестантами. В Сечи его с честью приняли в роте старшины Герасима Евангелика.

В Запорожье в 1603 г. началось формирование

повстанческой армии, которая позже приняла участие в московском походе самозванца. Казаки энергично закупали оружие, вербовали охотников. Обеспокоенный размахом военных приготовлений в Сечи, король 12 декабря 1603 г. особым указом запретил продажу оружия казакам. Но казаки не обратили внимания на грозный манифест.

К новоявленному “царевичу” явились гонцы с Дона. Донское войско готово было идти на Москву. Крепостническое государство пожинало плоды собственной политики притеснения вольного казачества. Самозванец послал на Дон свой штандарт — красное знамя с черным орлом. Его гонцы выработали затем “союзный договор” с казачьим войском.

В то время как окраины глухо волновались, в сердце России появились многочисленные разбойничьи шайки. Династия Годуновых оказалась в трудном положении. Отрепьев чутьем уловил, какие огромные возможности открывает перед ним сложившаяся ситуация.

Трехлетний голод и разруха ввергли страну в состояние апатии. Боеспособность дворянского ополчения упала. Русское государство вступило в полосу военных неудач. Царь Борис пытался упрочить позиции России на Северном Кавказе и направил туда одного из своих лучших воевод Ивана Бутурлина. Но после первых успехов семитысячная русская рать была поголовно истреблена черкесами и турками.

Перемирие с Польшей 1600 г. не обеспечило стране безопасности западных окраин. Король Сигизмунд III вынашивал планы широкой экспансии на восток. Он оказал энергичную поддержку Лжедмитрию I и заключил с ним тайный договор. Взамен самых неопределенных обещаний самозванец обязался передать Польше Чернигово-Северскую землю. Семье Мнишек, своим непосредственным покровителям, Отрепьев посулил Новгород и Псков. Но его

старания не принесли ожидаемых выгод. Самые дальновидные политики Речи Посполитой, включая Замойского, решительно возражали против войны с Россией. Король не выполнил своих обещаний. В походе Лжедмитрия I королевская армия не участвовала. Под знаменами Отрепьева собралось около 2 тыс. наемников — всякий сброд, мародеры, привлеченные жаждой наживы. Эта армия была слишком малочисленной, чтобы затевать интервенцию в Россию. Но вторжение Лжедмитрия поддержали украинское население и казаки.

Несмотря на то что царские воеводы, выступившие навстречу самозванцу с огромными силами, действовали вяло и нерешительно, сторонники Лжедмитрия I скоро убедились в неверности своих расчетов. Получив отпор под стенами Новгород-Северского, наемники в большинстве своем покинули лагерь самозванца и ушли за рубеж. Нареченный тесть самозванца и его “главнокомандующий” Юрий Мнишек последовал за ними. Вторжение потерпело провал, но вооруженная помощь поляков позволила Лжедмитрию продержаться на территории Русского государства первые, наиболее трудные месяцы, пока волны народного восстания не охватили всю южную окраину государства.

Когда Борису донесли о появлении самозванца в Польше, он не стал скрывать своих подлинных чувств и сказал в лицо боярам, что это их рук дело и задумано, чтобы свергнуть его. Кажется непостижимым, что позже Годунов вверил тем же боярам армию и послал их против самозванца. Поведение Бориса не было в действительности необъяснимым.

Голод обострил социальные противоречия в стране. Бунты в южных крепостях и уездах России и восстание казачьей окраины от Дона до Яика несли опасность государству. В такой ситуации господствующее феодальное сословие волей-неволей должно было сплотиться вокруг династии ради защиты собственных интересов. Дворянство в массе

своей настороженно отнеслось к самозваному царьку. Лишь несколько воевод невысокого ранга перешли на его сторону. Чаще крепости самозванцу сдавали восставшие казаки и посадские люди, а воевод приводили к нему связанными.

Покинутый большей частью наемников, Отрепьев спешно сформировал армию из непрерывно стекавшихся к нему казаков, стрельцов и посадских людей. По словам очевидца Якова Маржарета, самозванец стал вооружать крестьян и включил их в свое войско. Новая армия Лжедмитрия была наголову разбита царскими воеводами в битве под Добрыничами 21 января 1605 г. При энергичном преследовании воеводы могли бы захватить самозванца или изгнать его из пределов страны, но они медлили и топтались на месте. Бояре не предали Бориса, но им пришлось действовать среди враждебного населения, восставшего против государя. Несмотря на поражение Лжедмитрия, его власть вскоре признали многие южные крепости. Казачьи отряды грозили коммуникациям царской армии. Полки были утомлены длительной кампанией, и дворяне самовольно разъезжались по домам. В течение почти полугода воеводы не сумели взять Кромь, в которых засел атаман Корела с донцами. Под обгорелыми стенами этой крепости, по образному выражению С. Ф. Платонова, решилась судьба династии.

Иван Грозный кончил тем, что издал особый указ против холопских доносов на господ. Борис стал возводить доносчиков-холопов в дворянское достоинство и жаловал их поместьями. О награждении доносчиков власти объявляли публично на площади перед Челобитным приказом. После смерти Бориса Лжедмитрий издал особый указ о конфискации поместий у новых дворян холопского происхождения, появившихся при Годунове. По словам современников, от холопских доносов в царстве началась “великая смута”.

Некогда Годунов снискал поддержку страны, распустив

“двор” — последыш опричнины — и тем самым покончив с политическим наследием Грозного. Правитель справился с боярской оппозицией, не прибегая к погромам и казням. Но все переменилось, едва в стране началась гражданская война. Тысячи казаков и комарицких мужиков, попавших в плен к воеводам после битвы под Добрыничами, были повешены. Множество мирных крестьян, их жен и детей в Комарицкой волости были перебиты без всякой вины с их стороны. Жестокость стала неизбежным спутником гражданской войны. Своими успехами Лжедмитрий был обязан более всего поддержке низов общества. Годунов сознавал, с какой стороны ему грозит смертельная опасность, и стремился силой подавить выступления черни. В конце концов правительство утратило популярность и лишилось поддержки большинства народа.

Отношение к дворянству было совсем иным. Борис щадил дворянскую кровь совершенно так же, как и самозванец. Крайние меры применялись лишь к немногим дворянам-перебежчикам, к лицам, захваченным на поле боя с оружием в руках, посланцам “вора”, подстрекавшим народ к мятежу. Последних вешали без суда на первом попавшемся дереве.

Наращение репрессий привело к тому, что сыскное ведомство расширило свои политические функции. Сохранились сообщения о том, что глава этого ведомства Семен Годунов настаивал на казни заподозренных в измене руководителей Боярской думы. Между тем дума была высшим органом государства, а Сыскной приказ — лишь одной из ее многочисленных комиссий.

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворец, и никто не мог его видеть. Прошло время, когда Годунов охотно благоволил сирым и убогим, помогал им найти справедливость и управу на сильных. Теперь он лишь по великим праздникам показывался на народе, а когда челобитчики пытались вручить ему свои жалобы, их

разгоняли палками.

Фатальные неудачи порождали подозрительность, столь чуждую Борису в лучшие времена. Царь перестал доверять своим боярам, подозревал в интригах и кознях своих придворных и все чаще обращался за советами к прорицателям, астрологам, юродивым. Еще Горсей отмечал склонность Бориса к чернокнижию. Один из членов польского посольства в Москве в 1600 г. писал: “Годунов полон чар и без чародеек ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...” .

Члены английского посольства, видевшие Годунова в последние месяцы его жизни, отметили многие странности в его характере. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скаредность в мелочах. Живя отшельником в кремлевском дворце, Борис по временам покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, запорты ли и запечатаны ли входы в дворцовые погреба и в кладовые для съестных припасов. Скупость, по словам очевидцев, стала одной из причин утраты им популярности.

Многие признаки в поведении Годунова указывали на его преждевременно наступившее одряхление. На торжественной аудиенции во дворце в честь посла английского короля Якова I царь, говоря об умершей королеве Елизавете, ударился в слезы. В конце жизни Годунов, тревожась за будущее сына, держал его при себе неотступно, “при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия”. Один из ученых иноземцев попытался убедить Годунова, что ради долголетия царевича и просвещения его ума ему надо предоставлять некоторую самостоятельность в занятиях. Однако Борис неизменно отклонял такие советы, говоря, что “один сын — все равно, что ни одного сына”, и он не может и на миг расстаться с ним.

В последние дни Годунова более всего мучили два вопроса.

Твердо зная, что младший сын Грозного мертв, царь все же по временам впадал в сомнение, “почти лишался рассудка и не знал, верить ли ему, что Дмитрий жив или что он умер”. Другой вопрос — сподобится ли он вечного блаженства на том свете? Ответ на этот вопрос Годунов искал в беседах не только со своим духовником, но и с учеными немцами. Невзирая на различие вер, царь просил их, “чтобы они за него молились, да сподобится он вечного блаженства”. После таких бесед Борис нередко приходил к мысли, что для него “в будущей жизни нет блаженства”.

Годунов занял трон, будучи тяжело больным человеком. Недуг едва не свел царя Бориса в могилу в 1600 г., когда по всей Москве распространилась весть о его кончине. После выздоровления он ходил, подволакивая ногу. Пользовали царя как европейские врачи, так и народные знахари. В письме к королеве Елизавете Борис писал, что присланный ею в Москву доктор Кристофер Рихтингер, “венгерец” родом, излечил его от опасной болезни. Одновременно с “венгерцем” Бориса лечил крестьянин Гриша Меркурьев, привезенный из глухих северных погостов в Заонежье. По случаю выздоровления царь в 1601 г. выдал знахарю грамоту, освободив его деревню от всех податей на веки вечные. В семье знахаря сохранилось предание, что тот “зализал раны на ноге Бориса”. В последние годы жизни царь под влиянием неудач и по причине недомогания все чаще погружался в состояние апатии и уныния. Физические и умственные силы его быстро угасали.

Недрузи распространяли всякого рода небылицы по поводу смерти Бориса, последовавшей 13 апреля 1605 г. Годунов будто бы принял яд ввиду безвыходности своего положения. По другой версии, он упал с трона во время посольского приема. Осведомленные современники описывают кончину Годунова совсем иначе: “Царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновиться и постричи, и два часа в той же болезни и скончась”. Как записал автор Хронографа, Годунов

умер после обеда, “по отшествии стола того, мало времени минувшую: царь же в постельной храме сидя, и внезапно случился ему смерть”. Борис умер скоропостижно, и монахи лишь “успели запасными дары причастити” умирающего.

Члены английского посольства описали последние часы Годунова со слов лечивших его медиков. По обыкновению врачи находились при царской особе в течение всего обеда. Борис любил плотно покушать и допускал излишества в еде. Убедившись в добром здравии государя, доктора разъехались по домам. Но через два часа после обеда Борис почувствовал дурноту, перешел в спальню хоромы и сам лег в постель, велел вызвать лекарей. Тем временем бояре, собравшиеся в спальне, спросили государя, не желает ли он, чтобы дума в его присутствии присягнула наследнику. Умирающий, дрожа всем телом, успел промолвить: “Как Богу угодно и всему народу”. Вслед за тем у Бориса отнялся язык, и духовные особы поспешно совершили над умирающим обряд пострижения. Близкий к царскому двору Я. Маржарет передает, что Годунов скончался от апоплексического удара.

Смерть Бориса дала толчок к дальнейшему развитию Смуты в Русском государстве. Незадолго до кончины Годунов решил вверить командование армией своему любимцу Петру Басманову, отличившемуся в первой кампании против самозванца. Молодому и не слишком знатному воеводе предназначалась роль спасителя династии. Последующие события показали, что Борис допустил роковой просчет.

Сын знаменитого опричного фаворита Грозного, Басманов был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния. Будучи принужден считаться с местными традициями, Борис формально поставил во главе армии боярина князя Михаила Катырева-Ростовского, всецело обязанного своей карьере новому царю. Петр Басманов числился его помощником. После блистательного взлета в опричнине Басмановы надолго сошли со сцены, и

Петру Басманову предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую “честь” фамилии. Явившись в армию уже после смерти Бориса, Басманов заявил резкий протест против назначения в его армию боярина Андрея Телятевского, которое, по его мнению, наносило ущерб его местническому положению.

“Потерька” фамильной чести беспокоила новоиспеченного главнокомандующего гораздо больше, чем тяжелое положение войска. В присутствии бояр он заявил, что Семен Годунов выдал его в “холопи” своему зятю Андрею Телятевскому, но он, Басманов, предпочитает смерть такому позору. Молодой воевода не мог сдержать чувств и, упав посреди “разрядного” шатра, “плакал с час, лежа на столе”. Тяжба с зятем всесильного Семена Годунова привела Басманова в лагерь оппозиции, давно образовавшейся в действующей армии. Наибольшее недовольство выражали рязанские и северские дворяне, в большом числе уклонившиеся от присяги Федору Годунову. Во главе заговора недовольных дворян встали “большие” рязанские дворяне Ляпуновы. При Годунове они неоднократно подвергались наказаниям за участие в столичных беспорядках и незаконную продажу оружия казакам на Дон. Теперь Ляпуновы затеяли тайные переговоры с донцами, осажденными в Кромах.

Заговорщики подняли мятеж, едва к ним примкнули воеводы Басманов и братья Голицыны. По сигналу донские казаки произвели вылазку из Кром и ударили по царскому лагерю. Тем временем мятежники проникли в воеводский шатер посреди лагеря и связали воеводу Ивана Годунова. Из-за начавшейся паники верные воеводы князь Михаил Катырев-Ростовский и Телятевский не сумели организовать отпор кучке мятежников и бежали из лагеря.

Дворянское ополчение в массе не поддержало заговорщиков, но новгородцы и псковичи, преобладавшие в армии, не выказали большого желания сражаться за дело

Годуновых. В течение трех дней остатки бежавших из лагеря полков шли через Москву на север. Правительство Федора Годунова не смогло провести новую мобилизацию, и его военная опора рухнула.

Присяга Федору Годунову прошла в Москве без затруднений. Казна раздала населению громадные суммы на помин души Бориса, на самом же деле — чтобы успокоить столичное население. Несмотря на это, волнения нарастали день ото дня. Знать спешила использовать междуцарствие, чтобы избавиться от неудобной ей династии. Вызванный из армии Федор Мстиславский вел себя столь двусмысленно, что Семен Годунов отдал приказ о его тайной казни, который, однако, не был исполнен. Лишившись поддержки дворянского ополчения, Годуновы утратили контроль за положением в столице. Боярская дума и народ добились указа об общей амнистии. В столицу вернулись многие опальные, которых Борис держал в ссылке. Самым опасным из них был Богдан Бельский.

Между тем Лжедмитрий медленно продвигался к Москве, посылая вперед гонцов с письмами к столичному населению. Когда разнесся слух о приближении “истинного” царя, Москва “загудела, как пчелиный улей”: кто спешил домой за оружием, кто готовился встречать “сына” Грозного. Федор Годунов, его мать и верные им бояре, “полумертвые от страха, затворились в Кремле” и усилили стражу. Военные меры имели своей целью “обуздать народ”, ибо, по словам очевидцев, “в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или сторонников Дмитрия”.

1 июня в село Красное под Москвой прибыл атаман Корела с казаками. При нем находился посланец Лжедмитрия Гаврила Пушкин. Появление казаков послужило толчком к давно назревавшему бунту. Красносельцы двинулись в столицу, где к ним присоединились москвичи. Толпа смела стражу, проникла в Китай-город и заполнила Красную площадь. Годуновы выслали против толпы стрельцов, но они

оказались бессильны справиться с народом. С Лобного места Гаврила Пушкин прочитал “прелестные грамоты” самозванца с обещанием многих милостей всему столичному населению — от бояр до “черных людей”.

Годуновы могли засесть в Кремле “в осаде”, что не раз спасало Бориса. Но их противники позаботились о том, чтобы крепостные ворота не были заперты. Вышедшие к народу бояре одни открыто, а другие под рукой агитировали против Федора Борисовича. Бывший опекун Дмитрия, Богдан Бельский, использовал момент, чтобы свести давние счеты с Годуновыми. Народ ворвался в Кремль и принялся громить дворы Годуновых. Мятеж дал выход недовольству низов. Посадские люди разнесли дворы многих состоятельных людей и торговцев, нажившихся на голоде.

Водворившись в Кремле, Богдан Бельский пытался править именем Дмитрия. Но самозванцу он казался слишком опасной фигурой. Свергнутая царица была сестрой Вольского, и Отрепьев не мог поручить ему казнь борисовой семьи. Бельский вынужден был уступить место боярину Василию Голицыну, присланному в Москву самозванцем.

Лжедмитрий медлил и откладывал въезд в Москву до той поры, пока не убрал все препятствия со своего пути. Его посланцы арестовали патриарха Иова и с позором сослали его в монастырь. Иова устранили не только за преданность Годуновым. Отрепьева страшило другое. В бытность дьяконом самозванец служил патриарху и был хорошо ему известен. После низложения Иова князь Василий Голицын со стрельцами явился на подворье к Годуновым и велел задушить царевича Федора Борисовича и его мать. Бояре не оставили в покое и прах Бориса. Они извлекли его труп из Архангельского собора и закопали вместе с останками жены и сына в ограде женского Варсунофьева монастыря.

Боярская дума заключила соглашение с самозванцем. Ему пришлось распустить отряды казаков и наемных солдат,

которые привели его в Кремль. Лишь после этого дума короновала мнимого сына Грозного царской короной. Отрепьев не решился внести какие бы то ни было перемены в сложный и громоздкий механизм управления государством. По-прежнему высшим органом в государстве оставалась Боярская дума. В ее составе заседали как старые бояре Федора Ивановича и царя Бориса, так и “новодельные господа”, получившие чины от самозванца.

Опасаясь происков князей Шуйских, фактически руководивших Боярской думой, Лжедмитрий устроил судилище над ними. Боярин Василий Шуйский был приговорен к смертной казни и помилован лишь в последний момент. Вместе с братьями его отправили в ссылку, но пробыл он там недолго.

Назвавшись сыном Грозного, Отрепьев невольно воскресил тень опричнины. Ближние люди царя принадлежали в основном к хорошо известным опричным фамилиям (Басманов, Нагие, Хворостинин, Молчанов и др.). Но время опричных кровопролитий миновало, и Отрепьев достаточно четко улавливал настроения народа, уставшего от гражданской войны. В Москве много говорили, что Шуйский был обязан помилованием ходатайству польских советников Бучинских и вдовствующей царицы Марфы Нагой. На самом деле Марфа вернулась в Москву через много дней после отмены казни. Что касается польских советников, то они как люди просвещенные не одобряли кровопролития. Но одновременно они выступали за твердую политику в отношении боярства.

Курс на общее примирение подвергся подлинному испытанию через несколько месяцев после коронации, когда Боярская дума, вдова-царица и духовенство обратились к самодержцу с ходатайством о прощении Шуйских. Обращение вызвало бурные дебаты в “верхних комнатах”, где царь совещался обычно с ближними советниками. На этот раз не только бывшие опричники, но и польские

секретари возражали против новых послаблений в пользу бояр. Однако Отрепьев интуитивно понял, что не удержит корону на голове, если будет следовать тираническим методам управления мнимого отца. Самозванец предпочел забыть о людях, казненных им во время похода на Москву. Все это отошло в прошлое. На троне Отрепьев вынужден был вести себя иначе, чем в повстанческом лагере.

Возвращение Шуйских в Москву явилось символом окончательного примирения между “законным государем” и знатью.

Лжедмитрий старался снискать в народе славу строгого и справедливого государя. Он объявил о том, что намерен водворить в государстве правопорядок и справедливость, запретил взятки в приказах. Приказных, избличенных в лихоимстве и мошенничестве, публично били палками.

Манифесты Лжедмитрия способствовали формированию в народе образа “добротого царя”. По всей столице, как записал служилый немец Конрад Буссов, было объявлено, что великий государь и самодержец будет два раза в неделю, по средам и субботам, принимать жалобы у населения на Красном крыльце в Кремле, чтобы все обиженные могли без всякой волокиты добиться справедливости.

Пробыв на троне несколько месяцев, Лжедмитрий вполне уразумел, что его власть будет прочной лишь тогда, когда он заручится поддержкой всего дворянства. Выходец из мелкопоместной семьи, Отрепьев хорошо понимал нужды российского дворянского сословия. Даже обличители “мерзкого еретика” изумлялись его любви к “воинству”. На приемах во дворце Лжедмитрий не раз громогласно заявлял, что “по примеру отца” он рад жаловать дворян, ибо “все государи славны воинами и рыцарями: ими они держатся, ими государство расширяется, они — врагам гроза”.

За рубежом советники Лжедмитрия уверяли короля

Сигизмунда, будто за шесть месяцев правления тот роздал из казны семь с половиной миллионов злотых, или два с половиной миллиона рублей. Они явно переусердствовали, восхваляя щедрость своего господина. Московская казна была опустошена трехлетним неурожаем и голодом, а равно изнурительной и кровавой гражданской войной. На заседании Боярской думы М. И. Татищев объявил в присутствии польских послов, что после смерти Бориса в казне осталось всего 200 тыс. рублей. Отрепьев не мог израсходовать больше того, что было в казне. Текущие поступления должны были дать еще 150 тыс. Несколько десятков тысяч Лжедмитрий заимствовал у богатых монастырей. Следовательно, в распоряжение Отрепьева поступило около полумиллиона рублей, которые и были им полностью истрачены. После переворота русские приставы заявляли арестованным полякам: “В казне было 500 тысяч рублей, и все это черт его знает куда расстрига раскидал за один год”. Большие суммы Отрепьев обещал своей невесте Марине Мнишек и ее отцу, но послал едва пятую часть обещанного. Львиная доля денег ушла на уплату жалованья русским дворянам и знати.

Лжедмитрий сознавал, что России необходим единый кодекс законов. Его дьяки составили Сводный судебник, в основу которого был положен Судебник Ивана IV, включавший закон о крестьянском выходе в Юрьев день. В текст Сводного судебника попали также указы царя Бориса о частичном и временном восстановлении права выхода крестьян в период “великого голода” 1601-1602 гг. Полагают, что Лжедмитрий намеревался освободить крестьян от крепостной неволи. Такое предположение вступает в противоречие с фактами. Даже в самые трудные периоды гражданской войны Отрепьев не обещал крестьянам воли. Удовлетворить разом и крепостников-дворян, и феодально-зависимых крестьян было невозможно, и, оказавшись на троне, самозванец заботился прежде всего о том, чтобы заручиться поддержкой дворян. 1 февраля 1606 г. Лжедмитрий I издал указ, предписывавший возвращать владельцам крестьян,

бежавших от них за год до голода и после голодных лет. Возврату подлежали также и те крестьяне, которые бежали в голод “с животы” (имуществом), следовательно, не от крайней нужды и не от страха голодной смерти. Действие закона не распространялось на тех крестьян, которые бежали в годы голода “в дальние места из замосковных городов на украины и с украины в московские города... верст за 200, и за 300, и больши”. На указанном расстоянии к югу от Москвы находились рязанская, тульская и черниговские окраины, население которых активно участвовало в мятеже в пользу самозванца.

Экономическое положение страны при Лжедмитрии улучшилось. Воспоминания о голоде ушли в прошлое вместе с царствованием “несчастливого” царя Бориса. На рынках вновь появился дешевый хлеб. Но финансовая система по-прежнему отличалась неустойчивостью. Разоренное население не могло исправно платить налоги, образовались большие недоимки.

Гражданская война вырвала нити правления у Боярской думы и необычайно усилила самовластие царя. Стремясь закрепить успех, Лжедмитрий принял императорский титул. Отныне в официальных обращениях он именовал себя так: “Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь цесарь”, или: “Мы, непобедимейший монарх, Божьей милостью император и великий князь всея России, и многих земель государь, и царь самодержец, и прочая, и прочая, и прочая”. Так мелкий галицкий дворянин Юрий (Григорий) Отрепьев, принявший имя Дмитрия, стал первым в русской истории императором. Объясняя смысл своего титула, самозванец объявил иностранным послам, что он как император обладает огромной властью и нет ему равного в полночных (северных) краях. Действительно, боярская знать поначалу должна была считаться с притязаниями новоявленного императора, ибо на его стороне была сила.

Отношения Лжедмитрия с думой неизбежно стали меняться

с тех пор, как он распустил повстанческие отряды и стал управлять страной традиционными методами.

Некогда Иван Грозный похвалялся, что российские самодержцы “жаловати своих холопей вольны, а и казнити вольны” (холопами Грозный именовал всех подданных от черни до знати). Иван IV жаждал полновластия, но даже в его устах заявление насчет безграничной власти “российских самодержцев” было всего лишь фразой. Только опричнина позволила ему ненадолго избавиться от опеки со стороны Боярской думы.

Оказавшись на троне, Лжедмитрий столкнулся с теми же трудностями, что и его мнимый отец. Иностранцев поражали московские порядки, при которых царь шагу не мог ступить без Боярской думы. Бояре не только решали с царем государственные дела, но и сопровождали его повсюду. Государь не мог перейти из одного дворцового помещения в другое без бояр, поддерживающих его под руки. Младшие члены думы оставались в постельных хоромах царя до утра. Несмотря на все усилия, Отрепьеву не удалось разрушить стародавние традиции, которые опутывали его подобно паутине.

Польские секретари видели, что их влияние падает вместе с влиянием государя, и горько сетовали на обычаи, вынуждавшие самодержца большую часть времени проводить в кругу бояр. Стремясь положить конец столь тесному общению царя со знатью, поляки обсуждали различные пути достижения этой цели, включая возможность перенесения столицы из Москвы в какое-нибудь другое место. Эти проекты показывают, сколь плохо иностранные советники понимали действие русского государственного механизма. Ивану Грозному понадобилась опричнина, чтобы ослабить влияние знати на дела управления. Не обычаи сами по себе, а могущество знати определяло политические порядки в Русском государстве.

Лжедмитрий нередко нарушал обычаи и ритуалы. В думе двадцатичетырехлетний царь не прочь был высмеять своих сенаторов, которые годились ему в отцы, а то и в деды. Он укорял бояр как людей несведущих и необразованных, предлагал им ехать в чужие земли, чтобы хоть чему-то научиться. Но сколько бы ни поучал самозванец своих бояр, какие бы вольности ни позволял в обращении с ними, он вынужден был подчиняться древним традициям и считаться с авторитетом Боярской думы.

Поначалу бояре не смели открыто перечить царю. Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться с ним. Отрепьев привык лгать на каждом шагу, эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто всплывала на поверхность, и это приводило к неприятным эксцессам. Красочное описание их можно найти в дневнике поляка С. Немоевского, свидетельства которого отличаются достоверностью. Бояре не раз обличали “Дмитрия” в мелкой лжи, говоря ему: “Великий князь, царь, государь всея Руси, ты солгал”. Ожидая прибытия в Москву семейства Мнишеков, царь (“стыдясь наших”, прибавляет от себя автор дневника) воспретил боярам такое бесцеремонное обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: “Ну как же говорить к тебе, государь, царь и великий князь всея Руси, когда ты солжешь?”. Поставленный в тупик, самозванец обещал, что больше “лгать не будет”. “Но мне кажется, — завершает свой отчет Немоевский, — что слова своего перед ними не додержал...”.

Пышный придворный ритуал, заимствованный из Византии, раболепное поведение придворных создавали видимость неслыханного могущества русского царя. Сама доктрина самодержавия, казалось бы, исключала возможность открытой оппозиции государю. На самом деле Боярская дума прочно удерживала в своих руках нити управления государством, неизменно навязывая самозванцу свою волю.

В апреле 1606 г. на званом пиру во дворце Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину. Василий Шуйский стал потихоньку пенять царю за нарушение церковного поста. Самозванец оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татищев, считавшийся любимцем царя. (Отец Татищева оказал большие услуги Грозному, за что получил в опрочине чин думного дворянина. Михаил Татищев служил ясельничим при царе Борисе. В 1604 г. он ездил в Грузию и не участвовал в войне с Лжедмитрием. По возвращении в Москву он был обласкан самозванцем и получил чин окольничего). На пиру Татищев не только принял сторону Шуйского, но и в грубой, оскорбительной форме публично выбранил царя за приверженность к “нечистой” пище. В наказание за дерзость Отрепьев велел сослать Татищева в Вятку и содержать в тюрьме в колодках, “потаив имя его”. При Грозном окольничий лишился бы головы. При Лжедмитрии в дело вмешались бояре, за ревнителя благочестия вступилась вся дума. Царю пришлось отменить приговор и без промедления вернуть опального в Москву. Инцидент с Татищевым обнаружил полную зависимость самозванца от бояр.

Отрепьев шел к власти напролом, не останавливаясь перед убийствами и казнями. Если в Москве Лжедмитрий надел маску милостивого монарха, решительно чуждавшегося кровопролития, то причина была одна: он не имел сил и средств для сокрушения своевольного боярства.

В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крамолой приказал перевезти сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. О том же помышлял Борис Годунов в дни раздора с Шуйскими и прочей знатью. Отрепьев шел по их стопам. Начальник личной стражи царя Яков Маржарет, посвященный в его тайные планы, писал с полной определенностью: “Он решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе

минувшего 1606 г. отплыть с английскими кораблями” из России. Самозванец утверждал, что хочет посмотреть заморские страны. В действительности же ему приходилось думать о спасении собственной жизни.

Лжедмитрий тщетно пытался порвать нити, связывающие его с прошлым. Слишком многие в столице знали Отрепьева в лицо, слишком могущественные силы были заинтересованы в его разоблачении. Самозванцу приходилось придумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое “истинно царское” происхождение. Одна из таких уловок и ускорила его гибель.

Благословение мнимой матери — царицы Марфы помогло Лжедмитрию утвердиться на троне. Но “семейное согласие” оказалось не слишком длительным. Когда толки о самозванстве возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы воочию доказать народу, будто в Угличе погиб некий поповский сын, а вовсе не царевич. Отрепьев распорядился разорить могилу Дмитрия в Угличе, а труп ребенка удалить из церкви прочь. Расстрига оказался плохим психологом. Его намерения оскорбили Марфу Нагую до глубины души. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Отрепьев стоял на своем. Тогда Марфа обратилась за помощью к боярам. Те поспешили отговорить Лжедмитрия от задуманного им дела, но оказали эту услугу Марфе отнюдь не бескорыстно, сделав ее орудием своих интриг. Вдова Грозного помогла заговорщикам установить контакт с польским двором.

Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве русского царя. Имя шведа, исполнившего поручение Марфы, известно. Это был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. При свидании с королем Петрей заявил, что

Лжедмитрий “не тот, за кого себя выдает”, и привел факты, доказывавшие его самозванство. Швед рассказал о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и “имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и сам Петрей”.

Петрей имел свидание с Сигизмундом в первых числах декабря 1605 г., когда король праздновал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд подтвердил позже, что именно в дни свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры насчет свержения Отрепьева.

Вскоре после Петрея в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения, ему предстояло выполнить секретное задание, которое он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца, и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда “опасную” грамоту на проезд в Польшу московских великих послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался ее принять из-за того, что в ней был пропущен императорский титул “Дмитрия”. Перед отъездом москвит, улучив момент, дал знать королю, что имеет особое поручение к нему от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело пану Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено глубокой тайной. Но ближайšie советники Сигизмунда получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Станислав Жолкевский поведал о них миру в своих мемуарах. Устами Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Он укорял короля в том, что тот дал Москве в цари человека низкого и

легкомысленного, жаловался на жестокость Лжедмитрия, его распутство, пристрастие к роскоши и под конец заключил, что обманщик не достоин Московского царства. Иван Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии, так как бояре-заговорщики еще раньше установили прямой контакт с королем.

В 1606 г. недовольные магнаты и шляхта замыслили свергнуть Сигизмунда III. В Польше тотчас распространился слух о том, что “Дмитрий” готов поддержать польскую оппозицию, выделив крупные суммы денег либо послав в Польшу войско во главе с одним из князей Шуйских.

Польские мятежники рассчитывали использовать помощь царя, чтобы лишиться трона Сигизмунда III, а московские бояре-заговорщики искали соглашения с королем, чтобы свергнуть самозванца.

Душой московского заговора были князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, Михаил Скопин и Борис Татев, Михаил Татищев, окольничий Иван Крюк-Колычев, дети боярские Валуев и Воейков, московские купцы Мыльниковы и другие лица.

Множившиеся слухи о боярском заговоре побудили самозванца усилить меры безопасности. По традиции внутренние покои дворца охраняли “жильцы” — дети боярские. Самозванец заменил их иноземной наемной стражей.

Отрепьев не имел возможности на вербовать в Москве сколько-нибудь значительное число иностранных наемников. Когда события приняли опасный оборот, он вспомнил о нареченной невесте Марине Мнишек и ее отце — Юрии Мнишке. Отправленный в Самбор Ян Бучинский передал Мнишке царский приказ на вербовать и привести в Москву наемное войско, без которого царю трудно было усидеть на троне.

2 мая 1606 г. царская невеста со свитой прибыла в Москву. Жители не могли отделаться от впечатления, что в их город вступила чужеземная армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники, с ног до головы закованные в железные панцири, с копьями и мечами. По улицам Москвы горделиво гарцевали те самые гусары, которые сопровождали самозванца в самом начале его московского похода. За каретой Марины ехали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском следовал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Обозные повозки одна за другой исчезали в боковых переулках и за воротами дворов. Москвичи были окончательно озадачены, когда прислуга принялась разгружать скарб: вместе с сундучками и узлами гайдуки выгружали из фур ружья и охапками вносили их наверх.

Лжедмитрий знал, что трон его шаток, и инстинктивно ждал спасения от тех, кто некогда помог ему расправить крылья и взлететь. Доносы по поводу заговора поступали со всех сторон, и Отрепьеву не приходилось выбирать. Он попытался начать с начала ту рискованную игру, в которой ставкой была не только его власть, но и голова.

Прибытие Мнишека с воинством в Москву ободрило Лжедмитрия. Но успех был связан с такими политическими издержками, которые далеко перекрыли все ожидавшиеся выгоды. Брак Отрепьева с Мариной, заключенный вопреки воле Боярской думы и духовенства, окончательно осложнил ситуацию.

После 12 мая 1606 г. положение в столице стало критическим. По словам К. Буссова, с этого дня в народе открыто стали говорить, что царь поганый, что он некрещеный иноземец, не праздновал святого Николая, не усерден в посещении церкви, ест нечистую пищу, оскверняет московские святыни.

В сочинениях современников можно прочесть, что Лжедмитрий проявил беспечность и легкомыслие, запретив принимать от народа доносы и пригрозив доносчикам наказанием. В действительности все обстояло иначе. Бесчинства шляхты привели к тому, что царская канцелярия оказалась завалена жалобами москвичей на “рыцарство” и встречными жалобами солдат. Запрет принимать челобитные имел в виду прежде всего эти взаимные жалобы. Что касается дел об оскорблении царя, их разбирали без всякого промедления.

Лжедмитрий получил власть из рук взбунтовавшихся москвичей менее чем за год до описываемых событий, а потому не допускал мысли о выступлении столичного населения против него самого. Все внимание самозванца сосредоточилось на том, чтобы удержать народ от выступления против наемного войска.

Опасаясь выдать себя неосторожными действиями, заговорщики не решались развернуть в народе открытую агитацию против Лжедмитрия. Они несколько раз откладывали сроки переворота, поскольку не были уверены в том, как поведет себя население. В конце концов они решили выступить под маской сторонников царя, чтобы подтолкнуть народ к восстанию против иноземного наемного войска. Планы Шуйских отличались вероломством. Бросив в толпу клич: “Поляки бьют государя!”, заговорщики намеревались спровоцировать уличные беспорядки, парализовать силы, поддерживавшие Лжедмитрия, а тем временем проникнуть во дворец и убить самозванца.

На рассвете 17 мая 1606 г. Шуйские, собрав у себя на подворье участников заговора, двинулись через Красную площадь к Кремлю. Стрелецкие караулы, несшие стражу по всему Кремлю, не выказали никакой тревоги, когда во фроловских воротах появились бояре — братья Шуйские и Голицын, хорошо известные им в лицо. За боярами в ворота

ворвались вооруженные заговорщики. Их нападение застало стрельцов врасплох — стража бежала, не оказав сопротивления. Завладев воротами, бояре-заговорщики велели бить в колокола, чтобы поднять на ноги народ. Звон колоколов поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схватив оружие, ко дворцу бросилась “литва”. Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить грозящую им опасность. Они обратились к народу, призывая его побивать поганых “латынян” и постоять за православную веру. С площади во все стороны поскакали глашатаи, кричавшие: “Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!”. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия парализовала попытки “литвы” оказать помощь гибнущему Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы. Тем временем толпа ворвалась в сени и обезоружила копейщиков. Отрепьев пытался бежать из дворца, но был захвачен заговорщиками и убит. На трон взошел боярин Василий Шуйский. Тотчас по всей стране распространилась весть о том, что лихие бояре пытались убить “доброего государя”, но тот вторично спасся и ждет помощи от своего народа, Массовые восстания на южной окраине государства положили начало второму этапу гражданской войны.

Получив трон, Отрепьев распустил по домам отряды восставших, которые были приведены им в Москву из Путивля. После переворота Путивль стал центром нового восстания. Зачинщиками мятежа были воевода князь Г. Шаховской и М. Молчанов. Фаворит Лжедмитрия I, М. Молчанов бежал из Москвы из-под стражи, укрылся во владениях Мнишеков в Самборе. Воспользовавшись поддержкой владелицы Самбора, авантюрист приступил к сбору войск на Украине. Одновременно он стал от имени Дмитрия рассылать грамоты по всей России с призывом

выступить на борьбу с Шуйским. Успеху затеянной мистификации способствовало то, что Молчанов украл из кремлевского дворца государственную печать, которой и скреплял подложные грамоты.

Вождем мятежа в России стал казачий атаман Иван Болотников. Он побывал в турецком плену, был освобожден итальянцами и по пути из Италии на родину побывал в Самборе, где удостоился аудиенции у “Дмитрия”. (Скорее всего, роль царя сыграл Молчанов). В Самборе Болотников получил царскую грамоту о назначении главным воеводой в путивльском войске.

Мятежники двинулись на Москву, казня по пути сторонников Василия Шуйского, Они разгромили правительственную армию и пять недель осаждали столицу, после чего ушли в Калугу. Согласно концепции, утвердившейся в советской историографии, первая Крестьянская война достигла апогея в дни восстания Болотникова. Вождь восстания не только привел под Москву “сермяжную” (крестьянскую) рать, но и выдвинул антикрепостническую, антифеодальную программу (В. И. Корецкий). Указанная схема относится к области историографических мифов. “Классовая” схема не выдерживает столкновения с фактами. Разгромив Болотникова под Москвой, царь Василий в обращении к городам признал, что в мятеже участвовали дворяне из Рязани, Тулы и 11 других южных городов. Девять из мятежных городов находились в полосе наступления Болотникова. Дворяне из этих городов составили боевое ядро мятежного войска. Воевода “доброе” царя Дмитрия Болотников убивал приверженцев царя-узурпатора Василия Шуйского. Такого рода казни не были показателем того, что у мятежников была “антикрепостническая программа”. Болотников тщетно посылал грамоты в Самбор с призывом к “Дмитрию” немедленно ехать в Россию. Воевода и жители Путивля, не дождавшись “царя” из Польши, призвали на помощь самозванца с Дона, принявшего имя “царевича Петра”, сына царя Федора Ивановича. “Царевич” потребовал

присяги от дворян, находившихся в путивльских тюрьмах. Но большинство пленников отказались признать “обманщика”. Тогда казаки учинили кровавую расправу над дворянами. Наспех собрав войска, Петр выступил в Тулу, где к нему присоединился Болотников.

Между тем, самозванческая интрига получила дальнейшее развитие: в Литве появился Лжедмитрий II. Ходило множество слухов о его происхождении. Но наиболее достоверные сведения о нем сообщают иностранцы, наблюдавшие в Литве за первыми шагами претендента или же расследовавшие дело по свежим следам. Польские иезуиты дознались, что под маской Лжедмитрия II скрывался некто Богданко, крещеный еврей. Романовы хорошо знали “вора”, так как Филарет Романов служил при его дворе. После избрания на трон Романовы подтвердили версию иезуитов.

Лжедмитрия II считают ставленником польских магнатов. Но это неверно. Инициаторами новой самозванческой интриги были Болотников и “царевич Петр”. Их помощниками выступили белорусские шляхтичи, участвовавшие в походе Отрепьева на Москву. Они заметили в Могилеве низкорослого бедняка, фигурой напоминавшего убитого в Москве самозванца. Им оказался бродячий учитель из Шклова. Когда шляхтичи попытались убедить учителя, что он — спасшийся царь, тот поспешил скрыться из Могилева. Его нашли и бросили в тюрьму. Лишь после этого учитель поневоле согласился взять имя “царевича Дмитрия”. Его тотчас переправили через границу в Стародуб, где болотниковцы признали его своим государем. Идя по стопам Отрепьева, Лжедмитрий II двинулся к Москве, но занять город не смог и разбил лагерь в Тушине под Москвой, К тому времени в стране появилось не менее десятка самозванных царевичей. Лжедмитрий II нуждался в помощи и поначалу охотно принимал “родственников”, возглавлявших повстанческие отряды. Но с тех пор как в его лагере появились дворяне и знать, положение переменилось.

Лжедмитрий II велел повесить двух “царевичей”. Власть перешла в руки тушинской Боярской думы. Патриархом в Тушине стал Филарет Романов, самый опасный из противников Шуйского. Значительную роль в Тушинском лагере играли наемные отряды из Польши. Положение Лжедмитрия II упрочилось после того, как в Тушино прибыла венчанная царица Марина Мнишек, отпущенная из русского плена Василием Шуйским. Самозванец встретил “супругу” при большом стечении народа, и та узнала в нем спасшегося мужа.

Лжедмитрий II осаждал Москву почти два года. В течение этого времени у империи было два царя. По временам владения самозванца не уступали по территории владениям властителя Кремля. Наличие двух царей полностью парализовало государственную власть и сделало Россию легкой добычей для соседей.

Осенью 1609 г. Сигизмунд III нарушил договор о перемирии и осадил Смоленск. Шуйский использовал для войны с тушинцами и поляками наемные отряды, присланные в Россию его союзником шведским королем. В марте 1610 г. воевода М. Скопин-Шуйский с русскими и шведскими войсками освободил Москву. Тушинский лагерь распался. Скопин готовился выступить на выручку смоленскому гарнизону, но внезапно умер в возрасте 23 лет.

Командование огромной армией принял бездарный брат царя Дмитрий Шуйский. В битве под Смоленском поляки одержали верх над русской и шведской армиями.

Поражению союзников способствовал мятеж среди наемников. Тщетно Василий Шуйский пытался вновь собрать полки. Народ отвернулся от него. “Ты нам больше не царь!” — кричала толпа под окнами дворца. 17 июля 1610 г.

Боярская дума и войска свергли Шуйского с престола, а через два дня он был насильно пострижен в монахи. Власть перешла в руки комиссии из семи бояр. Когда войска польские подступили к Москве, бояре заключили мирный договор с их предводителем гетманом Жолкевским. В

соответствии с договором Москва признала царем королевича Владислава, сына польского короля. Столица поспешила принести присягу принцу до того, как договор был передан на утверждение королю и его сенаторам.

По настоянию Жолковского в лагерь под Смоленск выехали “великие послы” — князь Василий Голицын и митрополит Филарет Романов вместе с представителями всех сословий. Но мирные переговоры не удались. Сигизмунд твердо решил взять Смоленск и присоединить его к коронным владениям. Он не желал отпускать в Россию сына и рассчитывал сам занять царский трон.

Подписав договор с Жолкевским, семибоярщина стала настаивать на сдаче Смоленска. Вслед за тем бояре впустили в Кремль польские наемные роты. Тем временем Лжедмитрий II был убит собственной Охраной в Калуге. С гибелью самозванца единственным царем в стране остался Владислав. Но москвичи не видели его в глаза. Сигизмунд III возобновил штурм Смоленска. Его отряды вела себя в России, как в завоеванной стране.

Вождь рязанских дворян П. Ляпунов бросил вызов боярскому правительству, обвинив его в предательстве. Собранные им отряды соединились с казаками, прибывшими из Калуги. Возникло Первое земское ополчение, поддержанное, помимо Рязани и Калуги, также Нижним Новгородом, Ярославлем, Владимиром, северными городами. Противники боярского правительства намеревались поднять восстание в Москве после подхода отрядов земского ополчения. Но восстание вспыхнуло преждевременно. Наемники не могли справиться с народом, и тогда по совету бояр они сожгли Москву. Поляки удержали Кремль и Китай-город. Зато подавляющая часть города, вернее, его пепелище было занято ополчением. В московском лагере действовало правительство — Совет всей земли. Впервые в истории Земский собор не включал ни официальную Боярскую думу, ни высшее духовенство. Решающий голос на нем

принадлежал провинциальному дворянству и казакам. Однако эти силы были слишком разнородны, чтобы сохранить единство. Признанный вождь ополчения П. Ляпунов был заподозрен казаками в измене и зарублен без суда и следствия.

Тем временем внешнеполитическое положение России резко ухудшилось. Армия Сигизмунда III после 20-месячной осады захватила Смоленск. Полтора месяца спустя бывшие союзники шведы захватили Новгород. Воеводы и митрополит Новгорода объявили о создании Новгородского государства и подписали со шведами договор об избрании царем сына Карла IX.

Земское освободительное движение стояло на пороге распада и крушения. Однако с призывом о спасении царства от иноверцев обратился к народу патриарх Гермоген. По приказу бояр и польских командиров патриарх был взят под стражу. Через несколько месяцев он умер в тюрьме. Но его призыв ободрил население. В Нижнем Новгороде купец Кузьма Минин и воевода князь Дмитрий Пожарский организовали Второе земское ополчение. В упорных многодневных боях под Москвой два ополчения, объединившие свои силы, разгромили польскую армию гетмана Яна Ходкевича, а в октябре 1612г. освободили Кремль.

Одержав победу в гражданской войне, земское ополчение получило возможность распорядиться троном. Но избрание царя не имело законной силы без участия высшего органа монархии Боярской думы. Между тем боярское правительство и дума, сидевшие вместе с польским гарнизоном в Кремле; были связаны присягой царю Владиславу. Главными претендентами на корону выступили фамилии, связанные с Тушинским лагерем: Трубецкие и Романовы. Д. Трубецкой получил в Тушине боярский чин и возглавил “воровскую думу”. Филарет Романов был тушинским патриархом. Как самый знатный из

руководителей земского освободительного движения, Трубецкой готовился занять трон. Но соперничество между вождями ополчения расстроило его планы.

Чтобы положить конец кровавой гражданской войне, нужен был человек, которого приняли бы оба враждующих стана, а главное, признал своим государем народ. Им стал Михаил Романов. Он унаследовал от отца и деда популярное в стране имя. Отец Михаила Филарет томился в польском плену. В народе его почитали как мученика за православную веру. Михаил разделил все тяготы, выпавшие на долю семьи. Детство он провел в изгнании и ссылке. Юность он встретил в осажденном Кремле. Но это нисколько не скомпрометировало Михаила ввиду его несовершеннолетия. Решающее значение для народа имело то обстоятельство, что Михаил в качестве племянника царя Федора представлял законную династию, счастливо правившую Россией триста лет.

В Москве был созван Земский собор, включавший представителей дворянства, городов и некоторых крестьянских волостей. Собор отверг предложение об избрании на трон Михаила, после чего сторонники Романова вышли к народу на Красную площадь. Стремясь помешать избранию Михаила, члены собора пригласили в Москву главных бояр, ранее высланных в провинцию. Бояре, включая дядю претендента, решительно воспротивились избранию Михаила. Тогда чернь и казаки ворвались в Кремль и осадили дворы Трубецкого и Пожарского, требуя немедленного избрания царя. 21 февраля 1613 г. Земский собор объявил царем Михаила Романова. Призрачная популярность угасшей династии вынесла наверх ничем не примечательного человека, спутав расчеты и прогнозы земского руководства. Избрание новой династии приостановило развал государства и создало предпосылки для преодоления состояния анархии и смуты в стране.

В течение нескольких лет царь Михаил пытался изгнать

поляков и шведов с захваченных ими русских земель, но его полки терпели поражение. Тогда, используя посредничество англичан, Москва начала мирные переговоры со Швецией. В 1617 г. в деревне Столбово на границе был подписан договор о “вечном мире” между Россией и Швецией. Шведы вернули России Новгород, но удержали все течение реки Невы и Карелию.

Осенью 1618 г. царь Владислав подступил к Москве и пытался штурмовать город, намереваясь силой вернуть себе царство. Штурм не удался, и в конце 1618 г. Россия и Речь Посполитая заключили соглашение о четырнадцатилетнем перемирии. Россия лишилась Смоленска, Чернигова и тридцати других городов. Новая граница проходила на ближних подступах к Москве. Король Сигизмунд III посеял семена новой войны.

* * *

В конце XVI в. культурная жизнь России оживилась. Учреждение патриаршества послужило стимулом для развития книгопечатания на Руси. В 1589 — 1610 гг. Андроник Невежа, а затем его сын Иван издали 10 книг. Невзирая на бедствия Смутного времени, печатание книг в России с начала XVII в. практически стало непрерывным, чего не было в предыдущем столетии.

Подобно Ивану IV, Борис Годунов сознавал, сколь необходимы России торговые и культурные связи со странами Западной Европы, и деятельно хлопотал о расширении таких связей. В царствование Бориса в Москве возникли проекты развития просвещения в России. По свидетельству современников, Борис Годунов лелеял планы учреждения в Москве университета и школ, в которых

преподавали бы ученые, приглашенные из-за рубежа. По словам Конрада Буссова, Годунов предполагал выписать знающих людей из всех главнейших европейских стран — Англии, Германии, Испании, Италии, Франции, с тем чтобы с их помощью наладить преподавание в Москве и обучить русских людей всем основным европейским языкам. Отпуская за рубеж разного рода иноземцев, царь нередко поручал им приискывать за границей ученых людей, согласных поехать в Москву.

Приглашая иностранных специалистов в Россию, Борис использовал методы личной дипломатии. Он прибегал к посредничеству частных лиц и редко вел переговоры с западными властями. Впрочем, власти пограничных с Россией государств, опасаясь усиления ее военного могущества, часто чинили помехи мастерам, пытавшимся пробраться в Москву. Даже медики, следовавшие в Россию, вынуждены были выдавать себя за купцов, оставлять на родине медицинские книги, опасаясь разоблачения на границе.

Внутри России проекты учреждения университета и приглашения западных ученых неизменно наталкивались на сопротивление духовенства. Руководство православной церкви упорно не желало допустить в Москву иноверных ученых. По словам современников, монахи говорили, что земля Русская велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи; если же появятся иные языки, кроме родного, то в стране возникнут распри и раздоры.

В конечном итоге попытки Годунова привлечь в Россию большое число западных специалистов не увенчались успехом. Немалую роль в этом сыграли финансовые трудности, вызванные трехлетним неурожаем. Затратив на борьбу с голодом огромные суммы, казна не смогла выделить средства для осуществления проектов развития просвещения. Не имея возможности воспользоваться услугами видных западных ученых, московские власти в

ряде случаев довольствовались приглашением студентов из западноевропейских университетов.

С первых лет царствования Бориса в правительственных кругах обсуждались проекты посылки на Запад русских студентов. В 1600 г. при обсуждении проекта унии России и Речи Посполитой польские дипломаты предложили включить в договор следующий пункт: “Свободно посылать в обе стороны для обучения юношей, как московитов к нам, так и наших в Москву”. В ходе переговоров русские выразили согласие на то, чтобы после заключения договора разрешить русским посылать детей в Речь Посполитую “в службу и в науку”.

В связи с развитием русско-английских торговых и дипломатических отношений возник замысел обмена учащимися с целью подготовки знающих переводчиков. План был осуществлен благодаря усилиям Д. Мерики, агента торговой компании. В 1600 г. в Лондон с Мериком выехали двое иностранных студентов, обучавшихся русскому языку в Москве. Через два года русские власти направили в Англию четырех русских студентов “для науки разных языков и грамотам”. То были дети боярские из дьяческих семей: Никифор Алферьев сын Григорьев, Софон Михайлов сын Кожухов, Казарин Давыдов, Федор Семенов Костомаров. Московские приказные люди принадлежали к наиболее образованной части русского общества. Царь Борис сам представил Мерику русских юношей и просил королеву, чтобы им позволено было получить образование и при этом сохранить свою веру. Мерик согласился взять на себя “заботу об их воспитании”. Личное обращение царя к королеве возымело действие. В Лондоне студентам из Москвы был оказан наилучший прием, Осенью 1602 г. Д. Чемберлен сообщил, что прибывшие юноши будут обучаться английскому языку и латыни и с этой целью их предполагается определить в различные школы: Винчестер, Итон, Кембридж и Оксфорд. Перед русскими “робятками” открылись двери лучших учебных заведений Англии. Год

спустя московское правительство решило направить за рубеж вторую группу учащихся. На этот раз местом обучения была выбрана Германия.

Судьба русских студентов за рубежом сложилась неудачно. В России наступила Смута. Борис Годунов умер, и царская казна перестала отпускать средства на содержание студентов за границей. Заброшенные на чужбину “робятки” вынуждены были искать свои пути в жизни. Немногим довелось вернуться на родину. Среди них был Игнатий Алексеев сын Кучкин, посланный для обучения в Вену и Любек. По возвращении в Москву он рассказал о себе, что “в учении он был в Цесарской земле и в Любках восемь лет, и... во 119 (1610 — 1611) году поехал из Цесарской земли, научась языку и грамоте, опять к Москве, и на море-де его переняли ис Колывани (Таллина) свейские люди”. С большим трудом Кучкину удалось освободиться из шведского плена и вернуться в Россию.

Правление Бориса было временем расцвета немецкой слободы на Кукуе, в предместье Москвы. Среди нескольких сот жителей этой слободы преобладали выходцы из Ливонии, принадлежавшие к протестантскому вероисповеданию. По просьбе немецких врачей Годунов позволил им выстроить себе кирху. Члены немецкой колонии в Москве собрали столь много денег на строительство кирхи, что на оставшиеся после окончания постройки деньги открыли школу в слободе.

Под влиянием “немцев” в московский быт стали проникать некоторые новшества. Самым пагубным из них поборники православия считали обычай брить бороду. К великому возмущению монахов, Борис не только не осуждал, но и поощрял брадобритие.

Преемник Бориса Лжедмитрий I признавал необходимость просвещения для России. До водворения в Кремле он брал уроки у иезуитов по философии, грамматике и литературе,

обдумывал проекты учреждения Академии и школ. Учителей для Академии, а заодно и учеников самозванец думал выписать из Италии и других западных стран. Русскую молодежь предполагалось отправлять для обучения на Запад. Заняв трон, самозванец упоминал о своих просветительских планах лишь в тайных беседах со своими друзьями-католиками. При свидании с патером Савицким он согласился в подходящее время учредить в России иезуитский коллегиум, учить на казенный счет русских учеников в школах. Однако все силы Лжедмитрий I принужден был тратить на то, чтобы удержать власть. Он не решился последовать примеру Годунова и послать русских студентов за границу, хотя многократно говорил об этом. Проникшись недоверием к боярскому окружению, “император” тайно уведомил своих друзей-иноземцев о том, что готов сместить с высших государственных постов бояр, выписать в Россию итальянцев и вверить им управление империей.

В начале XVII в. происходило медленное накопление знаний в различных сферах жизни, расширился круг переводной литературы. В течение нескольких десятилетий продолжалась работа над “Книгой Большого чертежа” с полным перечнем всех русских городов, описанием дорог и указанием расстояний между населенными пунктами. Борис Годунов приказал составить для наследника престола подробную карту России. Работа над картой была завершена иноземцем Гесселем Герритсом в 1613 г.

Официальное московское летописание, умолкнувшее при Грозном, не возобновлялось в период Смуты. Летописание вновь стало делом частных лиц. Сохранившиеся краткие записи С. Шаховского, дьяков, духовных лиц лишены литературных достоинств.

Смута, перевернувшая жизнь вверх дном, проникновение фольклора в письменность, расширение круга переводной литературы ломали старую жанровую систему и

способствовали рождению таких новых жанров, как “видения”. Известны “Видение протопопа Терентия”, “Повесть о видении некоему мужу духовному”, “Нижегородское видение”. Эти сочинения служили не столько религиозным, сколько политическим целям. Нередко они возникали как народная молва, слух, которые лишь со временем записывались на бумагу.

Под напором жизни менялись даже такие традиционные формы, как агиографическая литература. Примером может служить “Житие Улиании Осорьиной”, написанное ее сыном. Это бесхитростная и трогательная история “хождения по мукам” благочестивой дворянки (вдовы опричника). Образ Улиании отличается многими симпатичными чертами. Ей чуждо стяжательство, собственные беды и горе не заглушают в ней сострадания к ближним. Среди ужасов голода и гражданской войны она, не колеблясь, расстаётся со всем имуществом, чтобы помочь населению своих вотчин и всем нищим.

Трагедия гражданской войны вызвала к жизни многообразную и яркую публицистику. Многочисленные “подметные” (подброшенные, анонимные) письма, повестивоззвания патриотического содержания служили целям земского освободительного движения.

Писатели начала XVII в. вынесли весьма различные впечатления от соприкосновения с “латинской” (западной) культурой. Лжедмитрий I успел оценить преимущества европейского просвещения за время своих скитаний за рубежом. Став царем, он любил поучать высших сановников государства, упрекал их за отсутствие образования, советовал ехать за границу для учения. Эти речи глубоко запали в голову молодого любимца царя князя Ивана Хворостинина. Будущему писателю не довелось побывать в Польше, но он близко познакомился с окружением Лжедмитрия. Польское общество было охвачено религиозным брожением. Водворившееся в Кремле польское

землячество было сколком этого общества. Оно включало католиков, протестантов-антитринитариев, униатов. Хворостинин изучал латынь и приводил в ужас ревнителей московского благочестия тем, что почитал католические иконы. Князь писал стихи (“вирши”), следуя правилам польского стихосложения. На склоне лет он написал Записки о Смутном времени. Впечатления молодых лет не покидали писателя всю жизнь. Он много лет помышлял о бегстве в Польшу или же Италию, постоянно подчеркивал свои симпатии ко всему иноземному. Хворостинин укорял москвичей за идолопоклонство (неосмысленное поклонение иконам), осмеивал доморощенные порядки, горько сетовал на то, что “в Москве людей нет, все люд глупый, жить не с кем, сеют землю рожью, а живут все ложью”. Хворостинин многократно подвергался преследованиям со стороны властей. Царь Василий Шуйский сослал его под надзор в Иосифо-Волоколамский монастырь, царь Михаил — в Кирилло-Белозерский монастырь. Будучи на Белоозере, “вольнодумец” покаялся и получил разрешение вернуться ко двору в Москву. Хворостинин был одним из первых русских “западников” XVII века.

Развитие русского зодчества накануне Смуты отмечено рядом успехов. Строительство было подлинной страстью Бориса Годунова. Взойдя на трон, он задумал воздвигнуть в центре Кремля грандиозный собор. Проект был связан с учреждением патриаршества в России в 1589 г. Богородица почиталась покровительницей Москвы, что и определило значение главной святыни Руси — Успенского Богородицкого храма. Новый собор Воскресенья Господня (“Святая святых”) строился как подражание Иерусалимскому храму, главной святыне вселенской православной церкви. Новый храм должен был подкрепить авторитет московского патриаршества. В дни избрания на трон Борис апеллировал к народу. Старые храмы — Успенский собор и храм Василия Блаженного могли вместить немного людей. Присягу Борису приносили в Успенском соборе в невероятной тесноте. Храм Воскресенья Господня должен был иметь огромное

внутреннее пространство, более приспособленное для церемоний с участием царя, его двора и народа. Собору отводилась роль нового центра мирового православия. В Кремле были проведены все подготовительные работы, собраны строительные материалы и др. Но началась Смута, и Борис умер, не осуществив проект.

В связи с планами возведения храма “Святая святых” мастера по царскому приказу надстроили столп Ивана Великого и подписали на нем имя Бориса. Столп был увенчан золотой главой и приобрел современный вид.

Шедеврами архитектуры являются каменные церкви, воздвигнутые в годуновских вотчинах в селах Хорошево и Вяземы под Москвой.

Свои строительные проекты царь Борис нередко подчинял благотворительным целям. В годы бедствий он приказал пристроить к старому дворцовому ансамблю новый “каменный двор”, чтобы дать возможность “питаться людям”. Лжедмитрий 1 возвел над старыми палатами Годунова роскошный деревянный дворец в польском стиле. Перед царским дворцом были впервые установлены “болваны” (скульптуры). На русском престоле сидел тайный католик, что благоприятствовало проникновению западных новшеств. Однако правление самозванца было недолгим.

В конце XVI в, московские мастера расписали стены Грановитой палаты в Кремле. Фрески погибли, но сохранилось их подробное описание. Роспись Грановитой палаты подчеркивала милосердие и кротость царской власти.

Борис Годунов и члены его рода проявляли большой интерес к живописи, заказывали фрески и иконы лучшим мастерам, поощряли художников. Церковь в усадьбе Бориса Годунова в Вяземах была расписана фресками, посвященными Троице. После смерти царя Федора его вдова Ирина Годунова переселилась в Новодевичий монастырь, где по ее заказу

был заново расписан Смоленский собор. Считают возможным говорить об особой “годуновской школе” конца XVI в., которой противопоставляют “строгановскую школу”. Однако надо иметь в виду условность этих характеристик.

Возникновение “строгановской школы” первоначально связывали с иконописной мастерской Строгановых, богатых солепромышленников из Сольвычегодска на Севере. В дальнейшем выяснилось, что иконописцы Строгановых не имели единой манеры письма и по большей части были рядовыми ремесленниками. Художники, представлявшие так называемую “строгановскую школу”, были царскими мастерами и трудились в Кремле. Их иконы были невелики по размеру и отличались мелким и точным письмом, которое современники называли “мелочным письмом”. Строгановы платили за них баснословные деньги. В годы Смуты строгановские владения избежали разорения, и в их коллекциях шедевры “мелочного письма” хорошо сохранились.

Так называемую “строгановскую школу” относят к экзотическим явлениям русской живописи, удовлетворявшим вкусы узкого круга богатых заказчиков. Икону, передававшую состояние вдохновенной молитвы, “строгановская” манера письма превращала в драгоценность, предназначенную не столько для храма, сколько для сокровищницы.

Конец XVI века был временем расцвета ювелирного искусства. Взойдя на трон, Борис Годунов заказал новую корону, отличавшуюся богатством и изысканной отделкой. В годы Смуты эта корона была сломана и употреблена на оплату наемных солдат. Лжедмитрий I, сменив на троне царя Бориса, заказал корону, которая богатством и роскошью должна была затмить короны всех прежних русских государей. Но мастера не успели закончить его “венец”.

Подлинными шедеврами ювелирного искусства были кадило и другие культовые предметы, изготовленные в 1598 г. по

заказу царицы Ирины Годуновой ко гробу царя Федора в Архангельском соборе.

Смута опустошила царскую сокровищницу, которую московские государи собирали на протяжении нескольких веков. Многие византийские и русские древности, представляющие исключительную художественную и историческую ценность, были отправлены в переплавку на Денежный двор или переданы в счет платы наемным солдатам, которые сами устанавливали им цену.

При Борисе и Лжедмитрии I Денежный двор в Москве продолжал выпускать золотые монеты. По приказу Лжедмитрия I была изготовлена самая крупная золотая монета — португал (весом в 10 венгерских дукатов) с гербом в виде орла. Тогда же в Польше был изготовлен наградной золотой с портретом “царя Дмитрия” и латинской надписью.

Русские мастера достигли впечатляющих успехов в литье больших колоколов и пушек. Мастер Андрей Чохов отлил в 1586 г. свою знаменитую Царь-пушку весом в сорок тонн. На ее стволе был изображен царь Федор Иванович верхом на коне.

Насилие Москвы над вольным Новгородом заложило фундамент “первой империи”, стало отправным пунктом развития имперской системы в России. Второй взрыв насилия, имевший место в опричнину, упрочил эту систему. Принудительное вторжение государства в сферу земельной собственности стало одной из главных причин политических потрясений и террора в XVI в. Опричные конфискации расширили фонд государственных земель. Террор упрочил основы самодержавной системы управления в России.

При Иване Грозном империя пережила расцвет. Ради поддержания вновь созданной военно-служилой системы государство вело непрерывные завоевательные войны. Россия осуществила крупные завоевания на востоке, но

попытка захвата Прибалтики не удалась.
Двадцатипятилетняя война из-за Ливонии была
безвозвратно проиграна.

В начале XVII в. “первая империя” не выдержала бремени бесконечных завоевательных войн, гипертрофированной государственной земельной собственности и порожденной ею налоговой системы. В стране началась гражданская война, царская власть пришла в состояние полного паралича. Империя начала разваливаться. От нее отделилось “Новгородское государство”, перешедшее под власть Швеции. Заколебались Казань и Астрахань. Бунты и мятежи Смутного времени сопровождались неслыханным разорением государства и гибелью значительной части его населения. Террор Грозного унес четыре тысячи жизней, Смута — сотни тысяч жизней. Прошло более полувека, прежде чем Россия смогла изжить воцарившуюся в стране разруху.

Библиография

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1 — 2. СПб., 1841 — 1842.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическо экспедицией. Т. 1. СПб., 1836.
3. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907.
4. *Буссов К.* Московская хроника. М.-Л., 1961.
5. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

6. Духовные и договорные грамоты московских великих и удельных князей. Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.-Л., 1950.
7. *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.-Л., 1960.
8. *Курбский А.* История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914.
9. *Максим Грек.* Сочинения в русском переводе. Ч. 1 — 3. Троице-Сергиева лавра, 1910 — 1911.
10. *Маржарет Я.* Россия начала XVII в. Записки капитана Я. Маржарета. М., 1982.
11. *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
13. Памятники истории нижегородского ополчения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611 — 1612 гг. // Действия
14. Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник XI. Нижний Новгород, 1913.
15. *Палицын А.* Сказание. М.-Л., 1955.
16. *Пересветов И.* Сочинения. М.-Л., 1959.
17. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
18. Повести о Куликовской битве. Изд. подг. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 1 — 37. СПб.; М.-Л.; 1841 — 1982.
20. Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951.
21. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.-Л., 1950.
22. Псковские летописи. Вып. 1 — 2. М.-Л., 1941 — 1955.
23. Разрядная книга 1475 — 1605 гг. Т. 1 — 3. М., 1977 — 1985.
24. Редкие источники по истории России. Вып. 2. Новые родословные книги XVI в. М., 1977.
25. Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880.
26. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1986, 1988. Вып. I — IV.
27. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1

- 2. СПб., 1859.
28. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1 — 3. М., 1819 — 1822.
 29. Стоглав. М., 1863.
 30. *Таубе И. И Крузе Э.* Послание // Русский исторический журнал. Т. 8. Пг., 1922.
 31. *Тимофеев И.* Временник. М.-Л., 1951.
 32. *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906.
 33. *Шлцхтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935.
 34. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

* * *

1. *Алексеев Ю, Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
2. *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992.
3. *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988.
4. *Бернадский. В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л., 1961.
5. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
6. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
7. *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. М.-Л., 1947.
8. *Гольдберг А, Л.* Идея “Москва — третий Рим” в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Т. 37. 1983.
9. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т.1. Первая половина. М., 1880. Вторая половина. М., 1881;Т.2.Ч. 1. М., 1900.

10. *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. Т. 1 — 2. М., 1954.
11. *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV — XVI вв. М., 1963.
12. *Grobovsky A. N.* The “Chosen Council” of Ivan IV. A Reinterpretation. N.Y., 1969.
13. *Denissoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Contribution a l'histoire de la pensee religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris-Louvain, 1943.
14. *Дмитриевский А.* Архиепископ елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезундского сумелийского монастыря. Киев, 1899.
15. *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991.
16. *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV — XVI столетий. М., 1982.
17. *Зимин А. А.* И.С.Пересветов и его современники. М.-Л., 1958.
18. *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и социально-политической истории России XVI в. М., 1960.
19. *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
20. *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.
21. *Казакова Н. А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970.
22. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси (XIV — начало XVI века). М.-Л., 1955.
23. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1 — 12. СПб., 1842 — 1843.
24. *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.
25. *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919.
26. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. СПб., 1871.
27. *Ключевский В. О.* Сочинения. Т.1 — 8. М., 1956 — 1959.
28. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
29. *Kollmann Shields N.* Kinship and Politics. Stanford, 1987.

30. *Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 26 — 112.*
31. *Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X — XIV вв. М., 1984.*
32. *Lilienfeld. Fairy von. Nil Sorskij und seine Schriften. Der Bruch der Tradition im Rutland Ivans III. Berlin, 1963.*
33. *Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.-Л., 1960.*
34. *Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV — XV вв. Л., 1976.*
35. *Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988.*
36. *Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 — 1612 гг. М., 1984.*
37. *Малинин В. Старец Елиазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.*
38. *Мейендорф И. Византия и Московская Русь. Париж, 1990.*
39. *Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.-Л., 1958.*
40. *Мюллер Л. Особая редакция жития Сергия Радонежского // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Т. 34. М., 1973.*
41. *Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.*
42. *Никольский Н. М. История русской церкви, 3-е изд. М., 1985.*
43. *Ostrovski, Donald Gary. A "Fontological" Investigation of the Moscovite Church Council of 1503. Ann Arbor, 1977, Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.*
44. *Pipes R. Russia under the Old Regime. N.Y., 1974.*
45. *Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XV-XVI в. как исторический источник. СПб., 1913.*

46. *Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI — XV11 вв. м., 1937.*
47. *Плигузов А. И. Вступление Вассиана Патриеева в полемику о монастырских землях и творческая история “Собрания некоего старца” // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 4 — 48.*
48. *Плигузов А. И. Памятники раннего “нестяжательства” первой трети XVI века. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1986.*
49. *Покровский Н. Н. Судные списки Максима Грека и Исака Собака. М., 1971.*
50. *Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII — XV столетий. Пг., 1918.*
51. *Приселков М. Д. История русского летописания XI — XV вв. Л., 1940.*
52. *Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.*
53. *Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957.*
54. *Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л , 1978.*
55. *Русское православие. Вехи истории. М., 1989.*
56. *Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901.*
57. *Сишцына Н. В, Максим Грек в России. М., 1977.*
58. *Скрынников Р. Г. Где и когда было составлено “Сказание о Мамаевом побоище” // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С.205 — 210.*
59. *Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С.43 — 69.*
60. *Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30 — 50-х годов XVI в. М.-Л., 1958.*
61. *Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606 — 1607 г. М., 1951.*
62. *Соловьев С. М. История России с древнейших времен.*

- Т. 1 — 4. М., 1988 — 1990.
63. *Stokl G.* Zur Geschichte des Russisches Monchtums // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Bd2.1953.
 64. *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
 65. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV — XVI вв. М., 1957.
 66. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси (X — XVII вв.). Париж, 1983.
 67. *Fennell 1. L.* The Dynastic Crisis, 1497-1502 // The Slavonic and East European Review. Vol. XXXIX. №92. 1962.
 68. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1983.
 69. *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980. С. 142 — 173.
 70. *Helle R.* Enserfment und Military Change. Chicago, 1971.
 71. *Hbsch E.* Orthodoxie und Haresie im alten Rupland. Wiesbaden, 1975.
 72. *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI — XVI вв.). М., 1986.
 73. *Черепшн Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV — XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.
 74. *Черепнын Л. Д.* Земские соборы Русского государства XVI — XVII вв. М., 1978.
 75. *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973.
 76. *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984.
 77. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

1. Начало опричнины. Л., Изд. ЛГУ. 1966.
2. Опричный террор. Л., Изд. ЛГУ. 1969.
3. Переписка Грозного и Курбского. Л., Наука. 1973.
4. Россия после опричнины. Л., Изд. ЛГУ. 1975.
5. Иван Грозный. М., Наука. Три издания. 1975, 1978, 1983.
6. Борис Годунов. М., Наука. Три издания. 1978, 1979, 1983.
7. Ivan Grozny. Panstwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa, 1979. Перевод на польск. яз.
8. Ivan the Terrible. Academic International Press. USA. 1981. Перевод на английск. яз.
9. Россия накануне “Смутного времени”. М., Мысль. Два издания. 1980, 1985.
10. Минин и Пожарский. ЖЗЛ. М., Молодая гвардия. 1981.
11. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, Наука. Два издания. 1982, 1986.
12. Borys Godunow. Panstwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa, 1982. Перевод на польск. яз.
13. Borys Godunov. Academic International Press. USA, 1982. Перевод на английск. яз.
14. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., Изд. ЛГУ. 1985.
15. Problems in Russian Medieval History. 14-16 Centuries.// Soviet Studies in History. M. E. Sharp. 1985. Vol. XXIV. № 1 — 2.
16. Иван Грозный. Нанкин. 1986. Перевод на китайск. яз.
17. На страже московских рубежей. М., Московский рабочий. 1986.
18. Ермак. М., Просвещение. Два издания. 1986, 1992.
19. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, Наука. Два издания. 1987, 1991.
20. Time of Troubles. Russia in Crisis. Academic International Press. USA. 1988. Перевод на английск. яз.
21. Россия в начале XVII в. Смута. М., Мысль. 1988.
22. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.,

- Наука. 1988.
23. Лихолетье. М., Московский рабочий. 1988.
 24. Далекий век. Л., Лениздат. 1989.
 25. Святители и власти. Л., Лениздат. 1990.
 26. Государство и церковь на Руси. Новосибирск, Наука. 1991.
 27. Ivan der Schreckliche und seine Zeit. Verlag Beck. München, 1992. Перевод на немецк. яз.
 28. Царство террора. СПб., Наука. 1992.

RUS-SKY

[На главную](#)